

Т И М Е Й.

Т И М Е Й.

ВВЕДЕНИЕ.

«Тимей» представляет изслѣдованіе о природѣ міра и происхожденіи вещей. Это одно изъ наиболѣе богатыхъ содержаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе обработанныхъ критикою произведеній Платона. «Тимей» мало находилъ толкователей, которые бы обработкою его въ полномъ составѣ занялись спеціально; весьма немного было и такихъ, которые не безъ успѣха разъясняли отдѣльныя его части. Причину этой холодности къ «Тимею», на которую жаловались еще древніе философы, и между прочимъ Цицеронъ, надо, кажется, полагать въ особенной его трудности и темнотѣ. Между древними комментаторами «Тимея» болѣе другихъ выдаются Плутархъ и Прокль. Изъ новѣйшихъ мы особенно обязаны Штальбауму. Раздѣляя вполнѣ общія воззрѣнія и многія частныя критическія мнѣнія этого писателя, мы руководствовались имъ болѣе или менѣе въ объясненіи всѣхъ предшествующихъ діалоговъ, и ему же будемъ слѣдовать теперь, въ объясненіи «Тимея». При этомъ мы позволяемъ себѣ нерѣдко перелагать его мысли почти буквально, избѣгая только такъ свойственной ему растянутости и утомительнаго эпизодизма. И такъ, слѣдуя этому руководителю, въ видахъ болѣе полнаго изъясненія «Тимея», рас-

кроемъ сперва, въ общихъ чертахъ, его содержаніе; затѣмъ покажемъ идею и цѣль діалога, связь его съ другими сочиненіями Платона, преобладающій въ немъ методъ изслѣдованія и источники развиваемаго въ немъ ученія; наконецъ, коснемся отдѣльно нѣкоторыхъ наиболѣе трудныхъ и темныхъ сторонъ этого ученія, выясненіе которыхъ совершенно необходимо для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о духѣ и идеѣ цѣлаго сочиненія.

Сократъ наканунѣ доставилъ большое удовольствіе Тимею, Критіасу, Ермогену и какому-то четвертому слушателю своими разказами о наилучшемъ государствѣ. Теперь тѣ же самыя лица, за исключеніемъ этого четвертаго, неизвѣстнаго друга (подъ которымъ нѣкоторые разумѣютъ самого Платона), сходятся снова, чтобы взаимно угостить Сократа рѣчами. И такъ какъ было условлено, что рѣчи ихъ будутъ подобнаго же содержанія, то, въ началѣ діалога, Сократъ кратко упоминаетъ о главныхъ мысляхъ вчерашняго разсужденія, и сущность всего разговора сводитъ къ понятію о томъ, каково должно быть государство и каковы граждане того государства, которое можно почитать наилучшимъ. Затѣмъ Сократъ выражаетъ желаніе, чтобы кто нибудь показалъ, каково выйдетъ такое государство въ самыхъ житейскихъ своихъ дѣлахъ и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ. И вотъ Критіасъ, имѣя въ виду удовлетворить этому желанію Сократа, рассказываетъ одно преданіе, принесенное его предками изъ Египта, которое позволяетъ заключить, что Аѣинская республика въ древнія времена очень близко подходила къ образцу совершеннаго государства, представленному Сократомъ. Руководствуясь этимъ преданіемъ, Критіасъ предполагаетъ изобразить полнѣе и точнѣе состояніе Аѣинъ того времени, чтобы этотъ образъ совершеннаго государства представить наглядно, во всѣхъ формахъ и условіяхъ дѣйствительной жизни. Но сна-

чала онъ предлагаетъ условиться, о чемъ именно и въ какомъ порядкѣ держать имъ свои рѣчи. Рѣшаютъ, что первый поведетъ рѣчь Тимей, какъ великій знатокъ астрономіи и естественныхъ наукъ; и когда, начавъ рожденіемъ міра, дойдетъ онъ въ своемъ разсказѣ до человѣческаго рода, тогда Критіасъ этихъ людей, какъ бы рожденныхъ Тимеемъ и затѣмъ воспитанныхъ Сократомъ, представитъ гражданами древнихъ Аѳинъ.—Этимъ порядкомъ рѣчей ясно опредѣляется какъ содержаніе и цѣль самаго «Тимея», такъ и связь этой книги съ Платоновымъ «Государствомъ» (р. 20 С—27 В).

Тимей, помолвившись сперва богамъ, чтобы они помогли ему въ разсужденіи о столь важномъ предметѣ, начинаетъ свою рѣчь изслѣдованіемъ происхожденія міра. Есть два рода вещей, говоритъ онъ: одинъ—вѣчный, постоянный, чуждый всякой измѣняемости, не имѣвшій никогда начала; другой—заключающій въ себѣ все, что подвержено перемѣнамъ, что происходитъ и рождается. Первый изъ этихъ родовъ постигается мыслию и умомъ; онъ всегда тождественъ. Послѣдній, чрезъ посредство чувства, является въ насъ мнѣніемъ; онъ весь есть мнимое, всегда рождается и исчезаетъ, но никогда не имѣетъ истиннаго бытія. Но что рождается, то необходимо должно происходить отъ какой нибудь причины. И этотъ тоже универсъ, это небо, или космосъ, воспринимаемый нами посредствомъ чувствъ и принадлежащій естественно къ тому роду, которому свойственно измѣненіе и рожденіе, долженъ былъ нѣкогда получить начало и имѣть своего виновника или создателя. И такъ, онъ несомнѣнно сотворенъ; но красота міра, непрерывный порядокъ и постоянство въ смѣнѣ всѣхъ явленій, все убѣждаетъ насъ, что если онъ и созданъ, то созданъ по образцу какого-то другаго, совершеннѣйшаго міра, который не подлежитъ, подобно ему, непостоянству измѣненія или рожденія. Такъ что этотъ видимый нами космосъ есть отпечатокъ нѣкотораго міра вѣчнаго (р. 27—В 29 А).

Показавъ въ общихъ чертахъ природу изслѣдуемаго предмета, Тимей предупреждаетъ слушателей относительно средствъ и предѣловъ начатаго изслѣдованія. Какъ видимый міръ есть лишь нѣкоторый образъ міра мыслимаго; такъ и разсужденіе о немъ будетъ имѣть характеръ не абсолютной истины, а только нѣкотораго правдоподобія. Какая существуетъ разница между самою вещію и ея образомъ, такая же должна быть и между разсужденіями о томъ и другомъ. Самъ онъ свое разсужденіе называетъ миеомъ, такъ какъ оно будетъ заниматься не изслѣдованіемъ истины, а только гаданіями о вѣроятномъ (р. 29 А—D).

Затѣмъ Тимей выводитъ слѣдующія заключенія:

Къ созданію сего прекраснѣйшаго міра подвигло Бога не иное что, какъ его благость. Будучи самъ существомъ благимъ и, слѣдовательно, чуждымъ всякой зависти, Богъ пожелалъ, чтобы міръ былъ сколько можно болѣе подобенъ ему и совершенъ. Для этой цѣли, онъ привелъ въ порядокъ безъ мѣры волновавшуюся, безформенную и нестройную матерію тѣлъ и вложилъ въ міровое тѣло душу, одаренную умомъ (р. 29 I—30 B).

Міръ, какъ твореніе совершенное, не могъ быть созданъ по образцу чего либо, подходящаго подъ понятіе части. Образцомъ ему должно было послужить нѣчто столь же полное и совершенное, какъ и онъ самъ:—это, именно, міръ мыслимый, обнимающій собою все мыслимое живое. И какъ возможенъ былъ лишь одинъ такой образецъ, такъ и міръ необходимо долженъ быть *одинъ* (р. 30 B—31 B).

Чтобы всѣ явленія міра сдѣлать доступными осязанію и зрѣнію, Богъ составилъ міръ изъ земли и огня. Но такъ какъ эти коренныя стихіи взаимно противоположны по своимъ природнымъ свойствамъ, то, чтобы связать ихъ, Богъ передложилъ огонь и землю воздухомъ и водою (р. 31 C—32 C).

Въ созданіи міра Богъ истощилъ всю матерію стихій. Это сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы ничего не оставалось внѣ

космоса, что могло бы дѣйствовать враждебно на его строй, и чтобы космосъ такимъ образомъ не подлежалъ пороку поврежденія и состарѣванія (р. 32 D—33 A).

Содержа въ себѣ всѣхъ животныхъ и всѣ формы, космосъ долженъ былъ самъ принять такую форму, чтобы въ ней могло уложиться все созданное,—именно сферическую. Сама въ себѣ самая совершенная, форма эта прилична міру и потому, что, для поддерживанія себя, онъ не имѣетъ надобности ни въ рукахъ, ни въ ногахъ, ни въ другихъ членахъ. Міровому тѣлу Богъ сообщилъ движеніе круговое, какъ самое совершенное и особенно свойственное уму и размышленію (р. 33 B—34 A).

Душу Богъ помѣстилъ въ срединѣ міра, но разлилъ по всѣмъ частямъ его и проявилъ ея присутствіе даже снаружи (р. 34 B).

Такимъ образомъ міръ является совершеннымъ, т. е. не имѣющимъ ни въ чемъ недостатка и потому блаженнымъ существомъ.

Это—первая часть разсужденія, посвященная вопросу о происхожденіи и природѣ міра въ его цѣломъ. Въ слѣдующемъ за симъ второмъ отдѣлѣ разсматриваются порознь міровыя части. Здѣсь идетъ рѣчь прежде всего о душѣ, потомъ о тѣлахъ и животныхъ.

Въ міровой душѣ Тимей различаетъ двѣ стихіи: одну—сродную съ міромъ разумнымъ, существующую непрерывно, вѣчную, постоянную; другую—происшедшую изъ первобытной матеріи тѣлъ, и потому измѣняющуюся и дѣлимую. Ту и другую Богъ соединилъ союзомъ сущности, которая привзошла какъ нѣчто третье. Составивъ изъ этихъ трехъ началъ природу души, Богъ связалъ ее извѣстными отношеніями математическими и музыкальными. Но затѣмъ составъ души подраздѣленъ опять на двое—по кругу неподвижныхъ звѣздъ и кругу планетъ; ибо отъ души должны были зависѣть всякая жизнь и движеніе въ природѣ. Такимъ образомъ небо и планеты если движутся, то движутся си-

лою міровой души и по ея законамъ, совершая движенія именно круговыя, размѣренныя извѣстными математическими и музыкальными пропорціями. И движеніе внѣшняго круга, или неба неподвижныхъ звѣздъ, направленное къ западу, есть движеніе вѣчное, всегда одинаковое, и соотвѣтствуетъ той части души, которая образована изъ стихіи высшей; движеніе же планетъ, направляющееся къ востоку, представляетъ природу различія и разнообразія, насколько она привита міровой душѣ,—отъ чего зависитъ и разнообразіе ихъ путей и скоростей.

Съ душою, такимъ образомъ рожденною и образованною, Богъ соединилъ потомъ міровое тѣло. Занявъ его отъ середины до предѣловъ неба и обнимая его кругомъ съ внѣшней стороны, вращающаяся сама въ себѣ душа ввела въ міръ божественное начало вѣчной и мудрой жизни. Она получила даръ познанія вещей и тѣлесныхъ и мыслимыхъ, или идей, такъ какъ сама состоитъ изъ стихій чувственной и умственной. И не только познаетъ она матерію, или, такъ сказать, реальность міра разумѣваемаго и тѣлеснаго, но совмѣстнымъ дѣйствіемъ всѣхъ сторонъ своей природы различаетъ и разнообразныя отношенія и сочетанія вещей. При этомъ изъ свободной и ничѣмъ не возмущенной дѣятельности чувственной ея части возникаютъ правильныя мнѣнія и убѣжденія; а при правильномъ и свободномъ движеніи другой, высшей части, раждаются разумъ и знаніе, или вѣдѣніе вещей божественныхъ. Такъ получило жизнь и свою дѣятельную силу это животное универса (р. 34 С—37 С).

Взирая на это живое отображеніе вѣчныхъ боговъ, Творецъ самъ радовался на свое твореніе, и положилъ сдѣлать его еще болѣе подобнымъ тому образцу, по которому произвелъ его. Творецъ видѣлъ, что образецъ вѣченъ; но вѣчность, всегда себѣ равная и не допускающая никакихъ послѣдовательныхъ перемѣнъ, не совмѣстима съ тѣмъ, что произошло и родилось: поэтому онъ произвелъ особый,

подвижный образъ вѣчности, т. е. время. Итакъ, если то, что дѣйствительно существуетъ, всегда существуетъ, и нельзя допустить, что оно когда-то было или нѣкогда будетъ, чтобы оно росло или уменьшалось; то вещамъ рожденнымъ свойственна, напротивъ, преемственность во времени, въ силу которой онѣ являются какъ бы образомъ абсолютно вѣчнаго (р. 37 С—38 В).

Время произошло вмѣстѣ съ небомъ. Чтобы дать ему рожденіе, Богъ, кромѣ сферы неподвижныхъ звѣздъ, сотворилъ солнце, луну и пять планетъ и далъ имъ движеніе по пути, которымъ вращается начало различія. Солнце онъ возжегъ на второй отъ земли орбитѣ, чтобы оно служило мѣрою относительной скорости движенія небесныхъ тѣлъ, чтобы разливало свой свѣтъ по всему небу, и одаренныя умомъ животныя, при его помощи, познавали счетъ, отличая движеніе природы равномерной, всегда одинаковой, отъ движенія природы различной, всегда разнообразящейся. Такъ произошли періоды ночей и дней, мѣсяцевъ и годовъ.— Законы движенія звѣздъ людямъ извѣстны очень мало. Можно однакожь думать, что черезъ извѣстный періодъ времени долженъ истекать полный и совершенный годъ,— когда скорости всѣхъ восьми сферъ взаимно восполняются и онѣ снова возвращаются къ тому началу, изъ котораго вышли. И такъ, небесныя тѣла рождены, очевидно, для того, чтобы этотъ универсъ представлялъ возможно близкое подобіе того вѣчнаго образца, по которому созданъ (р. 38 В—39 Е).

Но міръ былъ еще не совершенъ, пока не было въ немъ животныхъ. И вотъ Богъ положилъ сотворить для него столько же родовъ животныхъ, сколько созерцалъ ихъ въ томъ вѣчномъ образцѣ. Такъ явились, въ соотвѣтствіе четыремъ стихіямъ, слѣдующіе четыре рода существъ: родъ небесныхъ боговъ; родъ существъ, живущихъ въ воздухѣ и пернатыхъ; родъ водяныхъ и родъ живущихъ на землѣ животныхъ.

Родъ божественныхъ существъ Богъ устроилъ преимущественно изъ огня, чтобы онъ былъ всѣхъ свѣтлѣе и прекраснѣе; далъ ему, какъ и цѣлому космосу, шаровидную форму и сообщилъ два вида движенія: вращательное—около самихъ себя, и поступательное—по пути движеній или начала тождественнаго (неподвижнымъ звѣздамъ), или начала различія (планетамъ). Землю, утвержденную на оси вселенной, поставилъ онъ первымъ изъ всѣхъ и старѣйшимъ богомъ, стражемъ и творцомъ дня и ночи.—Уклоняясь отъ подробнаго разсмотрѣнія движеній и различныхъ сочетаній небесныхъ тѣлъ, Тимей упоминаетъ затѣмъ мимоходомъ еще о богахъ народной религii. Онъ подтверждаетъ въ общихъ чертахъ все то, что сообщаетъ о происхожденiи этихъ боговъ преданiе, очевидно, не рѣшаясь возставать противъ народныхъ предразсудковъ (р. 39 E—41 A).

Небесные боги, сотворенные непосредственно самимъ верховнымъ Зиждителемъ міра, уже въ силу своего происхожденія стали неразрѣшимы и бессмертны. Прочимъ родамъ животныхъ, необходимымъ для полноты и совершенства міра, верховный Богъ судилъ быть смертными, и потому созданіе ихъ возложилъ на этихъ сотворенныхъ боговъ. Только божественное начало духовной жизни, которое должно было отличать совершеннаго человѣка, онъ посѣялъ самъ, а богамъ предстояло довершить все остальное, изъ чего слагается существованіе животныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ духовнымъ началомъ, которое Богъ образовалъ изъ того же самаго, только менѣе чистаго состава, какъ и душу вселенной, человѣку преподааны были заранѣе основные, верховные законы жизни. Дальнѣйшее руководство и попеченіе надъ смертнымъ родомъ возложено было, какъ и созданіе его, на подчиненныхъ боговъ (р. 41 A—42 E).

Повинуясь приказанію Отца, боги образовали животное тѣло, связавъ его изъ четырехъ міровыхъ стихій; но тѣло это было уже смертное, ибо употребленныя для него стихійныя связи не были, по самой своей природѣ, особенно

тверды и прочны. Нуждаясь въ питаніи и подвергаясь постояннымъ приливамъ и отливамъ вещества, тѣло возмущало этимъ потокомъ перемѣнъ привязанную къ нему бессмертную душу: такъ что животное хотя и пришло затѣмъ въ движеніе, но двигалось беспорядочно и безцѣльно, по шести различнымъ направленіямъ (впередъ и назадъ, направо и налѣво, вверхъ и внизъ). Но еще сильнѣе потрясали душу чувственныя ощущенія. Подъ дѣйствіемъ этихъ враждебныхъ вліяній, врожденные душѣ обороты тожества и различія не могли совершаться правильно,—пока наконецъ, мало по малу, она не укрощала и не подчиняла своей власти тѣлесныя движенія. Въ этомъ случаѣ ей много могло помочь хорошее воспитаніе и повредить дурное.

Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь Тимей переходитъ къ вопросу объ образованіи тѣла, въ его составныхъ частяхъ (р. 42 E—44 D).

Въ подражаніе шаровидной формѣ вселенной, боги образовали круглое тѣло—голову, господствующую часть тѣлеснаго нашего состава, и къ ней привязали оба божественные оборота—тожества и различія. Какъ служебный снарядъ, облегчающій ей движеніе, боги приростили къ головѣ туловище съ четырьмя членами: такимъ образомъ тѣло получило протяженность, явились руки и ноги.

За передней стороною тѣла боги признали первенство, придали тѣлу въ этомъ направленіи болѣе подвижности и отличили эту сторону тѣмъ, что помѣстили на ней лицо, со всѣми органами чувства—органами промыслительной дѣятельности души. Между органами первое мѣсто занимаютъ глаза, съ свойственною имъ способностію передавать душѣ образы внѣшнихъ предметовъ, которую мы называемъ зрѣніемъ. Зрѣніе дано намъ, чтобы мы, созерцая универсъ, познавали стройные обороты неба и исправляли по ихъ образцу нестройныя движенія собственной нашей души. Черезъ зрѣніе намъ стала доступна философія,—высочайшее изъ благъ, ниспосланныхъ людямъ богами. Для той же цѣли

дарованы намъ слухъ и голосъ, съ которыми мы получаемъ даръ рѣчи и даръ музыки. Значеніе рѣчи для успѣшныхъ занятій философіею очевидно; а посредствомъ музыки и ея элементовъ,—ритма и гармоніи,—мы имѣемъ возможность подавлять внутреннюю рознь и возстановлять согласіе и порядокъ въ своей душѣ (р. 44 D—47 E).

До сихъ поръ рѣчь шла лишь о той сторонѣ явленій, въ которой выразилась творческая сила разума; но въ образованіи міра принимала участіе, кромѣ разума, начала направляющаго, сила необходимости: ея вліяніе и дѣйствіе надо прослѣдить теперь въ явленіяхъ, начавъ изслѣдованіе опять съ самыхъ первыхъ, основныхъ положеній.

Были уже различены два рода вещей: одинъ—послужившій образцомъ для всего рожденнаго, всегда тождественный и постигаемый однимъ умомъ, другой—представляющій собою нѣкоторое подражаніе первому и подлежащій чувствамъ. Теперь надо допустить еще третій родъ: его назначеніе—въ томъ, чтобы служить пріемникомъ и какъ бы кормилицей всего раждаемаго. Мы уяснимъ себѣ этотъ темный и трудный родъ на примѣрѣ образованія самихъ стихій. То, что обыкновенно называется стихіями,—изъ чего, по нашему убѣжденію, слагается все,—на дѣлѣ не есть что либо постоянное, неизмѣнное. Эти стихіи переходятъ одна въ другую непрерывно: вода въ сгущенномъ состояніи становится землею, въ разрѣженномъ—воздухомъ, а въ воспламененномъ—огнемъ; наоборотъ, огонь, погасши, переходитъ въ воздухъ, сгущенный воздухъ превращается въ облако и потомъ въ воду, а изъ воды вырабатываются земля и камни. Такъ какъ эта смѣна стихій совершается непрерывно, то къ нимъ, очевидно, нельзя привязать никакого имени, съ которымъ соединено понятіе о чемъ либо устойчивомъ и постоянномъ. Чтобы быть точными, мы должны бы были указывать на нихъ неопредѣленно, какъ на что-то такое, что, представляясь намъ то водою, то огнемъ, то землею, принимаетъ, въ сущности, только образъ

того или другаго. Между тѣмъ эта непрестанная смѣна стихій предполагаетъ бытіе нѣкотораго особаго начала, изъ котораго происходятъ и онѣ сами, и все, что называется у насъ теплымъ, холоднымъ, бѣлымъ, чернымъ и т. п. Начало это по своей природѣ должно быть воспріимчиво ко всякому качеству и всякой формѣ, но само не представлять ничего подобнаго, потому что ни одного качества не удерживаетъ при себѣ постоянно. Чтò имѣеть своимъ назначеніемъ воспринимать въ себѣ всѣ виды, само, очевидно, должно быть чуждо всѣхъ формъ.—И такъ, есть три рода вещей: есть, во первыхъ, то, чтò бываетъ; во вторыхъ, то, въ чемъ бываетъ что либо; и, наконецъ, образецъ, по подобію котораго все слагается. Послѣднее можно назвать отцомъ, второе—матерью, а первое—нѣкоторымъ плодомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что матерія, которая все принимаетъ въ себя, не можетъ быть отнесена ни къ какому роду рожденныхъ вещей, такъ что не есть ни вода, ни земля, ни воздухъ, ни огонь; чуждая всякой формы и безконечная, она даже не подлежитъ и зрѣнію. Но она имѣеть ту особенность, что какимъ-то неизъяснимымъ образомъ причастна началу, постигаемому однимъ умомъ и мыслию, такъ какъ испытываетъ на себѣ его воздѣйствія (р. 48 E—51 C).

Нерѣдко ставятъ однакожъ вопросъ: существуетъ ли что либо само по себѣ, какъ мыслимый видъ, или дѣйствительное бытіе имѣють однѣ вещи чувствовостигаемыя? Многіе держатся именно послѣдняго предположенія. Мы отвѣтимъ на это такъ: Если умъ и знаніе различаются отъ мнѣнія; то необходимо, чтобы различались и самыя природы, воспринимаемыя тѣмъ и другимъ путемъ. Все, что воспринимается мнѣніемъ, разнообразно и измѣнчиво; что воспринимается умомъ, неизмѣнно и вѣчно. Есть, стало быть, вещи разумѣаемыя, или идеи, чуждыя всякой измѣняемости; есть также вещи рожденныя, подлежащія смѣнѣ перемѣнъ; и есть, наконецъ, нѣчто,—нѣкоторое вмѣстилище, пространство или приѣмникъ,—назовите это какъ угодно,—въ чемъ все бываетъ, чтò представляетъ собою точно ка-

кой-то субстратъ рожденія, что ускользаетъ совершенно отъ нашего чувства и постигается лишь путемъ нѣкотораго поддѣльнаго сужденія ($\nu\acute{o}\delta\phi\ \tau\iota\upsilon\ \lambda\omicron\upsilon\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$).—Но остережемся отъ одного ошибочнаго представленія, на которое легко можетъ натолкнуть насъ этотъ послѣдній родъ: не слѣдуетъ думать, что природа дѣйствительно существующаго тоже требуетъ себѣ непремѣнно мѣста, и что если чего нѣтъ ни на землѣ ни на небѣ, то того и нѣтъ вовсе. Вѣдь вещи, воспринимаемыя чувствами, хотя и составлены по образцу идей, представляя собою ихъ подобіе, тѣмъ не менѣе отъ самыхъ идей онѣ отличны; поѣтому на идеи нельзя переносить цѣликомъ всѣ отношенія пространственныя и мѣстныя, свойственныя вещамъ чувствопостигаемымъ (р. 51 C—52 D).

Прежде чѣмъ созданъ былъ міръ, матерія уже содержала въ себѣ четыре стихіи,—содержала такъ, что почти примѣнялась къ ихъ формамъ, и потому казалась всеобразною. Оттого уже съ самаго начала имѣла она силу распадаться на четыре вида. Распаденіе матеріи обнаруживалось еще тогда, когда Богъ приступалъ къ созданію міра. Но отъ неравномѣрности и неравновѣсности состава, въ движеніяхъ ея не было тогда никакого порядка. Поѣтому божество разграничило матерію извѣстными числами и фигурами, такъ что легкое и тяжелое, повинувась своей природѣ, отдѣлились одно отъ другаго, а что было въ матеріи подобнаго и однороднаго, то слилось. Такъ возникли стихіи огня и земли, воды и воздуха (р. 52 D—53 C).

Затѣмъ объясняется устройство стихій. Стихіи, конечно, надо принимать за тѣла. Но вѣдь тѣла образуются изъ плоскостей. Начало же всякой плоскости легко можетъ быть выведено изъ прямоугольныхъ трехугольниковъ, равнобедреннаго и неравнобедреннаго, того именно, у котораго гипотенуза вдвое болѣе меньшаго изъ катетовъ. Изъ нихъ слѣдуетъ выводить и образованіе стихій. Трехугольники эти служатъ основаніемъ четырехъ тѣлъ: куба, пирамиды, вось-

мисторонника и двадцатисторонника. Каждая изъ названныхъ фигуръ должна быть присвоена той или другой стихіи, смотря по относительной тонкости или плотности фигуръ и стихій. Землѣ, какъ стихіи самой плотной и тяжелой, слѣдуетъ приписать, конечно, фигуру куба; огню, стихіи наиболѣе тонкой и острой,—фигуру пирамиды; среднимъ по этимъ свойствамъ стихіямъ, воздуху и водѣ, принадлежать среднія же по свойствамъ и фигуры,—восьмисторонникъ и двадцатисторонникъ. Эти элементарныя частицы стихій такъ тонки, что, каждая въ отдѣльности, совершенно ускользають отъ нашего чувства, и становятся ему доступны только въ большихъ массахъ. Всѣ онѣ, кромѣ элементовъ земли (куба), имѣють способность, разлагаясь на основныя частицы (треугольники), силою взаимнаго притяженія этихъ разрозненныхъ частицъ, превращаться одна въ другую. Только частицы земли или куба хотя и смѣшиваются, въ своемъ разрѣженномъ состояніи, со всѣми другими, но никогда не переходятъ въ природу иной стихіи (р. 53 С—57 D).

Это взаимное превращеніе стихій условливается постояннымъ ихъ движеніемъ, о причинахъ котораго надо тоже сказать нѣсколько словъ. Движеніе бываетъ только при неравномѣрности. Причина неравномѣрности заключается въ неравенствѣ, о которомъ мы уже упоминали прежде. Однакожь, и раздѣлившись по родамъ, стихіи все же, какъ мы видимъ, не перестаютъ двигаться. Это происходитъ отъ того, что шаровидный универсъ, стремясь въ самомъ себѣ сомкнуться, сжимаетъ заключенныя въ немъ стихіи и, не допуская нигдѣ пустотъ, переполняетъ стихіи однѣ другими. Стихіи распредѣляются оттого неравномѣрно, и отдѣльныя части каждой, раздѣленныя чуждыми имъ элементами, стремятся постоянно соединиться другъ съ другомъ (р. 58 А—С).

У каждой изъ стихій есть свои разновидности. Огонь, напримѣръ, принимаетъ видъ и пламени, и истекающаго

изъ пламени свѣта. Между видами воздуха мы различаемъ эфиръ, туманъ, мглу и проч. Вода можетъ быть подраздѣлена на два обширныхъ вида: плавкій, къ которому относятся всѣ металлы, и текучій, къ которому принадлежатъ между прочимъ разные растительные соки (вино, масло, медь, опосъ). Много видовъ и у земли (камень, глина, селитра, соль) (р. 58 С—61 С).

Далѣе объясняются свойства стихій, въ связи съ впечатлѣніями, воспринимаемыми отъ нихъ нашимъ чувствомъ. Изъ строенія стихій выводятся такія ихъ свойства, какъ *теплота и холодъ, мягкость и твердость*. Свойства *тяжести и легкости* объясняются тѣмъ, что стихіи, въ силу различныхъ ихъ качествъ и условій существованія, увлекаются либо центробѣжною, либо центростремительною силою (р. 61 С—63 Е). Чувства и впечатлѣнія объясняются такимъ образомъ: *Удовольствіе* является въ томъ случаѣ, когда воспріимчивыя къ чувству частицы нашего тѣла приходятъ въ движеніе, согласное съ ихъ природою, или, послѣ возбужденія, возвращаются въ прежнее состояніе; а *скорбь*—когда онѣ возбуждаются сильно и противно своей природѣ. Впрочемъ скорбь и удовольствіе не имѣютъ мѣста, когда частицы движутся хотя и быстро, но легко и свободно,—потому что такое движеніе обыкновенно не ощущается (р. 65 В).—Источникъ *вкуса* заключается въ жидкостяхъ, о которыхъ сказано было выше (р. 59 Е sq.), а проводниками его служатъ жилы, проходящія отъ языка въ область сердца. Когда что нибудь попадаетъ въ эти жилы, проникнувъ чрезъ влажную мякоть плоти, и растворомъ своего вещества стягиваетъ и сушитъ ихъ, является чувство вкуса. Вкусы бываютъ острые, соленые, терпкіе, сладкіе,—сообразно процессу, который ихъ производитъ (р. 65 В—66 С).—*Обоняніе* зависитъ отъ частицъ, отдѣляемыхъ пахучими тѣлами и вдыхаемыхъ нами съ воздухомъ. Отдѣльные виды запаховъ трудно опредѣлить, потому что всякій запахъ имѣетъ какую-то половинную и несовершенную при-

роду. Впрочемъ всё запахи могутъ быть раздѣлены на пріятные и непріятные (р. 66 С—67 А).—Чувство *слуха* предполагаетъ звукъ; а звукъ есть нѣкотораго рода ударъ, исходящій изъ воздуха и проникающій чрезъ уши, мозгъ и кровь до самой души. Ударъ этотъ воспринимается внутри, и движеніе, производимое имъ во всей области отъ головы до печени, называется слухомъ. Звукъ бываетъ высокій и низкій, сильный и слабый, ровный и неровный (р. 67 А—С).—Чувство *зрѣнія* воспринимаетъ цвѣта, начало которыхъ лежитъ въ различныхъ свойствахъ и различномъ дѣйствіи на нашъ зрачокъ тѣхъ токовъ, исходящихъ отъ внѣшнихъ предметовъ, которыми объяснялось выше (р. 45 В sq.) чувство зрѣнія (р. 67 С—68 D).

Этимъ заканчивается изслѣдованіе той стороны явленій, на которой отразилась сила необходимости. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ дѣйствіе обоихъ началъ,—разума и необходимости,—Тимей переходитъ затѣмъ къ природѣ человѣка.

Боги, которымъ поручено было твореніе человѣка, принявъ отъ Отца безсмертное начало человѣческой души, тотчасъ облекли его смертнымъ тѣломъ и пристроили къ нему особый видъ души, раждающій слѣпыя порывы чувства,—удовольствіе, скорбь, надежду, страхъ, гнѣвъ, пожеланіе. Но, чтобы отъ этой части не заражалась божественная часть души, боги предусмотрительно отвели имъ отдѣльныя мѣста: одной голову, а другой нижнюю часть тѣла, или туловище. Но такъ какъ душа ниспей природы, въ свою очередь, распалась на двѣ части, на лучшую и худшую, то и ихъ раздѣлили они грудобрюшною перепонкою, помѣстивъ первую, τὸ θυμικόν, въ сосѣдствѣ съ частію божественною, чтобы она тѣмъ легче подчинялась уму, а вторую, τὸ ἐπιθυμητικόν, между перепонкою и пупкомъ, гдѣ поставили ее въ нѣкоторую зависимость отъ первой. Такъ расположены были части души въ человѣческомъ тѣлѣ (р. 68 E—70 A).

Давъ цѣлому тѣлу человѣка такое устройство, чтобы оно

возможно лучше служило душѣ и уму, боги и отдѣльные его органы образовали такъ, чтобы каждый исполнялъ вѣрно назначенное ему дѣло и помогаль тѣлу отправлять его службу. Это несомнѣнно доказывается устройствомъ сердца (р. 70 В), легкихъ и артерій, т. е. дыхательнаго и пище-проводнаго каналовъ (р. 70 С), желудка (р. 70 Е), печени, одаренной нѣкоторой способностью провѣщанія (р. 71 А sqq.), селезенки (р. 72 С), желудка и кишечнаго канала (р. 72 Е—73 А), мозжечка, составляющаго какъ бы корень и начало жизни (р. 73 В. С), мозга, въ которомъ мы видимъ какъ бы почву принимающую сѣмя души (р. 73 D), черепа и костей (р. 73 Е), связокъ (р. 74 А. В. D), плоти, какъ покровъ мозжечка и костей (р. 74 D. Е. 75 А. В. С), привязывающихъ голову сухожилій (р. 75 D), зубовъ, языка, губъ (р. 75 Е), волосъ (р. 76 А), кожи и поръ (р. 76 А. В. С), ногтей (р. 76 D) и всѣхъ вообще частей тѣла (р. 70 А—76 Е).—Но такъ какъ человѣкъ живетъ большею частію въ средѣ огня и воздуха и эти стихіи могли бы окончательно разрушить и истощить наше тѣло, то боги въ помощь человѣку сотворили деревья и растенія, живыя и родственныя ему по природѣ существа: они доставляютъ намъ пищу, поддерживающую наше тѣло въ борьбѣ съ разрушительною силою воздуха и огня (р. 77 А. В. С). Тѣло же наше, будто садъ, прорѣзали они нѣкотораго рода каналами, чтобы оно орошалось ихъ влагою; каналы нашего тѣла—это всѣ большія и малыя кровеносныя жилы, которыми орошается, между прочимъ, и родо-творный мозжечокъ (р. 77 D—78 А). Въ связи съ тѣмъ, боги сообщили легкимъ потребность дыханія (р. 78 В. С) и поставили отъ него въ зависимость пищевареніе, образованіе крови и питаніе тѣла (р. 80 D sqq.). Такъ устроено было человѣческое тѣло (р. 70 А—81 С).

Пока составъ животнаго достаточно новъ и образующія его стихійныя частицы еще не ослабѣли и не притупились, тѣло остается здоровымъ и невредимымъ. Но какъ только

тѣ основныя частицы начнутъ стираться и ослабѣвать, появляется мало по малу немощь старости; за нею же, если не привзойдетъ еще какая нибудь болѣзнь, насильственно прерывающая жизнь, слѣдуетъ естественное разрушеніе всего тѣла, не только не тягостное для животнаго, но соединенное скорѣе съ нѣкоторымъ удовольствіемъ (р. 81 С—Е).

Затѣмъ Тимей на указанныхъ имъ началахъ строенія тѣла объясняетъ происхожденіе физическихъ болѣзней (р. 81 Е—86 А).—Душевыя болѣзни сводятся, въ сущности, къ одному виду—безумію, которое бываетъ двухъ родовъ: бѣшенство и глупость. Сюда же относятся всѣ излишества, которымъ предается душа, все равно, будетъ ли то въ скорбяхъ или удовольствіяхъ. Причина подобныхъ болѣзней заключается отнюдь не въ волѣ человѣка, ибо никто самъ не захочетъ быть злымъ; а искать ее слѣдуетъ въ двухъ обстоятельствахъ: болѣзненномъ расположеніи тѣла и дурно направленномъ воспитаніи. Поэтому многое, что мы привыкли осуждать въ людяхъ, какъ произвольное зло, ставимъ мы имъ въ вину несправедливо (р. 86 А—87 В).

Какія же средства употреблять противъ болѣзней?—Надо вообще стараться воспитывать въ здоровомъ тѣлѣ здоровую душу, т. е. не пренебрегать одной стороною природы въ пользу другой, но добиваться естественной соразмѣрности и равновѣсія между обѣими. Пусть бы душа обладала и самыми высокими способностями; но, если живетъ въ слабости и немощномъ тѣлѣ, она не произведетъ ничего великаго, потому что силы тѣлесныя очень скоро измѣняютъ ей. И наоборотъ, если слабая душа живетъ въ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ, она неизбежно подпадаетъ его власти, и послѣдствіемъ являются тупость и невѣжество. Ясно поэтому, какъ надо поступать, чтобы пріобрѣсти и поддерживать въ себѣ здоровье. Люди, усиленно работающіе умомъ, не должны пренебрегать тѣлеснымъ движеніемъ,—имъ необходимо заниматься гимнастикой; а кто заботится о развитіи своего тѣла, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ приводить въ дви-

женіе и свой умъ, занимаясь науками и философіею (р. 37 В—89 С). Но, если мы хотимъ разумно руководить и управлять собою, необходимо, чтобы сперва самое начало, на которомъ лежитъ долгъ управленія, — душа наша, — была надлежащимъ образомъ подготовлена къ этому дѣлу. Тутъ для подготовки нужно точно также упражненіе: мы должны усиливать или умѣрять дѣятельность каждаго изъ трехъ видовъ нашей души, въ такой степени, чтобы они развивались во взаимной соразмѣрности. Прежде всего, поэтому, надо упражнять и развивать высшую, божественную часть нашей души, обитающую въ нашей головѣ. А такъ какъ дѣятельность этой части, по самой ея природѣ, можетъ заключаться только въ помыслахъ, родственныхъ движеніямъ универса и круговращеніямъ видимаго неба, то на такого рода созерцаніе и должны мы, по мѣрѣ силъ, направлять нашу душу, стараясь пріобщаться своимъ умомъ къ совершенной гармоніи вселенной и тѣмъ исправлять по возможности его поврежденную рожденіемъ природу (р. 90 D).

Въ заключеніе, Тимей бросаетъ нѣсколько мыслей о происхожденіи женщины и животныхъ. Женщина есть перерожденіе мужчины: въ нее превращаются, при второмъ рожденіи, именно тѣ изъ мужчинъ, которые оказались малодушными, или провели свою жизнь худо. Съ нею вмѣстѣ появляется полъ и люди получаютъ способность и потребность дѣторожденія. Родъ птицъ вырождается изъ мужчинъ, хотя и не дурныхъ, но слишкомъ поверхностныхъ и легкомысленныхъ, умъ которыхъ не проникаетъ далѣе того, что можетъ быть засвидѣтельствовано чувствами. Въ четвероногихъ и вообще многоногихъ животныхъ обращаются люди, вовсе не живущіе умомъ и слѣдующіе только душевнымъ побужденіямъ ниспаго порядка, люди, которымъ такимъ образомъ вовсе не доступны высшіе интересы мысли. Наиболѣе неразумные изъ нихъ же превращаются въ породу еще болѣе низкую, — въ безногихъ или пресмыкающихся животныхъ. Наконецъ, люди совершенно глупые, не-

вѣжественные и порочные, которыхъ боги не признають достойными даже и дышать чистымъ воздухомъ, переходять въ животныхъ самаго нисшаго разряда, обитающихъ въ водѣ (р. 90 E—92 A).

Такимъ же точно порядкомъ всѣ животныя перерождаются одно въ другое, т. е., смотря по приращенію или уменьшенію ума, или нисходятъ на нисшую степень, или поднимаются на высшую,—ближе къ совершенству блаженной жизни.

Такъ произошелъ этотъ видимый міръ,—міръ, вмѣстившій въ себѣ всѣхъ животныхъ, и потому представляющій полный и совершенный образъ бога (міра) мыслимаго, міръ величайшій, наилучшій, прекраснѣйшій, единый и единородный (р. 92 A sq.).

Вотъ, въ общихъ чертахъ, все содержаніе Тимеева разсужденія о природѣ и происхожденіи вещей. Въ чемъ же заключаются идея и цѣль этого произведенія?

Въ «Тимеѣ» Платонъ учитъ, что, создавая универсъ вещей и человѣческую природу, высочайшій Богъ и благой Зиждитель міра имѣлъ передъ очами идею добраго и прекраснаго и, насколько допускала это природа твари, развилъ и образовалъ свое твореніе по образцу міра совершеннѣйшаго. Это содержаніе раскрыто такъ, что въ немъ находитъ себѣ подтвержденіе также и ученіе философа о добродѣтели и качествахъ наилучшаго гражданскаго общества, изложенное въ прежде написанныхъ книгахъ. Въ прежнихъ сочиненіяхъ, особенно въ «Государствѣ», Платонъ доказывалъ *иоетически*, что и частная жизнь людей и бытъ общественный слагаются и управляются по идеѣ добра, лежащей въ свойствахъ и самой природѣ человѣка. Въ «Тимеѣ» философъ раскрываетъ то же самое *на основаніяхъ космологическихъ и физиологическихъ*: начиная свое изслѣдованіе отъ универса вещей, онъ доводитъ его до образованія человѣческой

природы и заключаетъ, что она создана по подобію и нормѣ одной и той же съ универсомъ идеи. Въ «Государствѣ» доказывается, что во всемъ человѣческомъ бытѣ, и частномъ и общественномъ, должна господствовать идея добраго и прекраснаго, и что этою идеей опредѣляются всѣ ея подробности. Въ «Тимей» проводится ученіе, что та же идея владычествуетъ и въ цѣломъ универсѣ вещей и, проходя вездѣ и чрезъ все, наконецъ находитъ себѣ выраженіе въ силахъ человѣческаго духа. Мы видимъ, что въ «Тимей» сказывается черта, уже замѣченная нами въ другихъ сочиненіяхъ Платона. Почти вездѣ у Платона приходится различать двѣ задачи: съ одной стороны, раскрывается тема, составляющая прямой предметъ изслѣдованія; съ другой, преслѣдуется какая нибудь мысль, взятая отвнѣ, но имѣющая съ этою темою тѣсную связь. Такъ и въ данномъ случаѣ: развивая весь міровой порядокъ изъ положенія, что все создано и устроено Творцомъ по идеѣ добра, Платонъ рядомъ съ этимъ поддерживаеетъ мысль, что всѣ свойства, открытыя имъ въ наилучшемъ человѣкѣ и совершеннѣйшемъ обществѣ, вытекаютъ изъ началъ самой міровой природы.

Если допустимъ эту двойственную задачу въ изложеніи «Тимея», намъ станетъ понятно, зачѣмъ Сократъ въ началѣ бесѣды, приступая къ изслѣдованію универса вещей, повторяетъ существеннѣйшія положенія предыдущаго разсужденія о гражданскомъ обществѣ; мы поймемъ, какъ это новое изслѣдованіе отвѣчаетъ желанію собесѣдниковъ—доказать, что выводы ихъ о совершеннѣйшей добродѣтели и наилучшемъ обществѣ не противорѣчатъ самой природѣ человѣка. Ясно также, почему изслѣдованіе, начинаясь универсомъ, переходитъ затѣмъ къ человѣческой природѣ: если общество есть въ нѣкоторомъ родѣ увеличенный образъ человѣка; то самъ человѣкъ, созданный по подобію универса, есть уменьшенный образъ универса—микрокосмъ. Наконецъ, получаетъ оправданіе и заключительный эпизодъ о

животныхъ, такъ какъ освѣщающая его мысль о переселеніи душъ имѣетъ съ указанною задачею сочиненія очень тѣсную связь.

Но можетъ показаться страннымъ, почему Сократъ, излагая содержаніе вчерашней бесѣды, приводитъ на память только то, что сказано было о наилучшемъ обществѣ, и не касается ни однимъ словомъ того, что относилось къ изображенію наилучшаго человѣка. Въ этомъ обзорѣ предыдущей бесѣды, предлагаемомъ отъ лица Сократа, нѣкоторые хотѣли видѣть прямое со стороны Платона указаніе на основную мысль его «Государства». Изъ этого мѣста, по ихъ мнѣнію, оказывается, что въ «Государствѣ» Платонъ желалъ представить вовсе не ученіе объ абсолютной и совершенной добродѣтели, а одинъ только образъ совершеннаго человѣческаго общества. Мы не будемъ теперь останавливаться на подробномъ разборѣ этого довода, такъ какъ оцѣнку его уже сдѣлали въ своемъ мѣстѣ (см. введеніе къ «Государству»). Но мы обязаны объяснить, какъ настоящее спорное мѣсто «Тимея», которое, очевидно, устанавливаетъ связь между этимъ разговоромъ и «Государствомъ», примиряемъ мы съ нашимъ мнѣніемъ объ основныхъ задачахъ того и другаго сочиненія.

Если задача «Тимея», какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, чтобы вывести изъ идеи высочайшаго блага устройство міра и человѣческой природы, то что могло послужить лучшимъ приступомъ къ разсмотрѣнію универса, какъ не обзоръ добытыхъ изслѣдованіемъ положеній объ устройствѣ наилучшаго общества? Вѣдь отъ идеи гражданскаго тѣла, развитаго до высшихъ и совершеннѣйшихъ формъ общежитія, гораздо удобнѣе было перейти къ созерцанію универса, нежели отъ выводовъ о нормально воспитанномъ человѣкѣ. Притомъ, представленіе правильнаго гражданскаго общества является у Платона уже какъ нѣкотораго рода обобщеніе представленія о нормальномъ человѣкѣ, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ самаго хода разсужденія его въ «Государ-

ствѣ». Выходя въ дальнѣйшихъ своихъ изысканіяхъ изъ идей этого сочиненія, онъ принимаетъ ихъ, естественно, въ томъ полномъ и широкомъ развитіи, до котораго онѣ были тамъ доведены,—онъ начинаетъ прямо отъ гражданскаго общества. Это мы видимъ, напр., въ книгахъ «О законахъ». Что же удивительнаго, что Платонъ возвращается къ своему наилучшему обществу и въ «Тимей», если здѣсь подавала къ этому поводъ самая задача сочиненія: прослѣдить дальше, во всей міровой жизни, ту же идею высшаго блага, которую онъ успѣлъ уже раскрыть въ наилучшемъ гражданскомъ обществѣ?

Ближайшая связь между «Государствомъ», «Тимеемъ» и «Критіасомъ» ясно указана самимъ Платономъ. Тѣмъ самымъ гражданамъ наилучшаго гражданскаго общества, которые въ «Государствѣ» изображены были Сократомъ, Тимей, въ соименномъ ему діалогѣ, какъ бы даетъ рожденіе: начавъ отъ творенія міра, онъ доводитъ свое изслѣдованіе до человѣка и доказываетъ, что природа людей, какъ и вещей, создана одинаково, по идеѣ добра и красоты. Затѣмъ у Критіаса идеальные граждане уже переносятся въ дѣйствительную жизнь,—становятся членами аѳинскаго государства: они изображаются во всѣхъ условіяхъ реальной жизни, какъ фактъ, если и не историческій, то очень все-таки возможный въ тѣ древнѣйшія времена, когда человѣчeskій родъ только что вышелъ изъ рукъ боговъ, и нравы людей были гораздо проще, чище и ближе къ природѣ.

Едва ли есть затѣмъ надобность ставить вопросъ о времени изданія «Тимея»: намъ кажется совершенно яснымъ, что разговоръ этотъ написанъ вслѣдъ за появленіемъ «Государства».

Если есть какой нибудь поводъ сомнѣваться въ подлинности «Тимея», какъ сочиненія Платона, то онъ заключается въ одной особенноти этого разговора: въ «Тимей» болѣ-

шая часть положеній не примыкаютъ непосредственно къ ученію Платона объ идеяхъ, но выводятся изъ ученій другихъ философскихъ школъ. Платонъ точно будто отступаетъ отъ своей собственной философской системы и переходитъ въ противный ему лагерь физиковъ,—какъ бы измѣняетъ самому себѣ. Нѣкоторымъ ученымъ (см., напр., *Schelling, Philosophie u. Religion; Weiss, Die Idee der Gottheit*) казалась невозможной такая непослѣдовательность со стороны Платона, и они сочли за лучшее вовсе не признавать его авторомъ «Тимея». Но, рассуждая такимъ образомъ, критики эти упустили изъ виду одно весьма существенное соображеніе. Платонъ, устами Тимея, не одинъ разъ настаиваетъ на томъ, что въ своихъ изслѣдованіяхъ о вещахъ рожденныхъ онъ предлагаетъ выводы не безусловно истинные, а только правдоподобные. Сюда относятся, напр., мѣста— р. 20 A sqq., р. 42 E sqq. Этими оговорками философъ приглашаетъ насъ не забывать, что въ настоящемъ изслѣдованіи ведетъ насъ совершенно новымъ путемъ. Вещи, подлежащія чувствамъ, онъ различилъ отъ тѣхъ, которыя постигаются однимъ умомъ. Первые непрестанно движутся, и потому только бываютъ, но нигдѣ не существуютъ, хотя, являясь конечными, входятъ въ общеніе съ сущностію; послѣднія же сами въ себѣ постоянны и вѣчны, и потому дѣйствительно существуютъ, а не бываютъ только, подобно первымъ. Познаніе истины, или такъ называемое *знаніе*, ἐπιστήμη, онъ связываетъ съ однѣми вещами божественными и вѣчными, которыя постигаются только мыслию; а мнѣнію даетъ мѣсто при разсмотрѣніи вещей чувствопостигаемыхъ. Въ этомъ ученіи Платонъ, какъ мы знаемъ, слѣдовалъ Пармениду (введ. къ «Пармениду», стр. 166—171). Но въ «Тимеѣ» предметомъ изслѣдованія служитъ главнымъ образомъ именно природа вещей рожденныхъ. Тутъ, кромѣ самого Бога и постигаемыхъ мыслию идей его, нѣтъ ничего существующаго,—все только бывающее. Поэтому, поставивъ на видъ заранѣе, что природа вещей чувственныхъ и рожден-

ныхъ не можетъ быть раскрыта однимъ умомъ до степени безусловной истины, философъ въ настоящемъ случаѣ призываетъ себѣ на помощь опытъ, ищетъ, по силѣ разумѣнія, только вѣроятнаго, и такимъ образомъ устанавливаетъ извѣстное ученіе о природѣ, въ значеніи не столько истины, сколько правдоподобія. Въ такомъ взглядѣ на дѣло онъ имѣлъ своими предшественниками опять Парменида и нѣкоторыхъ другихъ вождей философской мысли. И это ученіе, ни по самому содержанію, ни по приѣмамъ сужденія, не могло имѣть ничего общаго съ тѣмъ, которое излагалось въ другихъ книгахъ,—съ ученіемъ о вещахъ, постигаемыхъ однимъ умомъ. Какъ этотъ міръ есть лишь нѣкоторый образъ міра мыслимаго: такъ и ученіе о немъ преслѣдуетъ только тѣнь истины, а не самую истину. И если о вещахъ, принадлежащихъ къ міру чистаго мышленія, можно судить съ увѣренностью, взвѣсивая, испытывая и разбирая все путемъ діалектическимъ, то въ области природы, гдѣ наши знанія основываются главнымъ образомъ на наблюденіи, мы въ правѣ лишь передавать то, что людямъ особенно опытнымъ представляется наиболѣе правдоподобнымъ. Поэтому самъ Тимей выводится въ разговорѣ не столько діалектикомъ, сколько какимъ-то іерофантомъ, который торжественно возвѣщаетъ открытыя ему тайны мірозданія, а гдѣ предметъ рѣчи выступаетъ изъ предѣловъ опыта, облакаетъ его покровами мифовъ и символовъ, давая ясно понять, много ли несомнѣннаго въ его разсказѣ. Отсюда здѣсь и тотъ особый оттѣнокъ въ рѣчи, столь чуждый обычной рѣчи Платона: въ самомъ дѣлѣ, упустивъ изъ виду условія изслѣдованія, легко подумаешь, что слышишь рѣчь не его, а какого-то другаго философа.

Что Платону доставили богатый матеріалъ изслѣдованія другихъ философвъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но какъ онъ пользовался этимъ матеріаломъ? Мы видѣли, что при изслѣдованіяхъ чисто діалектическихъ онъ нерѣдко сводитъ и сопоставляетъ положенія Гераклита, Анаксагора,

Сократа, Парменида и пифагорейцевъ, принимая изъ нихъ то, что находитъ вѣрнымъ, и развивая ихъ далѣе самостоятельно; точно также и здѣсь, въ кругу предметовъ физическихъ, онъ разбираетъ опредѣленія іонійцевъ, элейцевъ, атомистовъ и пифагорейцевъ, беретъ изъ нихъ то, что кажется ему болѣе вѣроятнымъ, и приводитъ все въ форму цѣльнаго, законченнаго ученія. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что сохранившіяся на этотъ счетъ свидѣтельства крайне скудны и мы не можемъ точно опредѣлить, чѣмъ именно и у кого изъ философовъ Платонъ позаимствовался для «Тимея»;—будь это извѣстно, многія мѣста діалога были бы для насъ яснѣе. Вѣрно только то, что въ ученіи о цѣломъ составѣ міра и его стихіяхъ Платонъ весьма близко держался сужденій пифагорейцевъ и Филолая ¹, потому что здѣсь мы встрѣчаемся съ математическими формулами, установленными этой школой. Но, что бы ни позаимствовалъ Платонъ у другихъ философскихъ школъ, ему самому во всякомъ случаѣ принадлежитъ систематизація и соединенный съ нею трудъ переработки и развитія ихъ положеній до послѣднихъ выводовъ, въ духѣ его собственнаго философскаго ученія. Платону слѣдуетъ, какъ бы то ни было, отдать справедливость въ томъ, что онъ умѣлъ весьма ловко согласить эмпирическіе выводы съ опредѣленіями ума,

¹ Въ древности держалась молва, сохраненная для насъ Лаэртиемъ (Ш, 11), Гелліемъ (Ш, 7) и Ямблихомъ (vit. Pithag. 31), будто Платонъ за сто минъ, или за десять тысячъ динаріевъ, приобрѣлъ три книги пифагорейца Филолая, ученика Архиты (Cic. De orat. Ш, 34). На этомъ основаніи Тимонъ Силлографъ и Аристоксенъ не стѣснялись называть Платона простымъ компиляторомъ Филолаевыхъ сочиненій. Мало того, какъ «Тимей» его приписывался Филолаю, такъ же точно и «Государство» приписывалось Протагору, другіе діалоги разнымъ другимъ философамъ (Gellius, N. A. Ш 17. Athenaeus, XI, 15. Suidas in voc. Νομῆτιος. Eusebins, Praepar. Evang. X, 3, al.). Но нѣсколько все это правдоподобно, всякій можетъ судить самъ, по немногимъ уцѣлѣвшимъ до нашего времени отрывкамъ сочиненія Филолая. Люди, державшіеся приведеннаго мнѣнія, не соображали, что большая разница—принимать положенія другихъ цѣликомъ, или пользоваться ими какъ пособіемъ и матеріаломъ, при разработкѣ какой нибудь цѣльной системы ученія.

и на «Тимея» его въ этомъ отношеніи надобно смотрѣть, какъ на великолѣпный памятникъ древней греческой философіи.

Извѣстному мнѣнію, будто основанія «Тимею» положены въ небольшомъ сочиненіи, носящемъ имя Тимея локрсаго, уже нельзя придавать никакого вѣса. Теперь слѣдуетъ считать доказаннымъ (см. *Christoph. Meiners, Philolog. Biblioth. v. I, t. 5, p. 204 sqq.*; *Histor. art. et doctrin. Graecor. t. I, p. 587 sqq.*; *Tiedemann, Argument. dialogorum Platon. p. 302*; *Tennemann, Syst. philosoph. Plat. t. I, p. 93 sq.*), что не Платонъ пользовался этимъ сочиненіемъ, а оно, напротивъ, составлено по Платонову «Тимею», въ ту, вѣроятно, эпоху, совпадающую со вторымъ и третьимъ христіанскими вѣками, когда стали появляться попытки возстановить древнюю пифагорейскую философію и издаваемые въ этой мысли сочиненія украшались подложно именами наиболѣе знаменитыхъ ея представителей.

Въ основаніе всѣхъ вещей рожденныхъ полагаются у Платона три начала: Богъ, идеи и матерія, и матерія именно безконечная. Въ самомъ началѣ рѣчи, когда полагалось различіе между вещами разумѣваемыми и чувствопостигаемыми, матеріальное начало названо было конечнымъ; но тамъ это оправдывалось самою постановкою вопроса и допущено было, по словамъ философа, только для ясности. Далѣе же, гдѣ дѣло доходитъ до болѣе тонкаго разграниченія стихій міровой природы, безконечная матерія вездѣ очень рѣзко отличена отъ вещей рожденныхъ (р. 48 A sqq).

Бога Платонъ разумѣлъ, какъ высочайшій и абсолютный умъ, самъ въ себѣ свободный и не зависящій ни отъ чего извнѣ,—изъ котораго все, что ни существуетъ, получило свое начало. Отсюда въ «Филебѣ» (р. 28 D) Богъ называется *νοῦς βασιλεὺς οὐρανοῦ τε καὶ γῆς, ὃς πάντα διακροεῖ*. Это положеніе философъ взялъ, безъ сомнѣнія, у Анаксагора,

который Зевса представлялъ какъ образъ высочайшаго ума, повсюду царствующаго и всѣмъ управляющаго. Если же божество есть совершеннѣйшій умъ, то легко понять, какова, по Платону, должна быть его дѣятельность. Какъ священное писаніе начало вещей производитъ отъ одной воли Божіей, видя въ твореніи естественное выраженіе приписываемой божеству благодати и всемогущества; такъ нашъ философъ вѣчную дѣйственность божества, поколику оно есть совершеннѣйшій умъ, поставлялъ въ мышленіи и разумѣніи, которыми и рождено все, что есть.

Но вѣчные помыслы божества—это не что иное, какъ идеи, которыхъ по необходимости причастны также человѣческія души, въ силу своего сродства съ божествомъ. И такъ, идеи происходятъ отъ божественнаго ума, почему и называются у Платона твореніемъ Божиимъ (напр., въ «Государствѣ»—X, р. 596 A sqq. и р. 593 D). Тѣмъ не менѣе, такъ какъ совершенство и сила высочайшаго Бога проявляются именно въ мышленіи и разумѣніи, онѣ не могутъ быть совершенно отдѣлены отъ божественнаго ума. Вотъ почему многіе держались мнѣнія, что Платонъ допускалъ собственно только два начала вещей,—Бога и матерію (см. *Diog. Laërt.* III, 69 и комментаріи *Менанія*). Очевидно, эти мыслители не находили вѣрныхъ признаковъ для отдѣльныхъ представленій о Богѣ и объ идеяхъ и принимали ихъ за одно. Но въ мышленіи божественнаго ума необходимо предположить одну исключительную особенность: оно и производитъ и объемлетъ собою ту истинную сущность, *οὐσία*, которой этотъ видимый міръ представляетъ намъ одно подобіе. И такъ, что Богъ мыслить, то дѣйствительно существуетъ, и существуетъ само по себѣ, особо; а въ мірѣ эта сущность отпечатлѣвается какъ бы въ нѣкоторомъ чувственномъ образѣ. Такое представленіе о Богѣ и его дѣятельности философъ вывелъ, безъ сомнѣнія, по аналогіи, изъ законовъ дѣятельности человѣческаго ума. Такъ какъ все, что существуетъ и почитается существующимъ, мы заключаемъ въ

представленіяхъ нашего ума и ничего не познаемъ иначе, какъ принявъ предметъ познанія въ рядъ умственныхъ нашихъ понятій, то Платонъ признавалъ совершенно невозможнымъ, чтобы, наоборотъ, безъ посредства этого умственного акта могло что либо принять какую нибудь форму, законъ, оправданіе, и существовать какъ нѣчто конечное, выражающее собою идеальную сущность. Потому-то и высочайшему существу онъ приписывалъ силу все творить и созидать однимъ мышленіемъ и разумѣніемъ. Но между тѣмъ какъ вещи чувственные и тѣлесныя силою божественнаго ума получаютъ форму и вступаютъ въ свои права, сами идеи, возникающія предъ умомъ, продолжаютъ существовать отдѣльно, представляя собою истинную сущность.

Это положеніе Платона возбуждало сильныя сомнѣнія и разногласія. Одни подъ именемъ идей хотѣли разумѣть такъ называемыя сущности, а другіе выдавали ихъ за чистыя понятія ума. Но и то и другое мнѣніе, какъ намъ кажется, равно далеки отъ подлинной мысли Платона. Съ одной стороны, намъ уже нечего доказывать, что понятіе сущности, въ смыслѣ бытія болѣе или менѣе матеріальнаго, къ идеямъ Платона вовсе не приложимо; съ другой, нельзя разумѣть подъ идеями и одни понятія, не имѣющія никакой реальности во внѣшнемъ мірѣ. Идеи, по разуму Платона, суть какъ бы виды воспринимаемыхъ умомъ понятій, существующіе совершенно независимо, но близкіе и подобные по своей природѣ уму, потому что познается только подобное подобнымъ. Нынѣшніе философы сказали бы, что идеи—это понятія ума, выражающіяся объективно, это тѣ же помыслы духа, поскольку духъ постигаетъ природу вещей, но созерцаемые какъ объектъ и представляющіеся уму какъ бы извнѣ. Установивъ такое понятіе объ идеяхъ, не трудно согласить съ нимъ и то, что говоритъ объ идеяхъ Платона Аристотель. Намъ понятно, что такое эта *ὄλη τοῦ μεγάλου καὶ τοῦ μικροῦ*, которую находилъ Ари-

стотель въ идеяхъ, и почему онъ такъ настаиваетъ на томъ, что Платонъ τὰς ἰδέας χωρίζαι, или χωριστὰς ποιῆσαι, и далъ имъ мѣсто παρὰ τὰ αἰσθητά (Metaph. I, 6, p. 20; II, 2; VI, 2; XIII, 4; Ethic. ad Nic. I, 4; Magna moral., ad Eudem. I, 8). Мы полагаемъ, что Платонъ, удаляя отъ своихъ идей всякое подобіе матеріальной конкретности, вмѣстѣ съ тѣмъ придавалъ имъ дѣйствительное и вполнѣ самостоятельное существованіе, въ которомъ представлялъ ихъ свободными отъ всякой стихійной измѣняемости. И мы, кажется, можемъ, безъ всякихъ усилій, стать на его точку зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, не такимъ же ли точно образомъ приходимъ и мы сами къ идеѣ верховнаго божества? Воспринимая умомъ нѣкоторый образъ всесовершеннѣйшей природы, которой и не видѣли очами, и не слышали ушами, и не касались никакимъ другимъ чувствомъ, вѣдь мы не сомнѣваемся однакожь, въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ Богъ; а допускаемъ просто, что это такъ. Почему же этотъ родъ представленій, къ которому прибѣгаемъ мы ежедневно, не могъ бы быть примѣненъ въ данномъ случаѣ Платономъ? Подобные взгляды не совсѣмъ чужды даже и современной намъ философіи. Не близки ли къ нимъ, напримѣръ, тѣ, что пытались въ наше время такъ называемый чистый идеализмъ обратить въ реальный или объективный? Въ древней же философіи мы встрѣчаемся съ подобными воззрѣніями постоянно. Было совершенно справедливо замѣчено, что древніе греческіе философы не признавали вовсе чистаго мышленія, для котораго не было бы въ природѣ объекта, но полагали, что мысль всегда держится того или другаго, какъ бы предопредѣленнаго для нея предмета. Такъ, напр., извѣстно, что пифагорейцы не отдѣляли чиселъ отъ самыхъ вещей, но соединяли ихъ съ вещами тѣснѣйшимъ образомъ. Еще лучшій примѣръ даетъ намъ ученіе элейское. Въ своемъ единичномъ сущемъ элейцы не хотѣли видѣть одно только умственное понятіе, но настаивали, что оно дѣйствительно существуетъ, ибо существовать и быть мыслимымъ, по

ихъ ученію, было одно и то же. Ихъ ученію во многомъ слѣдовалъ и Платонъ: онъ отвергъ у этого элейскаго сущаго только его единство, и приписалъ сущему безчисленное множество видовъ и формъ, соотвѣтствующихъ множеству и разнообразію подлежащихъ человѣческому уму понятій; но удержался строго при мысли, что въ тѣхъ понятіяхъ заключается истинная и постоянная сущность. Послѣ этого, намъ не покажется страннымъ, что Тимей представляетъ Творца созидающимъ универсъ по образцу другаго совершеннѣйшаго міра, что міръ мыслимый называетъ ζῶον ἄσθιον, что, наконецъ, и идеи принимаетъ за нѣкоторое начало міра, отличное отъ самого божества и отдѣльное отъ него.

Третье начало рожденныхъ вещей есть матерія. Ее Платонъ представляетъ уже готовою при началѣ мірозданія. Однѣхъ идей для произведенія вещей было недостаточно: кромѣ нихъ, необходима была еще нѣкоторая συμμίσις, чтобы идеи могли получить выраженіе и вещественный образъ. И вотъ Платонъ предполагаетъ нѣкоторую матерію, чуждую всякой формы и не ограниченную никакими признаками. Она представляетъ собою какой-то идеальный субстратъ тѣлъ, не имѣющій грубой ихъ конкретности, но заключающій въ себѣ, не смотря на то, ея источникъ и начало. Какъ идей не могло быть безъ божественнаго ума; такъ точно въ божественномъ умѣ надо искать и начало матеріи. Но существуетъ на этотъ счетъ еще другое мнѣніе, находившее всегда много сторонниковъ, которое мы не можемъ поэтому оставить безъ возраженія. Говорятъ, что, по Платону, Богъ находитъ безконечную матерію еще до начала міра и только пользуется ею, чтобы создать этотъ универсъ вещей: отсюда будто бы слѣдуетъ, что философъ допускалъ матерію не только вѣчную, но и совѣчную Богу (см. *Brucker, Hist. philosoph. t. I, p. 678 sqq.*). Эту мысль, на нашъ взглядъ, рѣшительно нельзя согласить съ ученіемъ Платона. Допустивъ существованіе безконечной матеріи еще до происхожденія міра,—если только понятіе существованія во-

обще приложимо къ такой матеріи,—Платонъ не могъ эту грубую и беспорядочную массу признавать вѣчною наравнѣ съ Богомъ. Вѣрнѣе будетъ разсуждать такимъ образомъ. Міръ мыслимый послужилъ образцомъ для этого видимаго нами универса. Образецъ же не только выше того, что создается по его подобію, но и произойти долженъ былъ необходимо раньше. И такъ, когда міръ мыслимый представлялся уже божественному уму,—этого универса не могло еще быть, т. е. матерія тѣль не была еще конечной; иначе Богъ и не принималъ бы рѣшеніе образовать міръ по тому идеальному образцу. Но когда Творецъ помыслилъ о созданіи міра видимаго,—въ его умѣ необходимо было уже представленіе о той матеріи, изъ которой должно было сложиться отображеніе идей. Этимъ однимъ представленіемъ и создана была матерія, какъ начало и источникъ міра чувственнаго. Такимъ образомъ матерія, столько же какъ и идеи, обязана своимъ происхожденіемъ Богу.

Затѣмъ, понятно, почему она представляется въ «Тимеѣ» безформенной и безконечной: пока міръ не былъ еще созданъ, быть конечною она не могла. Вѣдь конечное есть то, что отличено извѣстною формою, поставлено въ извѣстныя условія и ограничено извѣстнымъ закономъ. Но такимъ не можетъ быть ничто, прежде чѣмъ сложится по образцу идей, отъ которыхъ зависятъ и происходятъ всѣ условія и отношенія вещей конечныхъ. Если это такъ, то Платонъ, очевидно, былъ очень далекъ отъ мысли представлять матерію вѣчною. Невѣрно также мнѣніе, установившееся послѣ Мосгейма, будто бы мысль о твореніи міра изъ ничего была совершенно чужда древнимъ греческимъ философамъ. Мы видимъ, напротивъ, что Платоновъ Богъ творитъ міръ идей какъ бы однимъ мышленіемъ и точно такъ же, силою и дѣйствіемъ ума, производитъ грубую, безформенную матерію, которую потомъ устраиваетъ по созданному имъ вѣчному образцу.

Но какъ же,—скажутъ намъ,—изъ этой матеріи, если она

сотворена Богомъ, могъ выводить философъ происхожденіе зла? Не приравнивается ли она нами, по акту творенія, къ самымъ идеямъ, въ которыхъ зла философъ, конечно, не предполагалъ? Мы можемъ отвѣтить на это такъ. Образецъ необходимо долженъ быть выше своего подобія; изъ чего слѣдуетъ, что міръ видимый хуже міра мыслимаго. И въ этомъ-то относительномъ его несовершенствѣ и скрывается причина зла. Міръ чувственный, какъ простой снимокъ, слишкомъ далеко отстроитъ отъ своего божественнаго начала и образца. По общему же закону, господство котораго открываетъ Платонъ въ природѣ, чѣмъ далѣе уклоняется что отъ идей, тѣмъ становится слабѣе и хуже и тѣмъ болѣе подвержено злу.

Платонъ учитъ, что создать этотъ міръ, и создать возможно совершеннымъ, подвигла Бога собственная его благодать. Надо остановиться на этой мысли, потому что не всѣ понимали ее правильно.—Мы находимъ у Платона представленіе *самою блага, тоῦ ἀγαθοῦ*. Это есть идея чего-то удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ высочайшей добродѣтели, есть нѣкоторый видъ абсолютнаго совершенства. Силою одной этой идеи, все, что есть, получило свою истинность, соразмѣрность и красоту. Такимъ образомъ это благо, можно сказать, господствуетъ во всѣхъ прочихъ идеяхъ, какъ будто бы каждая изъ нихъ была образована по идеѣ блага или съ нею соединена. Тутъ находить себѣ объясненіе и то знаменитое мѣсто въ «Государствѣ» (VI, p. 505 sq.), гдѣ благу въ мірѣ мыслимомъ приписывается то же значеніе, какъ солнцу въ нашемъ видимомъ универсѣ. Между тѣмъ это мѣсто наводило на совсѣмъ ошибочныя заключенія многихъ послѣдователей и толкователей ученія Платона. Плутархъ, Плотинъ, Апулей, Нуменій, Прокль и многіе другіе полагали, что подъ идеею блага у Платона подразумѣвается самъ Богъ. То же въ новѣйшее время утверждали Тидеманъ (*Argument. Platon. dialogg. p. 210*),

Моргенштернъ (Commentt. de Plat. Rep. p. 154), Рихтеръ (De ideis Plat. p. 78 sqq.), Теннеманъ (Histor. philos. t. II, p. 282 sqq.), Шлейермахеръ (Introd. ad Phileb. II, 3, p. 134), Генрихъ Риттеръ (Histor. philos. t. II, p. 282 sqq.). Мы уже имѣли случай упомянуть объ этомъ мнѣніи и указывали на его несостоятельность («Государство» p. 505, примѣч.) Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли предполагать, чтобы Бога философъ превратилъ въ идею, если самыя идеи производить онъ изъ божественнаго ума и представляетъ Бога не только рождающимъ ихъ, но и постоянно созерцающимъ? Изъ положеній Платона нельзя, напротивъ, не заключить, что онъ рѣшительно отдѣляетъ Бога какъ отъ прочихъ идей, такъ и отъ идеи блага. Въ самомъ Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ, намъ необходимо представляется видъ высочайшаго и абсолютнаго совершенства. По отношенію къ идеѣ блага, самъ онъ является какъ бы совершеннымъ ея образцомъ. И вотъ почему Богу приписывается *благость*: приписывается, понятно, не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ самъ былъ идея блага, а въ томъ, что идея блага, исшедшая изъ божественнаго ума, отъ него именно получила свое абсолютное совершенство. Мы не можемъ поэтому согласиться и съ мнѣніемъ, будто бы Бога, по подлинному ученію Платона, слѣдуетъ представлять благимъ только черезъ благость, или чрезъ причастіе идеи блага. Такого рода причастіе идеямъ совершенно понятно въ вещахъ рожденныхъ, но для самого Бога допущено быть не можетъ. Принявъ это положеніе, мы погрѣшили бы не меньше платониковъ, которые божественное существо обратили въ идею. Послѣ всего сказаннаго, намъ уже ясно, какъ слѣдуетъ понимать мысль, что Богъ сотворилъ міръ, побуждаемый къ тому своею благостію. Онъ желалъ именно создать нѣкоторое подобіе собственнаго своего совершенства,—и вотъ, взирая на находившійся въ немъ образъ высочайшей благости, произвелъ этотъ міръ.

Обращаемся теперь къ душѣ міра.

Прежде всего представляется вопросъ, какъ возникло это ученіе о душѣ міра.—Первыхъ его зачатковъ слѣдуетъ, по видимому, искать у іонійскихъ философовъ. Всѣ свои сужденія о мірѣ философы эти основывали на аналогіи, сравнивая міръ съ человѣческимъ тѣломъ: не удивительно поэтому, что, полагая начало вещей въ матеріи тѣль, они этой матеріи приписывали и нѣчто душевное. Такъ, Фалесъ милетскій, первый философъ, задавшійся такого рода вопросами, назвавъ началомъ вещей воду, приписывалъ этому началу нѣкоторую божественную силу дѣятельности, или все проникающую душу. Иначе по крайней мѣрѣ трудно примирить показанія Аристотеля и Августина (*De civit. Dei*, VII, 2), по которымъ Фалесъ не далъ въ строеніи міра никакого участія божественному уму, съ тѣмъ, что говоритъ объ ученіи его Цицеронъ (*De nat. deor.* I, 10): по свидѣтельству Цицерона, Фалесъ принималъ воду за начало всѣхъ вещей, а Бога—за тотъ умъ, который изъ воды устроилъ все существующее (по вопросу о разногласіи этихъ мнѣній см. *Бруккера Hist. philos. t. I, p. 468; Мейнера Hist. de vero Deo, p. II, sect. 1, in.; Тидемана Geist d. spec. Philos. V, I, p. 41 sqq.; Теннемана Hist. philos. t. I, p. 60, и др*). Хотя милетскій философъ не поставлялъ надъ природою вещей божественнаго существа, особаго и отдѣльнаго отъ нея, какъ свидѣлствуютъ Августинъ и за нимъ Лактанцій (*Institut. divin. I, 5*) и Минуцій Феликсъ (с. 19), однако допускалъ, кажется, нѣкоторую божественную силу, какъ производительницу движенія и всѣхъ перемѣнъ въ природѣ. Въ пользу этого мнѣнія можно привести много доказательствъ. Такъ, вопервыхъ, Стобей (*Eclogg. physic. I, 1*) утверждаетъ, что Фалесъ предполагалъ какую-то разлитую въ водѣ божественную силу, которою та приводится въ движеніе. Затѣмъ, Аристотель (*De anima I, 2*), упоминая о Фалесѣ, говоритъ, что онъ признавалъ душу и въ магнитѣ, обнаруживающуюся притяженіемъ желѣза.

Наконецъ, сюда же относится положеніе Фалеса, что «все исполнено боговъ», на которое находимъ указанія у Діогена Лаэртія (I, 28), Аристотеля (*De anima* I, 5, *Metaph.* I, 3) и Цицерона (*Legg.* II, 11): ту божественную силу, что проходитъ чрезъ универсъ вещей, Фалесъ такимъ образомъ приписывалъ и отдѣльнымъ вещамъ. Такъ этотъ глава іонійской школы съ чувственнымъ началомъ вещей соединялъ и нѣкоторое душевное, чтобы объяснить происхожденіе движенія; такъ же мыслили и ближайшіе его послѣдователи. Анаксименъ, напримѣръ, за начало вещей принималъ воздухъ, представляя его неизмѣримымъ, безконечнымъ и пребывающимъ въ постоянномъ движеніи. Въ воздухѣ находилъ онъ чрезвычайную тонкость и ближайшее сходство съ душою, отчего почиталъ его даже богомъ, и полагалъ, что самая душа образована изъ воздуха. Отсюда, думаемъ, ясно, что и этотъ философъ признавалъ міръ одушевленнымъ (см. *Аристотеля Phys.* I, 4; *De coelo* III, 5; *Цицерона Academ.* IV, 37; *Симплиція De col.* III, fol. 51). Далекое чуждѣ былъ этой мысли также Анаксимандръ. Онъ не находилъ возможнымъ полагать за начало вещей одну воду, или одинъ воздухъ; но допускалъ нѣчто безконечное, отличное отъ каждой въ отдѣльности стихіи, и однакожъ служащее какъ бы общимъ ихъ источникомъ и причиною,—что, по свидѣтельству Симплиція у Аристотеля (*Phys.*, fol. 6, 3), называлъ первый именемъ τῆς ἀρχῆς, въ той мысли, что отсюда, какъ изъ начала, слѣдуетъ выводить всѣ явленія. Очень вѣроятно, что Анаксимандръ подъ этимъ началомъ разумѣлъ нѣкоторую первобытную матерію, скрывавшую въ себѣ какъ бы зачатки всѣхъ стихій; безконечною же называлъ онъ ее потому, что стихіи въ ней еще не опредѣлились и не успѣли принять отличающія каждую свойства и формы. И можно подозрѣвать, что Платонъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается у него первобытная и тоже безконечная матерія, воспользовался для нея готовымъ представленіемъ іонійской школы. Устанавливая та-

кое понятіе о «началѣ», Анаксимандръ однакожь сознавалъ, что это «начало» само по себѣ еще не могло двигаться; и потому, въ дополненіе къ своему безконечному, допустилъ еще вѣчное движеніе, дѣйствіемъ котораго и объясняетъ всѣ явленія. Мы видимъ такимъ образомъ, что и онъ въ основѣ міра предполагаетъ нѣкоторую одушевляющую силу.

Таковы были взгляды собственно іонійскихъ философовъ. Всѣ они нѣкоторую жизненную силу приписывали, какъ видно, самимъ вещамъ. Они еще не отдѣляли ее отъ вещей, но представляли силу и вещи слитно, въ необходимомъ взаимномъ соединеніи. Дальнѣйшія однакожь усилія раскрыть происхожденіе вещей, въ связи съ развитіемъ самыхъ пріемовъ и средствъ изслѣдованія, повели къ тому, что души стали мало по малу отвлекать отъ подлежащихъ чувствамъ вещей и переводить въ область предметовъ, постигаемыхъ только умомъ. Въ концѣ концовъ, та одушевляющая сила, которая Фалесу и другимъ представлялась неразрывно слитой съ матеріею вещей, была отъ нея отличена и отдѣлена. Но до этого результата греческіе мыслители дошли только шагъ за шагомъ. Оставляемъ въ сторонѣ многихъ, о которыхъ здѣсь можно было бы упомянуть. Остановимся только на Анаксагорѣ и пифагорейцахъ, потому что ихъ ученію Платонъ обязанъ самыми существенными своими положеніями, составившими основаніе его системы. Между тѣмъ какъ іонійскіе философы продолжали свои изслѣдованія преимущественно на началахъ физическихъ, появился Гермотимъ клазоменскій,—мыслитель, слишкомъ увлекавшійся поэтическими и мистическими представленіями, замѣчательный однакожь тѣмъ, что первый выдѣлилъ и выяснилъ природу мышленія и воображенія, которую называлъ умомъ. При этомъ всю дѣятельность нашего тѣла поставилъ онъ въ зависимость отъ души, въ которой одной призналъ способность ощущать и познавать окружающіе насъ предметы. Если онъ не дошелъ до яснаго представленія о божественномъ умѣ, то, по мнѣнію мно-

гихъ, уже предугадывалъ его (см. *Аристотеля* *Met.* I, 3; *Секста Эмпирика* *Adv. math.* IX, 7, al.) Какъ бы то ни было, этими философскими положеніями уже проложенъ былъ путь къ ученію, которое съ такимъ успѣхомъ разработалъ затѣмъ Анаксагоръ. Отвергнувъ мнѣнія прежнихъ философовъ о природѣ вещей, Анаксагоръ предположилъ два начала бытія: съ одной стороны, первобытную матерію, понятіе о которой имъ выработано заново; съ другой, отдѣльный отъ нея и свободный въ себѣ умъ, которымъ созданъ универсъ вещей. Хотя въ объясненіи явленій природы Анаксагоръ не всегда послѣдователенъ и вѣренъ самому себѣ (см. *Phaedon.* p. 98 В. С), но это нисколько не мѣшаетъ намъ цѣнить высоко дѣйствительную заслугу, оказанную имъ философіи, и нѣтъ сомнѣнія, что ученіе его отразилось весьма сильно на воззрѣніяхъ самого Платона. Но, чтобы судить о томъ, много ли дало его ученіе нашему философу, необходимо прежде показать, какъ мыслили о томъ же предметѣ представители пифагорейской школы.

Тогда какъ іонійскіе философы, подчиняясь общему настроенію своего племени, все еще увлекались созерцаніемъ внѣшнихъ предметовъ, мыслители, появившіеся между дорянами, по прирожденной этому племени строгости и суровости воззрѣній, обратились къ изслѣдованію внутренней природы вещей. Это особенно надобно сказать о пифагорейцахъ, старавшихся подняться выше созерцанія вещей, подлежащихъ чувствамъ. Эти-то философы, подведши природу всѣхъ явленій подъ теорію чиселъ, стали учить, что въ природѣ повсюду разлита душа, отъ которой произошли и наши души. Въ этой всеобщей душѣ видѣли они нѣкоторую силу, непрерывно дѣйствующую въ природѣ явленій, и даже сомнительно, чтобъ они отличали ее отъ высочайшаго существа. Цицеронъ (*De senectute*, с. 21) говоритъ: «Пифагоръ и пифагорейцы, чуть не наши поселенцы, называвшіеся когда-то италійскими философами, никогда, какъ я слышалъ, не сомнѣвались, что души свои мы

займствовали изъ всеобщаго божественнаго ума» (снес. De nat. deor. I, 11; *Бекка* In Philolao, p. 175 sqq.). Но это не мѣшало имъ указывать на Бога, какъ на отличное и отдѣльное отъ міра существо (*Беккъ*, Philol. p. 147, 150), потому что и душу міра не смѣшивали они съ самимъ міромъ. Чтобы лучше однакожь уяснить себѣ ихъ представленія о Богѣ и душѣ міра, приведемъ подлинныя о томъ свидѣтельства, какія находимъ въ литературѣ. Бога, поскольку онъ принимаемъ былъ въ значеніи души міра, они почитали монадою, или единицею, причиною и какъ бы очагомъ всякой жизни, помѣщали его въ центрѣ всего универса и думали, что оттуда будто нѣкотораго рода узами онъ связываетъ весь міръ и управляетъ универсомъ, примиряя въ немъ конечное съ безконечнымъ (см. отрывки изъ Филолая у *Бекка*, p. 90, 96, 151 и др.). У Аѳинагора (Legat. pro Christ., p. 25) читаемъ: «и Филолай, говоря, что все содержится у Бога какъ бы въ узилищѣ (ἐν φρουρᾷ), доказываетъ, что это все едино и что оно выше матеріи». Изъ этой-то божественной души, по ученію пифагорейцевъ, берутъ свое начало человѣческія души. Но онѣ далеки отъ совершенства божественнаго ума. Это потому, что умъ божественный протекаетъ изъ самой середины міра (оттого она и называется у Филолая «матерью боговъ»), души же наши происходятъ не изъ этого источника,—онѣ рождаются скорѣе изъ солнечнаго свѣта, составляющаго нѣкоторое отраженіе свѣта божественнаго (см. *Аристотеля* De anim. I, 2 и объ этомъ мѣстѣ у *Тренделенбурга*). Души человѣческія сложены изъ ээира горячаго и холоднаго и такимъ образомъ состоятъ частію изъ божественной природы, частію изъ матеріи: ибо подъ ээиромъ горячимъ разумѣется то чистое и дѣйствительно ээирное начало, которое, проникая собою все, всему сообщаетъ жизнь и движеніе, которое есть именно божественный умъ или всеобщая душа міра; ээиръ же холодный есть просто воздухъ, тождественный по прирдѣ съ матеріею тѣлѣ. И та часть нашей души, въ силу

своей божественной природы, бессмертна, а эта смертна; та одарена умомъ и есть какъ бы царица и правительница тѣла, а эта, родительница страстей и чувственныхъ влеченій, принуждена ей подчиняться; та существуетъ сама по себѣ, не завися ни отъ чего извнѣ, а эта требуетъ себѣ пищи, которую и почерпаетъ изъ крови; та проста и свободна отъ всякой формы, а эта имѣетъ сложный составъ, извѣстное протяженіе и примѣняется своею формою къ тѣлу, отрѣшившись отъ котораго, послѣ его смерти, блуждаетъ въ воздухѣ (см. *Диог. Лаэртия* VIII, §§ 30, 31; *Плутарха* De placit. philos. IV, 4, 5; Архит. у *Стобея* I, p. 784; *Цицерона* Tusculan. I, 17). Эти двѣ части души, какъ совершенно различны по природѣ, такъ заняли и въ человѣческомъ тѣлѣ различныя мѣста: пожеланія, вмѣстѣ съ умомъ, обитаютъ какъ будто въ мозгу; а страстныя влеченія и возбужденія водворились въ сердцѣ (см. *Диог. Лаэртия* l. c.; *Цицерона* Tuscul. IV, 5; *Филолая* у Клавд. Мамерт. II, 7; *Плутарха* De virtute moral. p. 441 D). Обѣ вмѣстѣ и каждая изъ частей въ отдѣльности связываются помощію венъ, артерій и сухожилій.—Таково было ученіе, по видимому, всѣхъ наиболѣе выдающихся мыслителей Пифагоровой школы,—и ученіе это проливаетъ весьма много свѣта на положенія Платона. Мы видимъ, что все, что говорится въ «Тимеѣ» о частяхъ души и о размѣщеніи ихъ въ человѣческомъ тѣлѣ, вытекаетъ прямо изъ мнѣній пифагорейцевъ. Разсужденія Тимея о душѣ міра становятся намъ тоже гораздо яснѣе и доступнѣе при свѣтѣ этого ученія.

Прежде всего оказывается, что міровая душа, представленная въ ученіи пифагорейцевъ, у Платона подраздѣлена уже на двое: на Бога и на міровую душу въ собственномъ смыслѣ; такъ что содержаніе, собранное пифагорейцами въ одной природѣ, у Платона является приуроченнымъ къ двумъ отдѣльнымъ и различнымъ природамъ. Платонъ, очевидно, хотѣлъ свести и согласить міровую душу съ божественнымъ умомъ Анаксагора, въ значеніи τοῦ νοῦς πάντων βασιλέως, и

достигаетъ этого тѣмъ, что послѣдній возводитъ на степень верховнаго божества, а первую придаетъ міру, какъ животному, связывая такимъ образомъ ученіе Анаксагора и пиеагорейцевъ. Затѣмъ, мы находимъ, что міровой душѣ у Платона приписывается такое же почти образованіе, какъ человѣческой душѣ—у пиеагорейцевъ. Она слагается у него именно изъ началъ чувственнаго и божественнаго,—и очень понятно, почему. Философъ, съ одной стороны, не могъ не дать міровой душѣ такого состава, чтобы она, по самой своей природѣ, стояла ниже божественнаго существа. Съ другой, чтобы управлять міровымъ тѣломъ, ей необходимо было войти съ нимъ въ соединеніе, а это возможно было только при условіи, чтобы она была подобна ему какою либо своею частью. Далѣе, ученіе пиеагорейское нѣсколько уясняетъ намъ характеръ той матеріи, изъ которой, по Платону, образована міровая душа. Пиеагорейцы почитали матерію души воздухомъ или подобнымъ воздуху тѣломъ. Въ этомъ представленіи мы видимъ подтвржденіе тому, что высказано нами выше по поводу ученія Платона о матеріи тѣлъ. Матерію его не слѣдуетъ понимать въ видѣ грубой конкретной массы какого нибудь земнаго вещества; мы должны представлять ее лишь какъ нѣкоторый мыслимый субстратъ вещественности, вовсе на нее не похожій и однакожъ заключающій въ себѣ всѣ ея задатки. Объясняется также и то, какимъ образомъ души, получающія, по Платону, составную природу, являются у него, не смотря на то, простыми и не разрѣшимыми, чтò на первый взглядъ кажется явнымъ противорѣчіемъ. Дѣло въ томъ, что душамъ приписываетъ онъ безсмертіе не абсолютное, а относительное, существованіе, получившее начало вмѣстѣ съ временемъ и зависящее отъ высочайшаго божества,—какъ это видно изъ самаго разсказа о ихъ твореніи. Все,—читаемъ мы въ Тимей,—что получило жизнь отъ самого высочайшаго Бога, выше и лучше того, что сотворено, по его порученію, нисшими богами,—солнцемъ, луною и прочими свѣтилами;

а къ числу первыхъ тварей относятся именно души, ко вторымъ же принадлежатъ тѣла, соединенныя съ тѣми душами, и разныя другія, встрѣчающіяся на землѣ (р. 41 A sqq). Далѣе, души, какъ надо думать, образованы были Богомъ изъ наиболѣе чистыхъ и цѣльныхъ частей первобытной матеріи; тѣла же сдѣланы и слѣплены изъ міровыхъ стихій, то есть, изъ этой земной матеріи, которая значительно разнилась отъ первобытной, принявъ уже видъ вещества смѣшаннаго, густаго, и грубаго (тамъ же). Затѣмъ, души человѣческія, какъ и міровую душу, устроенную по математическимъ пропорціямъ, высочайшій Богъ самъ связалъ самыми крѣпкими узами; тѣла же, произведенныя нисшими богами, скрѣплены и держатся лишь тѣмъ, что называетъ Платонъ *πικνοὶ ὑόμφοι* (р. 43), и по прочности далеко уступаютъ природѣ душъ (р. 37 sqq.; 81 sqq.). Наконецъ, души, по волѣ высочайшаго Бога, не погибаютъ, въ силу того, что онъ самъ творецъ ихъ; ибо хотя все, что связано, можетъ быть и разрѣшено (*πάν τ' δεθὲν λύτόν*), но что создано имъ самимъ, то, по его произволенію, остается неразрѣшимымъ (р. 41 B). Этими основаніями достаточно оправдывается помянутое положеніе о безсмертіи человѣческихъ душъ.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу теоріи, полагавшей въ основаніе міроваго порядка извѣстныя математическія отношенія,—теоріи, которую, какъ мы видимъ, примѣняетъ и Платонъ къ своей міровой душѣ (р. 35 B sq.). Многие изъ почитателей нашего философа не могли ему простить этой уступки пифагорейской школѣ, находя мысль пифагорейцевъ слишкомъ узкой и противной широкому идеализму Платона.

Вспомнимъ однакожь, что Платонъ предлагаетъ устами Тимея ученіе,—какъ и оговариваетъ это не разъ,—не столько истинное, сколько правдоподобное. Очень понятно, что въ наиболѣе трудной его части, представляющей жизнь и дѣятельность міра, онъ могъ обратиться къ готовымъ об-

разамъ пиеагорейцевъ. Желая дать возможно близкое къ правдѣ понятіе о предметѣ въ высшей степени важномъ, Платонъ обратился къ обычному приему пиеагорейцевъ—объяснять все числами. Онъ въ правѣ былъ это сдѣлать уже потому, что по общимъ вопросамъ физическимъ и астрономическимъ не находилъ въ воззрѣніяхъ пиеагорейскихъ ничего несомвѣстнаго съ собственными его взглядами. При томъ не забудемъ, что по этой части ученіе пиеагорейцевъ особенно выдавалось во времена Платона и съ нимъ не выдерживало сравненія ни одно другое. И вотъ, пришедши къ убѣжденію, что изъ движенія неба и свѣтилъ вѣрнѣе всего можно узнать природу самой міровой души, Платонъ легко поддался теоріи, создавшей по математическимъ пропорціямъ нѣкоторый родъ міровой гармоніи, и не затруднился примѣнить законы этой гармоніи къ природѣ міровой души. Онъ твердо держался мысли, что если весь міровой порядокъ получилъ начало изъ божественнаго ума, то жизнь его должна корениться въ присущей ему душѣ, а природа и дѣятельность послѣдней неизбѣжно выражаются въ движеніяхъ видимаго міра: ибо, по его взгляду, не душа и умъ подчиняются власти тѣлъ, а скорѣе тѣлесная масса находитъ себѣ руководителя въ умѣ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, КРИТІАСЪ, ТИМЕЙ, ЕРМОКРАТЬ.

Сокр. Одинъ, два, три; но четвертый-то ¹ гдѣ же у насъ, 17. любезный Тимей,—четвертый изъ вчерашнихъ гостей—сегодняшнихъ хозяевъ ²?

Тим. Съ нимъ случилась какая-то болѣзнь, Сократъ. Въдъ добровольно онъ не отсталъ бы отъ этой бесѣды.

Сокр. Такъ не лежитъ ли на тебѣ, вмѣстѣ съ другими, обязанность выполнить и то, что падаетъ на долю отсутствующаго?

¹ Разговоръ представляется происходившимъ на другой день послѣ передачи Сократомъ его бесѣды о Государствѣ. Это видно и изъ указаній на стр. 17 С и 25 D. Тамъ время разговора относится къ 22 числу мѣсяца таргеліона, въ которое, по свидѣтельству Прокла, праздновались меньшія панаѳеи; изъ «Государства» же мы знаемъ, что въ 20 день этого мѣсяца, въ праздникъ вендидій, Сократъ заходитъ въ домъ Кафала и ведетъ тамъ бесѣду о государствѣ и справедливости, а 21 числа пересказываетъ ее Тимею, Критіасу, Ермократу и еще одному собесѣднику, имя котораго не упомянуто. Сократъ, думавшій встрѣтить опять всѣхъ вчерашнихъ друзей, не досчитывается теперь этого послѣдняго. Гевзде полагаетъ (Init. philosoph. Plat. vol. III, p. 23), что подъ четвертымъ отсутствующимъ собесѣдникомъ Платонъ разумѣлъ самого себя,—что весьма вѣроятно.

² Слова гость (ἐπίτορος) и хозяинъ (δατόμων) берутся здѣсь въ смыслѣ метафорическомъ. Ἐπίτορος угощаютъ своихъ гостей умными рѣчами и разсужденіями, а δατόμωνες съ наслажденіемъ слушаютъ ихъ (ср. Phaedr. p. 227 B; Lysid. p. 211 C, al.).

В. *Тим.* Конечно; и мы, по мѣрѣ силъ, ничего не упустимъ. Да и несправедливо было бы, если бъ остальные изъ насъ, принявъ отъ тебя вчера приличное угощеніе, не постарались угостить тебя взаимно.

Сокр. А помните ли все, что я предложилъ вашему обсужденію?

Тим. Иное помнимъ, а что забыли, то теперь ты напомнишь намъ. Но лучше, если это тебѣ не въ тягость, пройди опять все, въ краткихъ словахъ, сначала, чтобы оно сильнѣе напечатлѣлось въ насъ.

С. *Сокр.* Такъ и будетъ ¹. Сущность вчерашнихъ моихъ разсужденій о государствѣ заключалась, кажется, въ вопросѣ: какое и въ составѣ какихъ мужей, по моему мнѣнію, бываетъ оно наилучшее?

Тим. И что было сказано, пришлось намъ всѣмъ, Сократъ, очень и очень по мысли.

Сокр. Не отдѣлили ли мы въ немъ сперва дѣло землепашцевъ и всѣ другія искусства отъ класса людей, имѣющихъ быть воинами?

Тим. Да.

Д. *Сокр.* И, примѣнительно къ природнымъ наклонностямъ, давая каждому лишь одно подходящее по свойствамъ занятіе и одно искусство, о людяхъ, обязанныхъ вести за всѣхъ войну, сказали, что имъ слѣдуетъ быть только стражами города, внѣ ли его кто, или внутри вздумаетъ злодѣйствовать; но судить милостиво имъ подвластныхъ, какъ друзей

¹ Этимъ краткимъ изложеніемъ бесѣды о государствѣ, веденной накануне, Платонъ самъ устанавливаетъ связь между его «Государствомъ» и «Тимеемъ». Въ чемъ именно полагаетъ онъ эту связь, видно далѣе изъ словъ Критіаса, — р. 27 А, — гдѣ онъ указываетъ порядокъ приготовленнаго для Сократа угощенія. Все, что говорится въ «Государствѣ» о совершенной добродѣтели человѣческаго рода, подтверждается и дополняется въ «Тимей», причемъ рѣчь сводится сперва на рожденіе универса вещей, потомъ на происхожденіе человѣческой природы. Въ книгахъ «Государства» показывалось, какое значеніе имѣетъ или можетъ имѣть идея добра въ человѣческой жизни, общественной и частной; теперь, въ «Тимей», раскрывается мысль, что эта идея править всѣмъ универсомъ вещей, почему проявляется и въ человѣческой природѣ.

по природѣ, и быть строгими единственно къ встрѣчающимся въ битвахъ врагамъ.

18.

Тим. Совершенно такъ.

Сокр. Вѣдь природа-то души у стражей,—какъ мы, думаю, говорили,—должна, съ одной стороны, быть раздражительною, съ другой—преимущественно философскою, чтобы они могли являться въ отношеніи къ однимъ насколько слѣдуетъ кроткими, а въ отношеніи къ другимъ строгими.

Тим. Да.

Сокр. А что же по поводу воспитанія? Не то ли (сказали мы), что они должны быть воспитаны и въ гимнастикѣ, и въ музыкѣ, и во всѣхъ наукахъ, какія пригодны имъ?

Тим. Конечно.

Сокр. Воспитанные же такимъ-то образомъ,—сказано было, В. кажется,—не должны думать о пріобрѣтеніи въ личную собственность ни золота, ни серебра, ни другаго какого бы то ни было имущества, но, какъ союзники (гражданъ), получая отъ охраняемыхъ ими сторожевую плату, достаточную для людей умѣренныхъ, обязаны издерживать ее сообща ¹, содержаться столомъ и жить вмѣстѣ, и, не предаваясь инымъ занятіямъ, всегда заботиться о добродѣтели.

Тим. И это сказано было такъ.

Сокр. Равнымъ образомъ мы упомянули и о женщинахъ ², с. что онѣ близки по природѣ къ мужчинамъ; что поэтому всѣ общественныя занятія надобно приспособить и къ нимъ, и всѣмъ имъ назначить общее (съ мужчинами) дѣло какъ на войнѣ, такъ и въ другихъ родахъ жизни.

Тим. Такъ, говорено было и объ этомъ.

Сокр. Но что еще о дѣторожденіи ³? По необычайности положеній, не памятно ли намъ то, что, въ отношеніи бра-

¹ Сократъ имѣетъ въ виду мѣсто De гер. III, p. 415 D—417 B.

² Объ этомъ говорится De гер. V, p. 451—457. Съ этимъ мѣстомъ полезно сравнить Legg. VI, p. 781 A; 802 E; 804 E; 814 B.

³ Объ этомъ предметѣ философъ разсуждаетъ De гер. V, p. 457 вв., p. 466.

ковъ и дѣтей. постановили мы общее все для всѣхъ, въ тѣхъ
D. видахъ, чтобы ни для кого не было собственнаго своего род-
ства, но всѣ считали всѣхъ сродниками,—именно, сестрами
и братьями—тѣхъ, кто находится въ соотвѣтственномъ тому
возрастѣ,—родившихся раньше и старѣйшихъ—отцами и
родителями отцовъ, а позднѣйшихъ по рожденію—дѣтьми
и отродіемъ дѣтей?

Тим. Да, по указанной тобою причинѣ, и это памятно.

Сокр. А чтобы по возможности сряду же раждались у
насъ люди съ природою наилучшею, не помнимъ ли, мы
говорили, что правители и правительницы должны, для
E. устройства браковъ, хитро придумать такіе жребіи ¹,
по которымъ худые и добрые, тѣ и другіе, соединялись бы
отдѣльно съ подобными себѣ, такъ чтобы, причиною соче-
танія почитая случай, они изъ-за этого не питали другъ
къ другу никакой вражды?

Тим. Помнимъ.

19. *Сокр.* Говорили мы также, что дѣти добрыхъ должны
быть воспитываемы, а дѣти худыхъ тайно распредѣляемы
по другимъ сословіямъ города ². За подрастающими на-
добно постоянно наблюдать и достойныхъ снова возводить,
а недостойныхъ у себя отсылать на мѣсто повышенныхъ.

Тим. Такъ.

Сокр. Что же? не изложили ли мы все уже дѣло по вче-
рашнему, обозрѣвъ его снова въ главныхъ чертахъ? Или
чувствуемъ недостатокъ еще въ чемъ нибудь, любезный
Тимей, что было сказано, а теперь пропущено?

Тим. Нѣтъ, говорено было это самое, Сократъ.

B. *Сокр.* Такъ затѣмъ выслушайте, по поводу разсмотрѣн-
наго государства, какое производитъ оно на меня впечат-
лѣніе. Это впечатлѣніе-то у меня такого же рода, какъ ес-

¹ О жребіяхъ для устройства браковъ см. De ger. V, p. 460 A.

² По другимъ сословіямъ города;—въ этомъ смыслѣ мы при-
нимаемъ употребленное здѣсь выраженіе εἰς τῶν ἄλλων πόλιν (ср. De ger. III, p.
415 A, B; V, p. 461 A).

ли бы кто, смотря на прекрасныхъ животныхъ, воспроизведенныхъ ли живописью, или дѣйствительно живыхъ, только остающихся въ спокойномъ состояніи, желалъ видѣть, какъ они движутся и совершаютъ въ борьбѣ тѣ дѣйствія, которыя естественно совершать ихъ тѣламъ. Такъ настраиваетъ и меня С. разсмотрѣнный нами городъ. Въдъ съ удовольствіемъ послушалъ бы я, если бы кто раскрылъ словомъ, какъ нашъ городъ, рѣшаясь, по обстоятельствамъ, вести войну, подвизался бы въ этой борьбѣ противъ другихъ городовъ, и какъ въ теченіе войны, и въ совершеніи самыхъ дѣлъ, и въ словесныхъ сношеніяхъ, по отношенію къ каждому изъ городовъ, велъ себя достойно своего образованія и воспитанія. Въ этомъ-то, Критіасъ и Ермократъ, я не довѣряю самъ себѣ, D. буду ли въ силахъ достаточно восхвалить тѣхъ мужей и тотъ городъ. Впрочемъ, что касается меня, это и не удивительно; но такое же мнѣніе получилъ я и о поэтахъ,—какъ жившихъ въ древности, такъ и живущихъ теперь. Я не унижаю рода поэтическаго; но всякій ясно видитъ, что подражающая масса, въ какихъ воспитана понятіяхъ, тому легче и лучше подражаетъ; а тому, что встрѣчаешь внѣ E. условій своего воспитанія, трудно съ успѣхомъ подражать и дѣлами, а еще труднѣе словомъ. Родъ же софистовъ почитаю я хотя и очень опытнымъ въ краснорѣчіи и другихъ прекрасныхъ искусствахъ, но боюсь, какъ бы эти люди, бродящіе по городамъ и нигдѣ не основывающіе себѣ собственнаго жительствова, не ошибались въ своихъ догадкахъ, какъ и что, на войнѣ и въ битвахъ, должны дѣлать и говорить философы и вмѣстѣ политики, при ихъ дѣятельныхъ и словесныхъ сношеніяхъ съ другими. За тѣмъ остаются люди вашего званія, которымъ и по природнымъ свойствамъ и по воспитанію до- 20. ступно то и другое. Въдъ этотъ Тимей,—гражданинъ Локровъ ¹, благоустроеннѣйшаго города въ Италіи, своимъ

¹ Проклъ говоритъ о Локрахъ: «Локры—городъ несомнѣнно благоустроенный, потому что законодателемъ его былъ Залевкъ» (ср. Legg. I, p. 638 A). Что касается философа Тимея, онъ былъ, по свидѣтельству самого Платона, глубокой

богатствомъ и происхожденіемъ не уступающій никому изъ тамошнихъ, — достигъ въ городѣ величайшей власти и почестей, и въ философіи, всей вообще, поднялся, по моему мнѣнію, до высшаго предѣла. О Критіасѣ ¹ тоже всѣ мы здѣсь знаемъ, что ему очень не чужды предметы, о которыхъ говоримъ. Что, наконецъ, Ермократъ ² ко всему

В. этому способенъ и по природѣ и по воспитанію, въ томъ убѣждаетъ насъ множество свидѣтельствъ. И потому-то вчера, склоняясь на вашу просьбу разсмотрѣть вопросъ о государствѣ, я охотно уступилъ вамъ, зная, что, если вы захотите, никто удовлетворительнѣе васъ не раскроетъ дальнѣйшее. Вѣдь изъ нынѣшнихъ одни только вы могли бы, поставивъ городъ приличнымъ образомъ въ войну, дать о немъ справедливый во всѣхъ подробностяхъ отчетъ. Такъ вотъ, раскрывъ то, что мнѣ было задано, я задалъ и вамъ, въ свою очередь, урокъ, о которомъ говорю. Вы согласились, по взаимному между собою уговору, заплатить мнѣ

С. сегодня за мои изслѣдованія гостепріимнымъ словомъ: вотъ для этого я и явился теперь сюда, принаряженный, и совершенно готовъ принять угощеніе.

знатокъ астрономіи и всѣ свои труды направляя къ изученію природы. Макробій въ своихъ Сатурналіяхъ (I, 1) не допускаетъ, чтобы онъ могъ жить въ одномъ вѣкѣ съ Сократомъ. Но этотъ писатель ошибается, если только справедливо, что утверждаетъ Цицеронъ (De Fin. V, 20, Tuscul. I, 37, De ger. I, 10), — именно, что этого Тимея Платонъ слушалъ въ Италіи. Впрочемъ, по свидѣтельству Юнсія (Hist. philosoph. scriptor. p. 32 и 125), между древними греками было нѣсколько лицъ, пользовавшихся большею или меньшею извѣстностью, которые носили имя Тимея.

¹ О родѣ Критіаса мы говорили во введеніи къ «Хармиду» (т. I, стр. 268). Это былъ человекъ ученый и краснорѣчивый, хорошо знакомый съ методою Сократовыхъ разсужденій, какъ утверждаетъ Цицеронъ (Orat. III. 34). Но, при всѣхъ своихъ преимуществахъ и дарованіяхъ, впоследствии, достигнувъ высшихъ степеней власти, онъ позволилъ себѣ испростительныя злоупотребленія (см. Xenoph. Hell. II, 3, 18 sqq.) Схолиастъ, въ примѣчаніи къ этому мѣсту, говоритъ: Κριτίας ἦν μὲν γενναῖος καὶ ἀνδρᾶς φύσεως, ἤπτετο δὲ καὶ φιλοσόφων συνομιῶν, καὶ ἐκαλεῖτο ἰδιώτης μὲν ἐν φιλοσόφοις, φιλόσοφος δὲ ἐν ἰδιώταις.

² Проклъ и Схолиастъ къ эт. м. говорятъ: Ὁ Ἐρμοκράτης Συρακοῦσιος ἐστὶ στρατηγός, κατὰ νόμον ζῆν ἐπιτέμενος. — Thucyd. IV, 58; VI, 32 и 72. Xenoph. Hist. Graec. I, 1, 27 sq.

Ерм. И право, Сократъ, въ усердіи-то съ нашей стороны,—какъ сказалъ Тимей,—недостатка не будетъ, да и нѣтъ у насъ предлога не сдѣлать этого. Такъ что и вчера, какъ только пришли отсюда въ гостиное помѣщеніе къ Критіасу, гдѣ остановились, да и ранѣе того, на пути, мы D. опять разсуждали объ этомъ. И онъ тутъ сообщилъ намъ одно древнее преданіе, которое, Критіасъ, ты перескажи теперь и Сократу, чтобы Сократъ обсудилъ вмѣстѣ съ нами, годится ли оно для его урока, или не годится.

Крит. Надобно сдѣлать это, если того же мнѣнія будетъ и третій товарищъ, Тимей.

Тим. Конечно, того же.

Крит. Выслушай же ¹, Сократъ, сказаніе, хоть и очень странное, но совершенно достовѣрное, какъ заявилъ нѣкогда мудрѣйшій изъ семи мудрыхъ—Солонъ. Онъ былъ родственникъ и короткій другъ прадѣду нашему Дропиду ², о чемъ и самъ нерѣдко упоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Дропидъ сообщалъ нашему дѣду Критіасу, а старикъ Критіасъ передавалъ опять намъ, что велики и удивительны были древнія дѣла нашего города, теперь, отъ времени и

¹ Сократъ желалъ, чтобы собесѣдники показали ему, достаточно ли сильно будетъ описанное имъ общество для отраженія внѣшнихъ враговъ. Этотъ вопросъ Критіасъ ставитъ теперь наглядно, сообщая любопытное преданіе о доблести древнихъ Афинянъ,—которое впрочемъ набрасывается здѣсь только въ общихъ чертахъ, а развивается окончательно въ особомъ діалогѣ «Критіасъ».

² Родословную таблицу Платона и Критіаса, уже приведенную нами во введеніи къ «Хармиду» (т. I, стр. 268), воспроизводимъ снова, съ нѣкоторыми дополненіями по парижскому кодексу:

гибели человѣческихъ поколѣній, пришедшія въ забвеніе; но изъ всѣхъ величайшее было одно, припоминаніемъ котораго можемъ мы теперь прилично выразить тебѣ нашу благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ, при настоящемъ празднествѣ, достойно и истинно, не хуже чѣмъ гимнами, восхвалять самую богиню ¹.

Сокр. Хорошо сказано. Но о какомъ же это древнемъ дѣлѣ рассказывалъ Критіасъ, въ значеніи не только преданія, но подвига, нѣкогда, по свѣдѣніямъ Солона, дѣйствительно совершеннаго этимъ городомъ?

Крит. Я сообщу тебѣ древнее преданіе, которое слышалъ не отъ молодаго человѣка; потому что Критіасу было тогда, вѣроятно, по его словамъ, уже подъ девяносто лѣтъ, а мнѣ—много что десять. Случилось это у насъ въ третій день апатуріевъ ², называемый куреотисъ. Обычное для насъ, дѣтей, празднованіе этого дня повторилось и на тотъ разъ; потому что отцы выставили намъ награды за чтеніе рапсодій. Изъ многихъ поэтовъ и много тогда прочитано было стихотвореній; а какъ нѣкоторую новость для того времени, пропѣли многіе изъ насъ, дѣтей, и стихотворенія Солона. И вотъ, при этомъ случаѣ, кто-то изъ товарищей по брат-

¹ Восхвалять самую богиню,—то есть, Аѣину, покровительницу города.

² Апатурія праздновались ежегодно, въ мѣсяцѣ панепсіонѣ, т. е. октябрѣ, въ теченіи трехъ дней. Названіе праздника надо производить отъ слова πατήρ (ὀμοπατορία), а не отъ ἀπάτη (обманъ), какъ производили въ шутку нѣкоторые комическіе поэты, а за ними, по недоразумѣнію, и многіе ученые (см. Meigs. Graecia Feriat. I, p. 34. Xenoph. Hist. Gr. I, 7, 8). Первый день праздника назывался δόρπεια, такъ какъ онъ, по свидѣтельству Свида, открывался ночными пирушками (δόρπη) членовъ фратрій. Второму было имя ἀνάρρυσις—отъ выраженія τοῦ ἀνὸς ἐρύειν или θύειν (приносить жертву), потому что въ этотъ день совершались жертвоприношенія Зевсу, покровителю фратрій, и Аѣинѣ. Третій назывался χοῦρεώτις, оттого что въ этотъ день юноши (χοῦροι) и дѣвы (χόραι) записывались въ члены фратрій. Родители имѣли обыкновеніе въ этотъ третій день устраивать для болѣе возрастныхъ дѣтей состязанія въ произнесеніи стиховъ, причемъ лучшимъ чтецамъ назначались награды. Этотъ обычай установленъ былъ, вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣти могли выставить публично нѣкоторые образцы и доказательства полученнаго ими образованія.

ріи,—быль ли онъ въ самомъ дѣлѣ того мнѣнія, или хотѣль также польстить Критіасу,—сказаль, что считаетъ Солона не только величайшимъ мудрецомъ въ другихъ С. отношеніяхъ, но и въ поэзіи наиболѣе благороднымъ изъ всѣхъ поэтовъ. А старикъ,—это я живо помню,—принявъ такое замѣчаніе съ большимъ удовольствіемъ, разсмѣялся и сказалъ: если бы, другъ Аминандръ, занимался онъ поэзіею не между дѣломъ, а серьезно, какъ другіе, и обработаль сказаніе, принесенное имъ сюда изъ Египта; и если бы не возмущенія и другія бѣдствія, которыя засталъ онъ здѣсь по возвращеніи, и которыя принудили его бросить поэзію, то, по моему мнѣнію, не былъ бы знаменитѣе D. его ни Исідъ, ни Омиръ, и никакой другой поэтъ.—Что же это за сказаніе, Критіасъ? спросилъ Аминандръ.—Сказаніе, отвѣчалъ онъ, о величайшемъ и по справедливости славнѣйшемъ изъ всѣхъ подвиговъ, и этотъ подвигъ дѣйствительно совершилъ нашъ городъ, только повѣсть о немъ, за отдаленностью времени и за гибелью его исполнителей, до насъ не достигла.—Разсказывай сначала, примолвилъ тотъ, что, какъ и отъ кого, въ качествѣ достовѣрнаго ска- Е. занія, слышалъ, по его словамъ, Солонъ.

Въ Египтѣ, началъ онъ, на Дельтѣ, угломъ которой разрѣзывается теченіе Нила, есть область, называемая Саитской¹, а главный городъ этой области—Саисъ, откуда былъ родомъ и царь Амазисъ. Жители этого города имѣютъ свою покровительницу богиню, которая по-египетски называется Нейеъ², а по-эллински, какъ говорятъ они, Аеина. Они выдають себя за истинныхъ друзей аеинянъ и за родственный имъ, до нѣкоторой степени, народъ. Прибывъ туда, Солонъ, по его словамъ, пользовался у жителей боль-

¹ О Саитской области см. Herod. II, с. 17, 163, 169.

² О египетской богинѣ, которой имя было Нейеъ, упоминають еще Геродотъ (II, 169 sq. 175), Страбонъ (XVII, р. 802), Плутархъ (De Isid. et Osirid. p. 354), принимая ее за одно съ Минервою. О ней см. Steuzer, Symbol. т. II, р. 658, 661, 675 sqq.

22. шимъ почетомъ, а распрашивая о древностяхъ наиболѣе свѣдущихъ въ этомъ отношеніи жрецовъ, нашель, что о такихъ вещахъ ни самъ онъ, ни кто другой изъ эллиновъ, просто сказать, ничего не знаютъ. Однажды, желая вызвать ихъ на бесѣду о древнихъ событіяхъ, Солонъ принялся рассказывать про греческую старину: говорилъ о Форо-ней¹, такъ называемомъ первомъ, и о Ніобѣ, затѣмъ, В. послѣ потопа, о Девкаліонѣ и Пиррѣ, какъ они спаслись; потомъ прослѣдилъ ихъ потомство и, соображая время, старался опредѣлить, сколько минуло лѣтъ тому, о чемъ говорилось. Но на это одинъ очень старый жрецъ сказалъ: О Солонъ, Солонъ! вы, эллины, всегда дѣти, и старца эллина нѣтъ. Услышавъ это, Солонъ спросилъ: какъ это? что ты хочешь сказать?—Всѣ вы юны душою, примолвилъ онъ; потому что не имѣете вы въ душѣ ни одного стараго мнѣнія, которое опиралось бы на древнемъ преданіи, и ни С. одного знанія, посѣдѣвшаго отъ времени. А причиною этому вотъ что. Многимъ и различнымъ катастрофамъ подвергались и будутъ подвергаться люди; величайшія изъ нихъ случаются отъ огня и воды, а другія, болѣе скоротечныя,—отъ множества иныхъ причинъ. Вѣдь и у васъ передается сказаніе, будто нѣкогда Фаятонъ, сынъ Солнца, пустивъ колесницу своего отца, но не имѣя силы направить ее по пути, котораго держался отецъ, пожегъ все на землѣ, да погибъ и самъ, пораженный молніями. Это рассказывается, конечно, въ видѣ мифа; но подъ нимъ скрывается та

¹ Сх о л.: «Фороней—сынъ Инаха и Мелія, царь аргивнянъ. Ніоба—дочь Форо-нея и Тилодики, дочери Ксута». Схولیастъ впрочемъ ошибается, считая жену Форонея дочерью Ксута, потому что Ксутъ приходился внукомъ Форонею, жившему до Девкаліонова потопа. По Аполлодору (II, 1), Фороней родилъ Апію и Ніобу отъ нимфы Лаодики; Павзаній же женою его называетъ Церду (II, 21). Фороней славился у грековъ какъ основатель города Аргоса и какъ царь, издавшій первые законы и установившій жертвоприношенія богамъ. Вообще, заслуги Форонея по отношенію къ образованію и устройству гражданъ цѣнились очень высоко, такъ что дѣла его воспѣвались и передавались потомству въ стихахъ (см. Паузан. II, 15. Hugin. Fab. 143. Tertullian. Adv. gentes, 60. Euseb. Praep. evang. X, 10).

истина, что свѣтила, движущіяся въ небѣ и кругомъ земли, D. уклоняются съ пути, и чрезъ долгіе промежутки времени истребляется все находящееся на землѣ посредствомъ сильнаго огня ¹. Тогда обитатели горъ, высокихъ и сухихъ мѣстностей гибнутъ больше, чѣмъ живущіе у рѣкъ и морей. Что касается насъ, то Ниль, хранящій насъ также въ иныхъ случаяхъ, бываетъ нашимъ спасителемъ и въ этой бѣдѣ. Когда же опять боги, для очищенія земли, затопляютъ ее водою, то спасаются живущіе на горахъ, пастухи и волопасы, люди же, обитающіе у васъ по городамъ, уносятся потоками воды въ море. Но въ этой странѣ, ни тогда, ни въ другое время, вода не изливается на поля сверху, а E. напротивъ, вся наступаетъ обыкновенно снизу ². Оттого-то и по этимъ-то причинамъ здѣсь, говорятъ, все сохраняется отъ самой глубокой древности. Но дѣло вотъ въ чемъ: во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не препятствуетъ тому чрезмѣрный холодъ или зной, въ большемъ или меньшемъ числѣ, всегда живутъ люди; и что бывало прекраснаго и великаго, или замѣчательнаго въ иныхъ отношеніяхъ,—у 23. васъ или здѣсь, или въ какомъ другомъ мѣстѣ, о которомъ доходятъ до насъ слухи,—то все съ древняго времени записано и сохраняется здѣсь въ храмахъ; у васъ же и у другихъ, каждый разъ, едва лишь упрочится письменность и другія средства, нужныя (для этой цѣли) городамъ, какъ опять, чрезъ извѣстное число лѣтъ, будто болѣзнь, низверг-

¹. Мнѣніе, что чрезъ извѣстные періоды времени универсъ вещей долженъ измѣнять свой порядокъ, высказано философомъ также въ другихъ мѣстахъ (см. Politic. p. 269 sqq. Legg. III, p. 677 A sqq). Того же мнѣнія держались, кажется, египтяне, судя по рассказамъ Геродота (II, 143). Изъ грековъ его поддерживали многіе,—напр., орѣики и Гераклитъ,—полагая, что земля будетъ разрушаться либо отъ огня, либо отъ воды (Plutarch. De defect. orac. p. 415; Clem. Al. Strom. V, p. 549).

². Египеть, при совершенномъ почти отсутствіи дождей, обязанъ, какъ извѣстно, своею производительностью только тому, что воды Нила періодически выступаютъ изъ береговъ, оставляя на землѣ слой влажнаго и плодотворнаго ила. На это именно намекаетъ употребленный выше въ приложеніи къ Нилу вѣститель «хранителя» или «спасителя» (σωτήρ).

ся на васъ небесный потокъ, и оставилъ изъ васъ въ жи-
 В. выхъ только неграмотныхъ и неученыхъ; такъ что вы
 снова какъ будто молодѣете, не сохраняя въ памяти ни-
 чего, что происходило въ древнія времена—какъ здѣсь,
 такъ и у васъ. Вотъ и теперь, напримѣръ, все, что ты
 рассказалъ, Солонъ, о вашихъ древнихъ родахъ, мало чѣмъ
 отличается отъ дѣтскихъ побасенокъ: во первыхъ, вы по-
 мните только объ одномъ земномъ потоцѣ, тогда какъ до
 С. того было ихъ нѣсколько; потомъ, вы не знаете, что въ
 вашей странѣ существовало прекраснѣйшее и совершен-
 нѣйшее въ человѣчествѣ племя, отъ котораго произошли и
 ты, и всѣ вы съ вашимъ городомъ, когда оставалась отъ
 него одна ничтожная отрасль. Отъ васъ это утатилось, по-
 тому что уцѣлѣвшая часть племени, въ теченіе многихъ
 поколѣній, сходила въ гробъ безъ письменной рѣчи. Въдѣ
 нѣкогда, Солонъ, до великой катастрофы потопа, у нынѣш-
 нихъ аѳинянъ былъ городъ, сильнѣйшій въ дѣлахъ воен-
 ныхъ, но особенно сильный отличномъ по всѣмъ частямъ
 законодательствомъ. Ему приписываютъ прекраснѣйшія дѣ-
 ла и прекраснѣйшее гражданское устройство, изъ всѣхъ,
 Д. какія, по дошедшимъ до насъ слухамъ, существовали подъ
 солнцемъ.

Выслушавъ это, Солонъ,—по его словамъ,—удивился и
 со всѣмъ усердіемъ просилъ жрецовъ, чтобы они по по-
 рядку и подробно рассказали ему все о дѣлахъ древнихъ
 его согражданъ.—Жрецъ отвѣчалъ: ничего не скрою, Со-
 лонъ, но расскажу охотно, и ради тебя, и ради вашего
 города, и особенно ради богини ¹, которая, получивъ на
 свою долю города—и вашъ и здѣшній, воспитала и обра-
 зовала оба,—вашъ тысячею годами прежде, взявъ для васъ
 Е. сѣмя отъ Геи и Ифеста ², а здѣшній послѣ. Время устрое-
 нія здѣшняго-то города у насъ, въ священныхъ письменахъ,

¹ Разумѣется опять Аѳина или Минерва, у египтянъ носившая имя Нейеъ.

² То есть, отъ земли и огня, представляющихъ, по ученію самого философа
 (ниже, р. 31 В), коренныя стихіи тѣлъ.

опредѣляется числомъ восьми тысячъ лѣтъ. Что касается твоихъ согражданъ, жившихъ за девять тысячъ лѣтъ, то я изъясню тебѣ вкратцѣ ихъ законы и прекраснѣйшее изъ совершенныхъ ими дѣлъ. Подробно же все мы рассмотримъ 24. на досугъ, когда нибудь въ другой разъ, взявъ самыя записки ¹. О ихъ законахъ заключаю по здѣшнимъ; потому что здѣсь теперь найдешь ты много образцовъ того, что было тогда у васъ: найдешь, во первыхъ, классъ жрецовъ, отдѣльный отъ прочихъ сословій; потомъ, классъ художниковъ, работающій по каждому художеству отдѣльно,—не смѣшивая одного съ другимъ; далѣе, сословія пастуховъ, охотниковъ и земледѣльцевъ; да и классъ людей военныхъ, ты видишь, обособленъ здѣсь отъ всѣхъ сословій, и этимъ В. людямъ законъ вмѣняетъ въ долгъ не имѣть попеченія ни о чемъ больше, какъ только о дѣлахъ военныхъ. Тѣ же и виды оружія ихъ—щиты и копья, которыми мы первые изъ жителей Азіи ² стали вооружаться,—по указанію богини, впервые научившей тому людей, какъ въ этой странѣ, такъ и у васъ. Что касается разумности, то ты видишь, какую о ней заботливость тотчасъ же, съ самаго начала, здѣсь проявилъ законъ, открывъ всѣ пути къ познанію міра, даже до наукъ провѣщанія и попеченія о здорově, съ приложеніемъ этихъ божественныхъ знаній къ цѣлямъ человѣческимъ, и овладѣвъ всѣми прочими, прикосновенными къ этимъ науками. Такой-то строй и порядокъ основала въ тѣ времена богиня, даруя его вамъ первымъ; она избрала и мѣсто для вашего жительства,—то,

¹ То есть, священныя, хранившіяся въ храмахъ жреческія книги, въ которыхъ всѣ эти событія глубокой древности изложены подробнѣе.

² Египетъ у древнихъ причислялся также къ Азіи. Всю землю дѣлили они вообще на двѣ части,—на Азію и Европу, причемъ Ливію относили то къ Азіи, то къ Европѣ. Этого понятія о географическомъ дѣленіи земли, кажется, держится въ настоящемъ случаѣ и Платонъ, хотя вслѣдъ за тѣмъ, сказавши, что войско атлантѣвъ грозило вмѣстѣ и Европѣ и Азіи, тамъ же отличаетъ Ливію отъ Азіи, говоря: «островъ тотъ былъ больше Азіи и Ливіи, взятыхъ вмѣстѣ (ср. Gorg. 523 E).

изъ котораго вы происходите,—убѣдившись, что тамошнее благораствореніе воздуха будетъ производить мужей разумнѣйшихъ. Любя и войну, и мудрость, богиня выбрала (тамъ) мѣсто, которое должно было давать мужей, наиболѣе ей подобныхъ, и его-то сперва и населила. И вотъ вы тамъ жили, пользуясь такими законами и все совершенствуя свое благоустройство, такъ что превзошли всякою добродѣтелию всѣхъ людей, какъ оно и подобало вамъ, въ качествѣ сыновъ и питомцевъ боговъ. Удивительны сохранившіяся здѣсь описанія многихъ и великихъ дѣлъ вашего рода: но выше всѣхъ, по величію и доблести, особенно одно. Записи говорятъ, какую городъ вашъ обуздаль нѣкогда силу, дерзостно направлявшуюся разомъ на всю Европу и на Азію со стороны Атлантическаго моря. Тогда вѣдь море это было судоходно, потому что предъ устьемъ его, которое вы, по своему, называете Иракловыми столпами ¹, находился островъ. Островъ тотъ былъ больше Ливіи и Азіи, взятыхъ вмѣстѣ, и отъ него открывался плавателямъ доступъ къ прочимъ островамъ, а отъ тѣхъ острововъ—ко всему противолежащему материку, которымъ ограничивается тотъ истинный понтъ. Вѣдь съ внутренней стороны устья, о которомъ говоримъ, море ² представляется (только) бухтой, чѣмъ-то въ родѣ узкаго входа; а то (что съ внѣшней стороны) можно назвать уже настоящимъ моремъ, равно какъ окружающую его землю, по всей справедливости,—истиннымъ и совершеннымъ материкомъ. На этомъ-то Атлантидскомъ островѣ сложилась вели-

¹ О Геркулесовыхъ столпахъ много ходило разнорѣчивыхъ толковъ еще между древними: «Геркулесовы столпы, говоритъ Гезихій, одни принимаютъ за двойныя столбы (στύλας διπλῆς), другіе за острова; одни признаютъ наноснымъ иломъ, другіе—выступами материка; наконецъ, принимаютъ также за города, и нѣкоторые за одинъ, другіе за два, за три и за четыре». Ученымъ образомъ разсмотрѣвъ этотъ вопросъ J. Fr. Fischer (Index ad Palaeph.). Платонъ именемъ Геркулесовыхъ столбовъ обозначаетъ только Гадитанскій проливъ; это и есть конечно то устье, о которомъ тутъ говорится.

² Разумѣется Средиземное море. Подобнымъ образомъ Phaedon, p. 109 B.

кая и грозная держава царей, власть которых простира-
лась на весь островъ, на многіе иные острова и на нѣко-
торыя части материка. Кромѣ того, они и на здѣшней
сторонѣ владѣли Ливією до Египта и Европою до Тирри-В.
ніи. Вся эта держава, собравшись въ одно, вознамѣрилась
и вашу страну, и нашу, и все по сую сторону устья про-
странство земли поработить однимъ ударомъ. Тогда-то, Со-
лонъ, воинство вашего города доблестію и твердостію про-
славилось передъ всѣми людьми. Превосходя всѣхъ муже-
ствомъ и хитростію военныхъ приемовъ, городъ вашъ то
воевалъ во главѣ эллиновъ, то, когда другіе отступались, С.
противостоялъ по необходимости одинъ и подвергалъ себя
крайнимъ опасностямъ; но наконецъ, одолѣвъ наступа-
ющихъ враговъ, торжествовалъ побѣду надъ ними, воспре-
пятствовалъ имъ поработить еще не поработенныхъ, и
намъ всѣмъ вообще, живущимъ по эту сторону Иракло-
выхъ, предѣловъ, безусловно отвоевалъ свободу. Въ послѣд-
ствіи же времени, когда происходили страшныя землетрясе-
нія и потопа, въ одинъ день и бѣдственную ночь, вся
ваша воинская сила разомъ провалилась въ землю, да и
островъ Атлантида исчезъ, погрузившись въ море. Потому D.
и тамошнее море оказывается теперь несудоходнымъ и не-
изслѣдимымъ: плаванію препятствуетъ множество окаменѣ-
лой грязи, которую оставилъ за собою осѣвшій островъ ¹.

¹ Можно ли считать подлиннымъ этотъ разсказъ о древней Атлантидѣ, или онъ вымышленъ Платономъ,—объ этомъ спорили еще древніе его толкователи. Проклъ говоритъ (р. 24), что первый толкователь Платона, Кранторъ, находилъ сказаніе это совершенно достовернымъ, но другіе отвергали и оспаривали его мнѣніе. Впрочемъ ни Страбонъ, ни Посидоній не отказывались безусловно вѣрить Платону (см. Strab. II, p. 102), какъ отказался въ наше время Гисманъ (въ книгѣ *Neue Welt und Menschengeschichte*, I, p. 173—186), выразивъ мнѣніе, что вся эта исторія—чистый вымыселъ. Почему же однакожъ не допустить, что Платонъ почерпнулъ содержаніе ея изъ чужихъ, и именно изъ еги-
петскихъ источниковъ? Весьма возможно, что древніе египтяне имѣли уже нѣ-
которое понятіе объ Америкѣ, если молва о какихъ-то Атлантическихъ остро-
вахъ держалась вообще такъ упорно и дошла, какъ мы знаемъ, до позднѣйшихъ
временъ древности (см. Diodor. III, p. 207, cap. 54 sqq.; Plutarch. Sector. c. 8;

- Е. Теперь, Сократъ, ты слышалъ, въ краткомъ очеркѣ, что, по преданію отъ Солона, передавалъ старикъ Критіасъ. Вчера, когда говорилъ ты о государствѣ и о тѣхъ мужахъ, которыхъ изображалъ, я, припоминая рассказанное мною сейчасъ, удивлялся при мысли, какъ это ты, въ преслѣдованіи своей цѣли, по какому-то чудесному случаю, сошелся во многомъ съ Солономъ, изъ того, о чемъ тотъ говорилъ. Но я не хотѣлъ рассказать все это тотчасъ же, 26. потому что, по давности времени, недостаточно хорошо помнилъ: и рѣшилъ про себя, что прежде надо мнѣ все возстановить надлежащимъ образомъ въ своей памяти, да тогда и сказывать. Оттого-то такъ скоро и согласился я на твое вчерашнее предложеніе: я думалъ, мы будемъ имѣть полную возможность сдѣлать то, что составляетъ главную трудность во всѣхъ подобныхъ задачахъ, это—положить въ основаніе (бесѣды) нѣкоторое изслѣдованіе, отвѣчающее нашимъ цѣлямъ. Поэтому тоже вчера,—какъ сообщилъ В. Еρμοкрать,—уходя отсюда, я тотчасъ передалъ этимъ, что припоминалъ; по возвращеніи же домой, въ продолженіи ночи, обдумывалъ и почти все возстановилъ. Въ самомъ дѣлѣ, свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, имѣютъ, по словицѣ, какую-то чудную силу: вѣдь не знаю, могъ ли бы я овладѣть снова въ памяти всѣмъ тѣмъ, что слышалъ вчера; другое дѣло—все выслушанное мною встарину: я очень удивился бы, если бы что нибудь изъ того ускользнуло отъ меня. Тогда было это прослушано съ большимъ удоволь-

Аshmian. Marcell. XVII, et al.). Нельзя во всякомъ случаѣ не согласиться, что всѣ подробности этого описанія, все, что рассказываетъ Платонъ о положеніи и пространствѣ страны, о ея величіи, могуществѣ и богатствѣ, удивительно близко могло бы подходить къ Америкѣ. Такъ что если не предполагать для этихъ фактовъ какихъ нибудь историческихъ источниковъ, мы должны были бы допустить въ Платонѣ даръ какой-то невѣроятной прозорливости. Впрочемъ мы не будемъ защищать той части сказанія, которая повѣствуетъ о высокихъ доблестяхъ древнихъ аѳинянъ: вся эта часть представляетъ или чистый вымыселъ, или, можетъ быть, и преданіе, дѣйствительно существовавшее, но здѣсь совершенно переработанное, ради специальныхъ цѣлей сочиненія.

ствіемъ и вмѣсто забавы; старикъ охотно наставлялъ меня С. по всѣмъ вопросамъ, какіе то и дѣло я задавалъ ему; такъ что все запечатлѣлось во мнѣ неизгладимо, какъ бы въ выжженныхъ чертахъ. Это самое нынѣ поутру я тотчасъ же разсказалъ и имъ, чтобы и они, подобно мнѣ, запаслись рѣчами. Такъ вотъ, Сократъ,—къ тому-то все и говорилось,—я готовъ теперь изложить дѣло не только въ общихъ чертахъ, но со всѣми подробностями, о которыхъ слышалъ. Тотъ городъ съ гражданами, который вчера пред- D. ставилъ ты намъ будто въ сказкѣ, мы перенесемъ сюда въ дѣйствительность и примемъ его за тотъ самый, и тѣхъ гражданъ, какъ ты ихъ понималъ, признаемъ за этихъ дѣйствительныхъ нашихъ предковъ, о которыхъ разсказывалъ жрецъ. Они придутъ съ этими въ совершенную гармонію, и мы не нарушимъ ея, если скажемъ, что это тѣ самые граждане, чтó жили въ то время. Принимаясь за дѣло обща, постараемся же всѣ, кому это тобою предложено, исполнить его, по мѣрѣ силъ, удовлетворительно. Такъ слѣдуетъ разсудить, Сократъ, приходится ли эта задача намъ Е. по мысли, или вмѣсто того надо еще изслѣдовать что нибудь другое.

Сокр. Да какую же иную задачу, лучше этой, можемъ мы выбрать, когда она и по содержанію такъ близко и такъ хорошо подходитъ къ нынѣшнему жертвоприношенію богинѣ? Да и то весьма важно, что это не вымышленная сказка, а истинная повѣсть. Если откажемся отъ этихъ преданій, какъ и откуда добудемъ мы другія? Это невозможно; нѣтъ, въ добрый часъ, вамъ надо говорить, а мнѣ, въ награду за вчерашнія разсужденія, теперь спокойно слушать.

Крит. И посмотри, Сократъ, въ какомъ порядкѣ распо- 27. ложили мы для тебя угощеніе. Намъ показалось, что Тимей, какъ самый сильный между нами знатокъ астрономіи и челоувѣкъ особенно предавшійся задачѣ познать природу

вселенной ¹, долженъ говорить первый, и начавъ отъ рожденія космоса, окончить природою человѣка. А я, послѣ него, принявъ людей, уже получившихъ по его изслѣдованію бытіе и нѣкоторыхъ между ними отлично воспитанныхъ в. тобою, согласно съ рассказомъ и закономъ Солона, поставлю ихъ предъ васъ—судей и покажу въ нихъ гражданъ этого города, какъ бы дѣйствительныхъ тогдашнихъ аеинянъ,—тѣхъ, что вывело на свѣтъ изъ забвенія сказаніе священныхъ книгъ,—и далѣе буду уже говорить о нихъ какъ о согражданахъ и настоящихъ аеинянахъ.

Сокр. Я получу, какъ видно, полное и блистательное возмездіе за свое словесное угощеніе. И такъ, Тимей, кажется, с. за тобою будетъ слово, когда сдѣлаешь, по обычаю, воззваніе къ богамъ.

Тим. Это-то, Сократъ, всѣ дѣлаютъ, въ комъ есть хоть немного разсудительности,—всѣ, при началѣ всякаго, малаго и большаго, дѣла, всегда призываютъ Бога. Мы же, намѣреваясь вести рѣчь о всемъ, какъ оно произошло, или не происходитъ, если только не сбились совсѣмъ съ пути, должны необходимо взывать къ богамъ и богинямъ и молить ихъ, чтобы всѣ наши рѣчи были вполнѣ по мысли имъ и удовлетворительны для насъ. Это самое, что мы сказали, пусть и будетъ нашимъ воззваніемъ къ богамъ. По D. отношенію же къ себѣ, пожелаемъ, чтобы и вамъ легче понимать меня, и мнѣ, въ той же мѣрѣ, яснѣе высказывать о предметѣ то, что я о немъ думаю.

Прежде всего, по моему мнѣнію, надо различать: что всегда существуетъ и никогда не происходитъ, и что всегда

¹ Міръ, или универсъ, означается въ «Тимей» разными именами: иногда называется то *κᾶν* (р. 29, 31, 37, 41, 47, 48, 55, 81, 88, 90), въ другихъ мѣстахъ *οὐρανός*, (р. 31, 32, 36, 38, 41, 48, 62, 63, 81, 92); весьма часто также употребляется названіе *ὁ κόσμος*. Впрочемъ въ тѣ времена слово *κόσμος* употреблялось собственно въ значеніи звѣзднаго неба, какое, говорятъ, впервые придалъ ему Пифагоръ (Eugesti ad Xenoph. Memorab. I, 1, 11). Происхожденіе имени *κόσμος* философъ объясняетъ въ «Горгіастъ», р. 508 А, и ниже—Тім. р. 40 А.

происходить, но никогда не существует. Первое постигается, при помощи разума, мышлениемъ, какъ всегда то же- 28.
 ственное въ самомъ себѣ, а второе, при посредствѣ неразумнаго чувства, подлежитъ мнѣнію, какъ нѣчто рождающееся и погибающее, но дѣйствительно вовсе не существующее. Далѣе, все происходящее бываетъ необходимо отъ какой нибудь причины; потому что происходитъ всему безъ причины невозможно. И если зиждитель какой нибудь вещи имѣетъ всегда въ виду то же ственное, и пользуясь именно такого рода образцомъ, создаетъ ея образъ и сущность, то все такимъ образомъ выходитъ, по необходимости, прекраснымъ; в.
 а что зиждетъ онъ, имѣя въ виду рождающееся и пользуясь образцомъ рожденнымъ, то—не прекраснымъ. Но все небо, или космосъ, или какъ бы мы ни назвали его,—если кто найдетъ лучшимъ иное имя,—относительно его должно прежде всего изслѣдовать, (что надо изслѣдывать первымъ дѣломъ и во всѣхъ вопросахъ), было ли оно всегда, такъ что въ своемъ бытіи не имѣло вовсе начала, или оно произошло, исшедши изъ какого нибудь начала. Произошло: потому что оно есть нѣчто видимое, осязаемое и тѣлесное, а все такое чувственно; чувственное же, воспринимаемое мнѣніемъ при посредствѣ чувства, оказалось происходящимъ и рожденнымъ. А происшедшее, говоримъ, необходимо является отъ какой нибудь причины. Но Творца и Отца этой вселенной открыть трудно, да и открывши, объяснить его всѣмъ невозможно. Такъ по отношенію къ вселенной надобно опять разсмотрѣть, по которому изъ образцовъ созидаль ее Зиждитель,—по тому ли, что всегда то же ственно и одинаково, или по образцу того, что произо- 29.
 шло. Если этотъ космосъ прекрасенъ и Зиждитель его благъ,—значитъ, онъ обращалъ взоръ на вѣчное; а если бъ мы предположили, что грѣшно и выговорить,—то на происшедшее. Впрочемъ всякому ясно, что на вѣчное, потому что космосъ—самый прекрасный предметъ изъ рожденныхъ, а Зиждитель—совершеннѣйшая изъ причинъ. Такъ-то произошелъ

онъ, созданный по образцу того, что постигается мышлениемъ и разумомъ и само въ себѣ тождественно. При такихъ
 в. условіяхъ, космосъ, совершенно неизбежно, долженъ быть образомъ чего нибудь. Но самое важное—начинать дѣло согласно съ его природою ¹. Такъ по отношенію къ образу и его образцу надобно принять за правило, что рѣчи съ тѣмъ самымъ и сродны, чему онѣ служатъ истолкованіемъ. Рѣчи о томъ, что постоянно, прочно и открыто уму, естественно должны быть также постоянны, неперемѣнчивы и сколько возможно неопровержимы, непоколебимы, такъ что въ этомъ отношеніи—не представлять недостатковъ; а что говорится о вещахъ, хотя и произведенныхъ по этому образцу, но составляющихъ, въ сущности, одно его подобіе, то, по аналогіи съ ними, можетъ быть только вѣроятно; ибо что существованіе—по отношенію къ происхожденію, то же представляетъ истина по отношенію къ вѣрѣ. Поэтому не удивляйся, Сократъ, если, послѣ многаго, что сказано уже многими о богахъ и о происхожденіи всего ², мы не въ состояніи будемъ высказать о нихъ вполне и во всемъ между собою согласныхъ и достаточно опредѣленныхъ мыслей. Будемъ довольны уже и тѣмъ, если представимъ
 с. ничуть не менѣе правдоподобныя, помня, что и я, говорящій, и вы, судьи, имѣемъ природу человѣческую и что поэтому намъ, принимая правдоподобную повѣсть о такихъ предметахъ, не слѣдуетъ искать чего либо далѣе этой черты.

д. *Сокр.* Превосходно, Тимей; это должно быть принято, какъ ты требуешь, безусловно.—И такъ, твою прелюдію

¹ Начинать дѣло согласно съ его природою, — ἀρξάναι κατὰ φύσιν ἀρχήν. Т. е., мы должны начинать дѣло, зная напередъ, чего можемъ отъ него ожидать. Такъ и теперь оговоримся заранее, что въ разсужденіяхъ своихъ, по самой природѣ изслѣдуемаго предмета, не можемъ идти далѣе простой вѣроятности.

² Здѣсь надо видѣть намекъ прежде всего на теоріи философовъ іонійской школы, и отчасти на ученіе ихъ преемниковъ—элейцевъ и пифагорейцевъ.

мы приняли съ большимъ удовольствіемъ; теперь продолжай, и спой намъ самую пѣсню.

Тим. Объяснимъ же, ради какой причины Устроитель устроилъ происхожденіе вещей и это *все*. Онъ былъ добръ; въ добромъ же никакой ни къ чему и никогда не бываетъ *Е*. зависти. И вотъ, чуждый ея, онъ пожелалъ, чтобы все было по возможности подобно ему. Кто принялъ бы отъ мужей мудрыхъ ученіе, что это именно было кореннымъ началомъ происхожденія вещей и космоса, тотъ принялъ бы это весьма правильно. Пожелавъ, чтобы все было хорошо, а худаго по возможности ничего не было, Богъ такимъ-то *30*. образомъ все подлежащее зрѣнію, чѣмъ засталъ не въ состояніи покоя, а въ нестройномъ и беспорядочномъ движеніи, изъ безпорядка привелъ въ порядокъ, полагая, что послѣдній всячески лучше перваго. Но существу превосходнѣйшему какъ не было прежде, такъ не дано и теперь дѣлать что иное, кромѣ одного прекраснаго. Поэтому, на счетъ видимаго по природѣ, размысливъ, онъ вывелъ заключеніе, *В*. что нѣчто неразумное, никогда, какъ твореніе, не будетъ прекраснѣе того, что имѣетъ умъ, если сравнивать и то и другое какъ цѣлое; а ума не можетъ быть ни въ чемъ безъ души. Слѣдуя такой мысли, умъ вселилъ онъ въ душу, а душу—въ тѣло ¹, и построилъ вселенную такъ именно, чтобы произвести нѣчто по природѣ прекраснѣйшее и чтобы твореніе вышло совершеннымъ. Такимъ-то образомъ, ограничиваясь вѣроятностью, надобно полагать, что этотъ космосъ, промышленіемъ божіимъ, получилъ бытіе какъ животное одушевленное и по истинѣ одаренное умомъ. *С*.

Принявъ это, надобно вслѣдъ за симъ показать, по подобію котораго изъ животныхъ Устроитель устроилъ его. Ничто изъ того, что по природѣ подходитъ подъ понятіе ча-

¹ Не забудемъ, что космосъ разсматривается пока какъ цѣлое, какъ самостоятельный, завершенный въ самомъ себѣ организмъ, и если рѣчь идетъ здѣсь объ умѣ, душѣ и тѣлѣ, то, конечно, не индивидуальныхъ, а міровыхъ.

- сти, мы не найдемъ достойнымъ этого преимущества; ибо что подобно несовершенному, то уже не могло бы быть прекрасно. Но къ чему, напротивъ, какъ части, относятся другія животныя, поодиночкѣ и по родамъ, тому мы признаемъ его подобнымъ всего болѣе; ибо вѣдь то объемлетъ D. и содержитъ въ себѣ всѣхъ мыслимыхъ животныхъ ¹, какъ этотъ космосъ соединилъ въ себѣ насъ и всѣ прочія творенія видимыя. И вотъ, въ желаніи уподобить его ближе именно самому прекрасному изъ мыслимаго и во всѣхъ отношеніяхъ совершенному, Богъ устроилъ изъ видимаго одно животное, заключающее въ себѣ все живое, сродное съ нимъ по природѣ.
31. Но правильно ли упомянули мы объ одномъ небѣ, или вѣрнѣе было бы говорить о многихъ и безчисленныхъ?— Нѣтъ, правильно—объ одномъ, если оно будетъ создано по своему образцу; потому что этотъ, обнимая все мыслимое живое, не можетъ никогда быть нѣчто второе при чемъ либо другомъ. Иначе къ этимъ двумъ потребовалось бы опять другое, котораго оба тѣ были бы частями; и уже правильнѣе было бы говорить, что небо уподоблено не тѣмъ, а B. этому, ихъ объемлющему. И такъ, чтобы, по своему единству, оно уподоблялось животному совершенному, для этого Творящій сотворилъ не два космоса и не безчисленное множество ихъ,—но есть и будетъ на дѣлѣ одно единое небо ².

¹ Философъ говоритъ о мірѣ, такъ сказать, въ идеѣ, подводя подъ это понятіе всю сложность частныхъ идей и представляя себѣ этотъ идеальный міръ—тоже въ видѣ живаго, дѣльнаго организма (ζῷον), обнимающаго собою всѣ подчиненныя существа, по одиночкѣ и по родамъ (καθ' ἑν καὶ κατὰ γένη) (сн. р. 39 E). Этотъ міръ мыслимый онъ полагаетъ какъ первообразъ міра видимаго, представляющаго собою его подобіе. Такимъ же образомъ Эмпедоклъ полагалъ κόσμον νοητόν, какъ παράδειγμα ἀρχέτυπον κόσμου αἰσθητοῦ.

² Существуетъ только одинъ, а не нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга міровъ. Это единство міра выводится изъ того, что и идея вселенной, обнимающая собою все, у насъ одна. Есть свидѣтельства, что такъ учили тоже Анаксагоръ и Пиеагоръ. Замѣтимъ, что этотъ чисто логическій выводъ древней философіи о единствѣ мірозданія находитъ себѣ полное подтвержденіе въ опыт-

Происшедшее должно быть тѣлообразно, видимо и осязаемо. Но видимымъ ничто не можетъ быть безъ огня, осязаемымъ—безъ нѣкоторой твердости, а твердымъ—безъ земли. Поэтому, начавъ созидать тѣло вселенной, Богъ творилъ его изъ огня и земли. Но хорошо связать только два предмета, безъ третьяго, невозможно; потому что въ срединѣ между обоими должна быть соединяющая ихъ связь. Прекраснѣйшая же изъ связей—та, которая и связуемое и самоё себя дѣлала бы именно однимъ. А свойство производить это наилучшимъ образомъ имѣеть пропорція. Въдь когда изъ трехъ какихъ либо чиселъ, либо массъ, либо площадей, среднее относится къ послѣднему такъ же, какъ 32. первое къ нему самому, и опять наоборотъ, послѣднее относится къ среднему, какъ среднее къ первому, причемъ среднее становится первымъ и послѣднимъ, а послѣднее и первое въ свою очередь среднимъ,—въ такомъ случаѣ всѣ по необходимости окажутся тождественными, а ставши тождественными одно другому, образуютъ всѣ вмѣстѣ одно. И вотъ если бы тѣлу вселенной надлежало быть поверхностью, не имѣющею вовсе глубины, то одной средины было бы достаточно, чтобы связать и приложенныя къ ней крайности и себя самоё. Но космосу надлежало быть тѣлообразнымъ; тѣла же сплачиваются не одною, но всегда двумя срединами ¹. Поэтому въ срединѣ между огнемъ и

ныхъ изслѣдованій нашихъ новыхъ наукъ: по крайней мѣрѣ наша астрономія не знаетъ ни одного небеснаго тѣла, даже между самыми отдаленными, которое стояло бы, такъ сказать, внѣ строя и не тяготѣло бы къ общему для всѣхъ міровому центру.

¹ Огонь и землю считали основными элементами творенія также Демокритъ, Анаксагоръ и Парменидъ.—Изъ этихъ двухъ началъ Богъ положилъ, по словамъ Платона, составить міръ. Но такъ какъ они слишкомъ не сходны по своей природѣ, то явилась необходимость въ посредствующихъ, болѣе близкихъ къ нимъ по природѣ элементахъ, которые поддерживали бы между ними связь. Сколько же нужно было такихъ связующихъ элементовъ, и почему недостаточно было одного? Платонъ находитъ рѣшеніе этому вопросу въ законахъ образованія непрерывной геометрической пропорціи. Онъ обращается къ пропорціи потому, что она имѣеть способность именно связывать и приводить къ стройному единству разрозненныя величины, такъ что не допускаетъ никакой

землею Богъ помѣстилъ воду и воздухъ, установивъ между этими стихіями по возможности одинаковое отношеніе, что-

перестановки, никакого увеличенія или уменьшенія въ одной изъ частей, которое не влекло бы за собою соответственнаго измѣненія и для другихъ. Эти свойства пропорціи Платонъ принимаетъ за выраженіе общихъ дѣйствующихъ въ мірѣ законовъ единства и порядка. Чтобы связать пропорцію какія либо двѣ величины a и c , необходима вообще по крайней мѣрѣ одна посредствующая величина. Пусть это будетъ b ; тогда получится пропорція $a : b = b : c$, члены которой могутъ быть размѣщены и такъ: $b : a = c : b$; $b : c = a : b$; $c : b = b : a$. Теперь, такъ какъ рѣчь идетъ у насъ не объ отвлеченныхъ величинахъ, а о стихіяхъ міра, замѣнимъ членовъ нашей пропорціи основными геометрическими величинами—прямыми линиями. Изъ произведенія ихъ мы получимъ уравненіе $b^2 = a \cdot c$, выражающее уже равенство площадей. Значитъ, если бы міръ можно было принять за геометрическую площадь, имѣющую только два измѣренія, то для установленія связи между основными его элементами, огнемъ и землею, достаточно было бы и одного посредствующаго начала. Но міръ, какъ и его элементы, представляетъ собою не площадь, а геометрическое тѣло, съ тремя измѣреніями. Подставимъ же въ нашу пропорцію, на мѣсто крайнихъ членовъ, которые она связываетъ, геометрическія тѣла, въ ихъ тройномъ линейномъ измѣреніи: на мѣсто a —тѣло $d.e.f$, а на мѣсто c —тѣло $g.h.i$. Въ такомъ случаѣ средніе члены могутъ быть выражены не иначе, какъ двумя величинами $d.e.g$ и $f.h.i$, и мы получимъ пропорцію: $d.e.f : d.e.g = f.h.i : g.h.i$. Что эти средніе члены пропорціи дѣйствительно не тождественны, это намъ представится еще нагляднѣе, если геометрическія тѣла, служація крайними членами пропорціи, мы выразимъ въ простѣйшей формѣ кубовъ (какъ сейчасъ къ формѣ квадрата сводилось произведеніе линий) и положимъ, что каждое изъ трехъ измѣреній перваго есть одна и та же линия m , а послѣдняго—линія n . Въ такомъ случаѣ наша послѣдняя пропорція получитъ слѣдующій видъ: $m^3 : m^2 n = m n^2 : n^3$,—гдѣ средніе члены слѣдуетъ принимать за параллелепипеды, очевидно, неодинаковаго объема (ибо равенство ихъ сводилось бы къ равенству m и n). Непрерывная же пропорція изъ всѣхъ четырехъ членовъ сложится такъ: $m^3 : m^2 n = m n^2 : n^3$. И такъ, оказывается, что для установленія непрерывной пропорціальной связи между двумя данными геометрическими тѣлами, выраженными въ линейной мѣрѣ, недостаточно одного, но необходимы по крайней мѣрѣ два посредствующіе члена.—Едва ли нужно прибавлять, что этимъ выводомъ вовсе не исключается возможность геометрической пропорціи какъ между линиями и площадями при разныхъ среднихъ членахъ, такъ, наоборотъ, между тѣлами—при одинаковыхъ среднихъ членахъ. Платонъ вовсе не ставитъ своего вывода общимъ и непреложнымъ закономъ для пропорціи; онъ только пользуется однимъ изъ случаевъ ея образованія, чтобы подтвердить и разъяснить имъ свой взглядъ на устройство міра. Такимъ образомъ и между огнемъ и землею, двумя основными мировыми стихіями, являются, въ видѣ необходимой связи, два посредствующія начала, именно воздухъ и вода. Эти четыре стихіи стоятъ въ такомъ же другъ къ другу отношеніи, какъ четыре члена непрерывной геометрической пропорціи, чѣмъ и поддерживается, по мысли Платона, ихъ единство (Hier. Müller. Platons Werke. 1857. VI, 259—263).

бы, т. е., огонь относился къ воздуху, какъ воздухъ къ водѣ, и воздухъ къ водѣ, какъ вода къ землѣ,—и такимъ образомъ связалъ ихъ и построилъ видимое и осязаемое небо. Вотъ для чего тѣло космоса рождено изъ этихъ, и С. такихъ именно по качеству, и четырехъ по числу, началъ, съ пропорціональною между ними связью, и отсюда-то получило оно свой согласный строй; такъ что, пришедши къ тожеству само съ собою, оно не можетъ быть разрѣшено никѣмъ другимъ, кромѣ того, кто связалъ его.

Составъ космоса принялъ въ себя каждую изъ этихъ четырехъ стихій въ ихъ цѣлости. Составитель составилъ его именно изъ всего огня, воды, воздуха и земли, не оставивъ внѣ его ни одной частицы или силы чего-либо,—въ той мысли, во первыхъ, чтобы цѣлое было животнымъ D. особенно совершеннымъ, по совершенству частей, и, кромѣ 33. того, единымъ, за отсутствіемъ остатковъ, изъ которыхъ могло бы образоваться другое такое же; затѣмъ,—чтобы оно не старѣло и не болѣло, ибо зналъ, что жаръ и холодъ, и все, имѣющее великую силу, когда находится извнѣ и приражается неблагоприятно, разрѣшаетъ тѣла на ихъ составныя части и, приводя болѣзни и старость, заставляетъ ихъ гибнуть. По этой-то причинѣ и на такомъ основаніи создалъ онъ космосъ однимъ цѣлымъ изъ всѣхъ вмѣстѣ цѣлостей,—цѣлымъ совершеннымъ, не старѣющимъ и не болѣющимъ. И образъ также далъ ему приличный и B. сродный. Животному, имѣющему вмѣщать въ себѣ всѣхъ животныхъ, приличенъ именно такой образъ, который бы обнималъ собою всѣ, какіе есть, образы. Потому и его сдѣлалъ шаровиднымъ, закругленнымъ, съ равнымъ повсюду протяженіемъ отъ средоточія къ оконечностямъ,—далъ ему образъ изъ всѣхъ самый совершенный и наиболѣе себѣ подобный, полагая, что подобное въ тысячу разъ прекраснѣе неподобнаго. Съ внѣшней же стороны сдѣлалъ его C. кругомъ, по многимъ причинамъ, совершенно гладкимъ. Вѣдь ему не нужно было ни глазъ, потому что внѣ его

не оставалось ничего видимого, ни органовъ слуха, потому что не было ничего слышимого, не имѣлось вокругъ него и воздуха, который требовалъ бы дыханія. Не нуждался онъ опять ни въ какомъ органѣ, чтобы принимать въ себя пищу, или извергать прежнюю, переварившуюся: вѣдь ничто и не убывало у него и не прибывало къ нему ни откуда, такъ какъ ничего и не было. Онъ сдѣланъ съ такимъ искусствомъ, что собственное его разрушеніе доставляетъ ему пищу и что все онъ претерпѣваетъ и совершаетъ самъ собою и въ самомъ себѣ; ибо Сложившій его находилъ, что ему гораздо лучше быть достаточнымъ самому для себя, чѣмъ имѣть нужду въ чемъ иномъ. Создатель не находилъ также надобности придавать ему напрасно рукъ, которыя не нужны были ни чтобы брать что либо, ни чтобы защищаться,—тоже ногъ и вообще орудій ходьбы. Движеніе же 34. далъ ему такое, какое свойственно его тѣлу, и изъ семи ¹ особенно близкое къ уму и разумности. Потому-то, вращая его по одному и тому же пути, въ томъ же мѣстѣ и въ немъ самомъ, заставилъ его совершать движеніе круговое, а прочія шесть движеній всѣ устранилъ, чтобы онъ не сбивался ими. И такъ какъ для этого круговращенія не требуется вовсе ногъ, то онъ и родилъ его безъ голеней и безъ ногъ.

Весь этотъ помыслъ о имѣющемъ нѣкогда родиться богѣ ² побудилъ вѣчнаго Бога сотворить его тѣло гладкимъ, равномернымъ, отъ средоточія равнымъ, цѣлымъ по составу и изъ тѣлъ совершенныхъ совершеннымъ. И вложивъ въ средину его душу, онъ распространилъ ее чрезъ все цѣлое, и даже съ вѣшной стороны кругомъ прикрылъ ею тѣло; и установилъ одно, единичное, отдѣльное, вращающееся круговымъ движеніемъ небо, способное удовлетво-

¹ О прочихъ шести направленіяхъ движенія говорится ниже, р. 43 В sqq.

² О имѣющемъ нѣкогда явиться богѣ,—*τὸν ποτὲ ἐσόμενον θεόν*: богомъ здѣсь называется одаренная жизнью, сознаниемъ и душою вселенная, которую вѣчный Богъ, какъ мы видѣли выше (р. 30), сотворилъ по своему подобію.

ряться связью съ самимъ собою и не нуждающееся ни въ чемъ другомъ, знающее себя ¹ и достаточно дружественное себѣ. Такъ что, въ силу всѣхъ этихъ свойствъ, онъ родилъ его богомъ блаженнымъ.

А на счетъ души не слѣдуетъ думать, что, какъ мы теперь принимаемъ говорить о ней уже послѣ, такъ и Богъ С. задумалъ ее позднѣе: вѣдь онъ не допустилъ бы, чтобы старшее находилось подъ управленіемъ младшаго, съ которымъ связано. Мы же, подвергаясь во многомъ дѣйствию случая, и говоримъ какъ-то все наудачу. Напротивъ, душу, которая и по происхожденію и по природнымъ силамъ первѣе и старше тѣла, онъ поставилъ надъ нимъ, какъ госпожу и начальницу надъ подначальнымъ, образовавъ ее вотъ изъ чего и вотъ какимъ образомъ. Изъ недѣлимой и ^{35.} всегда себѣ тождественной сущности и изъ сущности дѣлимой, пребывающей въ тѣлахъ, Богъ образовалъ, чрезъ смѣшеніе, третій видъ сущности, средній между обѣими, причастный и природѣ тождественнаго и природѣ инаго ², и, согласно сему, поставилъ его въ срединѣ между тѣмъ, что недѣлимо, и тѣмъ, что, по тѣлесной природѣ, дѣлимо. Потомъ, взявъ эти три начала, онъ смѣшалъ ихъ всѣ въ одинъ видъ, при чемъ природу инаго, не поддающуюся смѣшенію, согласовалъ съ природою тождественнаго насильно ³; В.

¹ Знающее себя, или извѣстное себѣ, — γινώσκων αὐτῷ, — т. е. сознающее самоё себя.

² Мы принимаемъ это мѣсто въ чтеніи Штальбаума, которое имѣетъ за себя авторитетъ и Секста Эмпирика, — съ пропускомъ предлога *περί* и съ переменною *αὐ* на *ὄν*, — именно въ такомъ видѣ: τῆς τε ταύτης φύσεως (αὐ) ὄν (περὶ) καὶ τῆς διατέρου.

³ Душа міра, по мысли Платона, явилась ранѣе міровой матеріи, потому что начало управляющее непремѣнно должно быть старше начала подчиненнаго. Во всякомъ случаѣ и ей тоже приписывается рожденіе, — какъ это видно изъ книги «О законахъ» (X, р. 904 A), гдѣ душа признается хотя и бессмертною по природѣ, но не вѣчною. Далѣе объясняется самая природа міровой души. Въ основаніе ея положены, по словамъ Платона, два начала: одно — постоянное, чуждое всякаго движенія (τῆ ταύτης φύσεως), другое — измѣнчивое (τῆ διατέρου), которое сблизается съ природою тѣлъ. Первое — источникъ идей, какъ неизмѣнныхъ, нормальныхъ образовъ видимаго міра, послѣднее — какъ бы простое отвлеченіе

- смѣшавъ же съ сущностію и изъ трехъ сдѣлавши затѣмъ одно, это цѣлое раздѣлилъ онъ на сколько слѣдовало частей; такъ что каждая состояла изъ смѣси тождественнаго, инаго и сущности. А дѣлить началъ онъ такъ. Во первыхъ, отъ всего отдѣлилъ одну часть, потомъ двойную часть первой, далѣе, въ качествѣ третьей части,—полуторную часть второй и тройную первой, затѣмъ, въ качествѣ четвертой,—
- С. двойную второй, пятой—тройную третьей, шестой—восмерную первой, седьмой—двадцатисемичную первой. Послѣ
36. сего сталъ онъ наполнять двухстепенные и трехстепенные промежутки, отдѣляя части оттуда же и полагая ихъ между тѣми числами; такъ что во всякомъ промежуткѣ являлось два посредствующихъ члена: одинъ тою же частию былъ выше и ниже крайностей; другой равнымъ числомъ превосходилъ одну и уступалъ другой. Такъ какъ отъ этихъ связей въ прежнихъ разстояніяхъ произошли полуторныя, четырехтретныя и девятивосьминныя разстоянія, то всѣ че-
- В. тырехтретныя наполнилъ онъ девятивосьминными промежутками, оставляя частицу отъ каждаго изъ нихъ; остаточная же частица этого разстоянія представляетъ, въ числахъ, отношеніе двухъ сотъ пятидесяти шести къ двумъ стамъ сорока тремъ ¹. Такимъ образомъ смѣсь, отъ которой онъ

присущей явленіямъ способности видоизмѣняться и принимать разнообразныя формы (сравни. р. 37 А sqq. 45 С. sqq). При этихъ двухъ, Платонъ полагаетъ еще третье, среднее начало, которое изъ нихъ обоихъ рождается и служитъ имъ связью. Подъ нимъ разумѣется отвлеченно какъ бы дѣйствительная сущность явленій, которыя состоятъ всегда изъ смѣшенія двухъ крайнихъ началъ. Въ этихъ положеніяхъ Платона замѣчается весьма близкое сродство съ ученіемъ Филолая и другихъ пифагорейцевъ, которые природу міра выводили, въ соответствіе тремъ началамъ Платона, изъ началъ: конечнаго (τοῦ πεπερασμένου), безконечнаго (τοῦ ἀπείρου) и смѣшаннаго (τοῦ συμμετρύμενου). Кроме того, замѣчанъ во всѣхъ сочетаніяхъ конечнаго и безконечнаго присутствіе какого-то мудраго закона, они полагали еще начало причины (τὸ αἴτιον), которому у Платона соответствуетъ понятіе о божественномъ умѣ, какъ творцѣ міровой души, давшемъ ей извѣстное гармоническое устройство (сн. Phileb. р. 25 sqq., 27 В. и введеніе къ этому разговору, т. V, стр. 20—25).

¹ Пифагоръ, какъ извѣстно, первый подмѣтилъ количественное отношеніе между тонами различной высоты. Выходя изъ этого наблюденія, онъ построилъ

отсѣкалъ это, была вся исчерпана. Разсѣкши наконецъ весь этотъ составъ по длинѣ надвое и серединами приладивъ тѣ отсѣки одинъ къ другому, въ видѣ буквы х, Богъ со-

теорію гармоніи, которая высоту тоновъ сводила къ простѣйшимъ математическимъ величинамъ и представляла такую близкую аналогію съ системою чиселъ, что гармонія и число сдѣлались для пифагорейцевъ понятіями почти тождественными. Количественныя отношенія, открытыя въ области звука, пифагорейцы перенесли потомъ и на все мірозданіе, положивъ, что планеты и другія небесныя тѣла, въ своемъ стройномъ движеніи, должны точно также представлять извѣстныя гармоническія сочетанія, которые если не доступны нашему слуху, то постигаются умомъ. Такъ возникло извѣстное ученіе о гармоніи сферъ, которое принималъ, въ главныхъ его основаніяхъ, и Платонъ, и которое еще долго послѣ того поддерживалось философами. Дѣленіе, которому подвергается у него міровая душа, вытекаетъ прямо изъ этого ученія. Оно даетъ, какъ мы видимъ изъ текста, прежде всего такой рядъ чиселъ: 1, 2, 3, 4, 9, 8, 27. Изъ этихъ семи чиселъ пифагорейцы выводили всѣ основныя гармоническія сочетанія. Отношеніе 1 : 2, такъ же какъ слѣдующія за нимъ 2 : 4 и 4 : 8, представляетъ собою интервалъ октавы. Октава, въ отношеніи 2 : 4, распадается, какъ мы видимъ, на два интервала, 2 : 3 и 3 : 4, которые представляютъ собою: первый к в и н т у, а второй кварту. Въ отношеніи 4 : 8 интервалъ 8 : 9 служитъ показателемъ отношенія между квинтой и квартой ($\frac{3}{2} : \frac{4}{3} = \frac{9}{8}$) и составляетъ, какъ сейчасъ увидимъ, о д и н ъ т о н ъ. Отношеніе 9 : 27, или, въ сокращеніи, 1 : 3, состоитъ изъ сложнаго интервала октавы съ квинтой (1 : 2 : 3). Вся система дѣленія (1 : 27) обнимаетъ четыре октавы (1 : 2 : 4 : 8 : 16) и интервалъ 16 : 27, состоящій изъ квинты 16 : 24 (или 2 : 3) и одного тона 24 : 27 (или 8 : 9) и образующій такимъ образомъ с е к с т у.—Подъ двухстепенными (διπλασια) и трехстепенными (τριπλασια) промежутками, о которыхъ говорится далѣе въ текстѣ, разумѣются интервалы двухъ геометрическихъ прогрессій, входящихъ въ приведенный выше семичленъ: потому что если мы возьмемъ числа этого семичлена черезъ одно, то различимъ въ немъ, дѣйствительно, при общемъ первомъ членѣ, двѣ отдѣльныя четырехчленные прогрессіи (тетраχτός): 1, 2, 4, 8 и 1, 3, 9, 27, которыя образуются—первая множителемъ 2, а вторая множителемъ 3. Интервалы этихъ прогрессій и восполняются далѣе гармоническими тонами. Это дѣлается такъ, что между каждыми двумя членами прогрессіи вставляются среднія пропорціональныя величины: а р и ѳ м е т и ч е с к а я и такъ называемая г а р м о н и ч е с к а я. Подъ именемъ средней гармонической разумѣется такая величина, которая образуетъ разность съ двумя другими, большею и меньшею, на пропорціонально одинаковыя ихъ доли (таково будетъ число b по отношенію къ числамъ a и c, если $\frac{a}{b-a} = \frac{c}{c-b}$; такъ что $\frac{b-a}{a} = \frac{c}{b+c}$). Среднія пропорціональныя числа двухъ первыхъ членовъ первой прогрессіи, 1 и 2, будутъ: ариѳметическое— $1\frac{1}{2}$ гармоническое— $1\frac{1}{3}$. Мы видимъ, что октава 1 : 2 дѣлится такимъ образомъ на три интервала 1 : $1\frac{1}{3}$: $1\frac{1}{2}$: 2, или, въ цѣлыхъ числахъ, 6 : 8 : 9 : 12, причемъ 6 : 9 и 8 : 12, сокращаясь въ 2 : 3, составляютъ квинты, а 6 : 8 и 9 : 12, или 3 : 4,—кварты, интервалъ же 8 : 9, какъ разность между квинтами и квартами, образуетъ одинъ тонъ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ, получаютъ

гнулъ и тотъ и другой въ кругъ, причемъ, на сторонѣ противоположной (первому) соприкосновенію, связалъ и самихъ съ собою и другъ съ другомъ; затѣмъ обхватилъ ихъ С. вокругъ равномѣрнымъ и въ томъ же пространствѣ совершающимся движеніемъ, сдѣлавъ одинъ—кругомъ внѣшнимъ, другой—внутреннимъ. Движенію внѣшнему опредѣлилъ онъ выражать природу тожества, а внутреннему—природу инаго. Природу тожества повелъ онъ по сторонѣ направо, а природу инаго—по діагонали налѣво. Но владычество предоставилъ онъ круговращенію тожества и подобія, потому что D. это одно оставилъ неразсѣченнымъ; внутреннее же рассѣкъ онъ шесть разъ, —на семь неравныхъ круговъ,—всѣ—на разстояніяхъ двухстепенной и трехстепенной прогрессій, которыхъ по три въ каждой, и повелѣлъ этимъ кругамъ идти по взаимно противнымъ направленіямъ ¹,—тремъ съ оди-

ся: кварта, тонъ и кварта. Такимъ же образомъ интервалъ первыхъ двухъ членовъ второй прогрессіи, 1 : 3, средними пропорціональными $1\frac{1}{2}$ (гармоническою) и 2 (арифметическою) дѣлится на интервалы 1 : $1\frac{1}{2}$: 2 : 3, или 2 : 3 : 4 : 6, представляющіе, въ послѣдовательномъ порядкѣ, квинту, кварту и квинту. Такъ какъ эти дѣленія интервала 1 : 3 совпадаютъ съ арифметическими дѣленіями интерваловъ 1 : 2 и 2 : 4, то на нихъ распространяются и гармоническія дѣленія этихъ послѣднихъ интерваловъ ($1\frac{1}{3}$ и $2\frac{2}{3}$), т. е. каждая изъ квинтъ интервала 1 : 3 дѣлится также на кварту и одинъ тонъ. Затѣмъ интервалы всѣхъ квартъ остается наполнить интервалами тоновъ; но тѣ и другіе несоизмѣримы, такъ что на каждую кварту приходится не три, а только два полныхъ тона, и образуется остатокъ (Λείμμα), какъ бы усѣченный тонъ. Изъ сравненія интерваловъ кварты 1 : $1\frac{1}{3}$ и двухъ полныхъ тоновъ (1 : $1\frac{1}{2}$) не трудно убѣдиться, что интервалъ этого усѣченного тона составляетъ 246 : 253.

¹ Всѣ гармоническія дѣленія, о которыхъ мы говорили выше, древніе представляли наглядно, отлагая ихъ на прямой линіи, которая въ этомъ случаѣ получала названіе канона или монохорды. Не удивительно поэтому, что Платонъ, примѣняя къ міровой душѣ законы гармоніи, тотчасъ велѣдъ за тѣмъ переносить на нее и эту схему, этотъ внѣшній образъ гармоніи,—прямую линію. Творецъ рассѣкаетъ ее, по словамъ Платона, надвое, въ длину, слагаетъ обѣ образовавшіяся линіи накрестъ, подъ острымъ угломъ, и сгибаетъ ту и другую въ круги, взаимно пересѣкающіеся въ двухъ противоположныхъ точкахъ. Но одному кругу дается первенствующее значеніе: онъ дѣлается внѣшнимъ и оставляется нераздѣльнымъ, постояннымъ, всегда себѣ тожественнымъ,—какъ бы основаніемъ мірозданія, тогда какъ другой, внутренней, выражая собою начало измѣнчивости, подраздѣляется на семь концентрическихъ сферъ (по числу

наковою скоростію¹, а чотыремъ, по отношенію какъ другъ къ другу, такъ и къ тѣмъ тремъ, съ неодинаковою, хотя и соразмѣрною.

Когда весь составъ души образовался по мысли Создателя, тогда построилъ онъ внутри ея все тѣловидное и, сложивъ середину съ серединою, привелъ съ нею въ согласіе. И душа, разлившись повсюду отъ средоточія къ крайнему Е. небу, покрывъ его вокругъ и вращаясь сама въ себѣ², вступила въ божественное начало непрерывной и разумной жизни на все время. И тѣло неба сдѣлалось, конечно, видимо, но сама душа, участница мышленія и гармоніи, (оста- 37. лась) незрима, какъ наилучшее изъ твореній, рожденное наилучшимъ изъ доступныхъ одному мышленію, вѣчныхъ существъ. Будучи смѣшана изъ природы тожества, природы инаго и изъ сущности,—изъ этихъ трехъ частей,—раздѣлена и связана пропорціонально, и вращаясь около себя самой, душа, при соприкосновеніи съ чѣмъ либо, имѣющимъ ту или другую сущность,—разлагающуюся или недѣлимую,—

пяти планетъ, солнца и луны), расположенныхъ въ порядкѣ гармоническихъ интерваловъ, но движущихся неодинаково, т. е. съ различною скоростью и въ разныхъ плоскостяхъ. Первый кругъ есть небесный экваторъ, лежащій въ одной плоскости съ земнымъ; второй надо представлять себѣ не линіею, а скорѣе поясомъ или кольцомъ, охватывающимъ орбиты нѣсколькихъ плоскостей: это такъ называемый зодіакъ. Если же удержимъ за нимъ понятіе линіи, то можемъ приравнять его къ эклиптикѣ, пересекающей экваторъ точно также подъ острымъ угломъ. Первый кругъ получаетъ движеніе, какъ сказано въ текстѣ, вправо по сторонѣ, второй—влѣво по діагонали. Подъ діагональю надо здѣсь разумѣть діаметръ эклиптики, соединяющій точки пересѣченія ея съ равноденственными кругами; подъ стороною—діаметръ того или другаго равноденственнаго круга, какъ сторону построеннаго на этой діагонали прямоугольника, которая будетъ лежать, очевидно, по одному направленію съ кругомъ экватора. Движеніе вправо придается внѣшнему, а не внутреннему кругу, конечно потому, что онъ представляетъ собою начало высшее. При этомъ правую стороною признается правая по отношенію къ Творцу, котораго Платонъ помѣщаетъ образно (ср. Де гер. р. 617) внѣ создаемаго міра.

¹ Древніе приписывали одинаковую скорость обращенія солнцу и планетамъ Меркурію и Венерѣ.

² Душѣ приписывается вращеніе въ самой себѣ—въ смыслѣ существованія абсолютнаго, не зависящаго ни отъ какихъ внѣшнихъ причинъ.

- В. дѣйствиємъ всей своей природы открываетъ ¹, чему что тожественно и отъ чего что отлично, къ чему особенно, гдѣ, какъ и когда можетъ что относиться, дѣятельно или страдательно, каждое къ каждому, все равно принадлежитъ оно къ природѣ раждающагося, или пребывающаго всегда тожественнымъ. И когда это мышленіе, одинаково истинное въ приложеніи и къ тожественному и къ различному, возносясь беззвучно и безшумно въ самодвижущемся (кругу), обращается къ чувственному, а кругооборотъ инаго, въ своемъ правильномъ теченіи, возвѣщаетъ о томъ всей души.
- С. шѣ,—тогда являются прочныя и вѣрныя мнѣнія и предположенія; а когда обращается оно къ умственному, и даетъ знать о томъ дѣйствующій исправно кругооборотъ тожественнаго,—необходимо получается разумѣніе и знаніе. На счетъ существа, въ которомъ возникаютъ и то и другое явленіе,—кто призналъ бы его чѣмъ инымъ кромѣ души, сказалъ бы скорѣе все, чѣмъ правду.

- Когда въ полной движенія и жизни вселенной родившій
- Д. ее Отецъ призналъ образъ безсмертныхъ боговъ, онъ возрадовался и, въ добромъ своемъ расположеніи, придумалъ сдѣлать ее еще болѣе похожею на образецъ. Такъ какъ самый образецъ есть существо вѣчное, то и эту вселенную вознамѣрился онъ сдѣлать по возможности такую же. Но природа-то этого существа дѣйствительно вѣчная; а это свойство сообщить вполне существу рожденному было невозможно; такъ онъ придумалъ сотворить нѣкоторый подвижный образъ вѣчности, и вотъ, устроая заодно небо, создать пребывающей въ одномъ вѣчности вѣчный, восходящій

¹ Дѣйствиємъ всей своей природы открываетъ;—такъ мы переводимъ выраженіе: λέγει κινουμένη διὰ πάσης ἑαυτῆς (точнѣе: «двигаюсь всѣмъ своимъ существомъ, говорить»). Выраженія κινεῖν, κίνησις, στρέφειν, περιφορά, ἀνακροῦσθαι и другія слова, выражающія движеніе, когда прилагаются къ душѣ, очень часто означаютъ у Платона собственно внутреннюю ея дѣятельность. Что касается глагола λέγει, то значеніе его въ настоящемъ случаѣ лучше всего опредѣляется собственными словами Платона въ «Софистѣ» (р. 263 E): διάνοια ὁ ἐντὸς τῆς ψυχῆς πρὸς ἑαυτὴν διάλογος ἀνεφώνητος γινόμενος (мысль есть внутренній, безгласный разговоръ души съ собою).

въ числѣ образъ,—то, что назвали мы временемъ. Вѣдь и дни и ночи, и мѣсяцы и годы, которыхъ до появленія неба Е. не было,—тогда, вмѣстѣ съ установленіемъ неба, подготовилъ онъ и ихъ рожденіе. Все это части времени, а что мы называемъ *было* и *будетъ*,—только рожденные его виды, которые мы, безъ сознанія, неправильно переносимъ на вѣчную сущность. Мы вѣдь говоримъ: она *была*, *есть* и *будетъ*; 38. но по истинѣ идетъ къ ней только *есть*; а *было* и *будетъ* прилично прилагаются собственно къ рожденію, идущему во времени, такъ какъ это—движенія; всегда неподвижно тожественному не свойственно являться во времени ни старѣе ни моложе, ни быть происшедшимъ нѣкогда, ни произойти теперь, ни получить происхожденіе въ будущемъ,—не свойственно вообще то, чтò рожденіе придало предметамъ, движущимся въ области чувства; это все виды(лишь) подражающаго вѣчности и вращающагося по законамъ числа времени. Да кромѣ того и такія выраженія, какъ явив- В. шееся есть явившееся, происходящее есть происходящее, имѣющее быть есть имѣющее быть, не сущее есть не сущее,—все это говорится далеко не точно. Но входить относительно ихъ въ подробныя объясненія теперь было бы, пожалуй, неблагоприятно.

И такъ, время произошло съ небомъ, чтобы, вмѣстѣ родившись, вмѣстѣ имъ и разрушиться, если ужъ наступить когда ихъ разрушеніе,—и произошло по образцу природы вѣчной, такъ чтобы уподобиться ему сколько возможно болѣе. Вѣдь образецъ-то—это существующее во всю вѣчность; а его образъ—это непрестанно, въ предѣлахъ всего времени, бывшее, сущее и имѣющее быть. Въ силу этой-то мысли С и такого намѣренія Божія на счетъ рожденія времени, чтобы дать ему начало, явились солнце, луна и пять прочихъ свѣтилъ, носящихъ имя планетъ ¹, которыя опредѣ-

¹ Пять планетъ, извѣстныя во времена Платона, были: Венера (ἑωςφόρος), Меркурій (στίβων), Марсъ (πυρόεις), Юпитеръ (φαίδων) и Сатурнъ (φαίνων).

ляютъ и блюдутъ числа времени. Сотворивъ тѣло каждаго изъ нихъ, Богъ назначилъ имъ орбиты на пути, по которому направлялось кругообращеніе инаго, семи свѣтиламъ—

Д. семь и орбитъ: лунѣ—ближайшую около земли, солнцу—вторую надъ землею; утренней звѣздѣ и той, что посвящается Гермесу,—орбиты, дающія круговой оборотъ, одинаковый съ солнцемъ по скорости, но одаренный враждебной ему силой; оттого солнце, звѣзда Гермеса и денница взаимно обгоняютъ и обгоняются другъ другомъ ¹. Но если бы сталъ кто изслѣдывать, гдѣ и по какимъ причинамъ водружены прочія звѣзды, это изысканіе, постороннее для дѣла, представило бы (теперь) больше трудностей, чѣмъ

Е. можетъ дать результатовъ. Раскрыть этотъ предметъ достойнымъ образомъ намъ, можетъ быть, удастся на досугѣ впоследствии. И такъ, когда всѣ свѣтила, тѣ, что нужны были для образованія времени, вступили каждое на приличный путь, и связанные одушевленными узами тѣла явились живыми существами и поняли, что было имъ предписано, тогда, по направленію косвеннаго пути ² инаго, пересѣкающаго

39. путь тожественнаго, которому онъ подчиненъ, стали они описывать—одно кругъ большій, другое меньшій, причемъ дѣлавшее меньшій кругъ обращалось скорѣе, а большій—медленнѣе. Но, вслѣдствіе движенія тожественнаго, казалось, что тѣла, обращающіяся весьма быстро и опережающія болѣе медленныя, сами какъ будто ими опережаются; ибо, направляя всѣ круги ихъ спиралью, такимъ дважды обрат-

¹ Планеты Венера и Меркурій являются на небѣ, какъ извѣстно, хотя и вблизи солнца, но иногда съ западной, иногда съ восточной его стороны и восходятъ то прежде, то послѣ него, почему Венера есть вмѣстѣ и утренняя и вечерняя звѣзда. Это зависитъ, по представленію Платона, отъ того, что обѣ планеты, при одинаковой съ солнцемъ орбитѣ и той же скорости движенія, одарены «враждебной ему силой» (ἐναντίαν εἰληχότες αὐτῷ δυνάμει), которая заставляетъ ихъ держаться отъ него въ отдаленіи, такъ что онѣ принуждены то обгонять его, то отставать отъ него на пути.

² Разумѣется путь, совершаемый небесными тѣлами въ площади эклиптики (или зодиака), на которомъ они пересѣкаютъ экваторъ подъ острымъ угломъ (въ косвенномъ направленіи).

нымъ ихъ движеніемъ, оно (движеніе тожественнаго) производило то, что тѣло, удаляющееся всего медленнѣе отъ него, движенія самаго быстрого, представлялось наиболѣе в. къ нему близкимъ ¹. А чтобы была какая нибудь очевидная мѣра относительной медленности и скорости, съ которою текутъ они по восьми путямъ, Богъ на второй отъ земли орбитѣ возжегъ свѣтъ, который теперь получилъ у насъ имя солнца; дабы онъ по возможности озарялъ все небо, и животныя, которымъ это свойственно, дѣлались причастны числу, узнавая его изъ круговращенія тожественнаго и подобнаго. Такъ-то и оттого явились ночь и день,—оборотъ одного разумнѣйшаго вращенія; такъ произошелъ мѣсяць,—когда луна, совершая свой кругъ, настигнетъ солнце, и годъ,—когда свой кругъ сдѣлаетъ солнце. Оборотовъ же другихъ свѣтилъ (звѣздъ), за исключеніемъ немногихъ между многими, люди не уразумѣли; они и не называютъ ихъ, и не опредѣляютъ числами, съ помощію

¹ Планеты направляются, по видимому, то впередъ, отъ запада къ востоку, въ прямомъ порядкѣ знаковъ зодіака, то назадъ, отъ востока къ западу, въ обратномъ порядкѣ знаковъ. Переходя попеременно изъ одного направленія въ другое, онѣ движутся, по отношенію къ неподвижнымъ звѣздамъ, какъ будто спиралью. Это видимое движеніе планетъ вытекаетъ изъ сочетанія движеній начала тожества и начала различія, которыя обращаются, какъ уже сказано, въ противоположныхъ направленіяхъ и во взаимно наклонныхъ плоскостяхъ. Отсюда же объясняется то явленіе, что наиболѣе быстрыя изъ планетъ, настигая на своемъ пути болѣе медленныя, не смотря на то какъ будто отстаютъ отъ нихъ. Такъ, напр., мѣсяць, совершающій свой полный оборотъ въ теченіи всего двадцати восьми дней, естественно, очень часто обгоняетъ Сатурна, для оборота котораго, по Теону смирскому, требуется тридцать лѣтъ; но, силою суточного движенія неба, которое увлекаетъ планеты по противоположному ихъ пути направленію, Сатурнъ отодвигается съ каждымъ днемъ къ западу на разстояніе почти незамѣтное, мѣсяць же—почти на 13 градусовъ, такъ что онъ отстаетъ все болѣе и болѣе отъ Сатурна на томъ пути, которымъ идутъ планеты къ своему закату. Платонъ опредѣляетъ это такъ, что планеты наиболѣе медленныя и потому наиболѣе отдаляющіяся отъ самаго быстрого изъ оборотовъ, оборота тожества, виѣсть съ тѣмъ оказываются и наиболѣе близкими къ нему по скорости движенія: и въ самомъ дѣлѣ, Сатурнъ, являющійся намъ ночь за ночью почти въ тѣхъ же знакахъ зодіака и такимъ образомъ медленнѣе всѣхъ отступающій отъ суточного движенія неба, по этому самому быстрѣе всѣхъ другихъ планетъ слѣдуетъ за этимъ быстрѣйшимъ изъ оборотовъ.

наблюдений, взаимнаго ихъ отношенія, такъ что, просто сказать, имъ неизвѣстно, чтобъ блужданіе этихъ несчетныхъ по множеству и дивныхъ по разнообразію звѣздъ означало время. Тѣмъ не менѣе впрочемъ можно понять, что полное-то число времени завершитъ полный годъ тогда, когда взаимно восполнившіяся скорости всѣхъ восьми оборотовъ, находя себѣ мѣру въ оборотѣ движенія тождественнаго и подобнаго, придутъ вмѣстѣ къ своему началу ¹. Такъ вотъ какъ и для чего рождены тѣ звѣзды, которыя, протекая по небу, совершаютъ тамъ свои повороты: цѣль та, чтобы эта вселенная, по подражанію природѣ вѣчной, е. наиболѣе уподобилась тому совершенному мысленному существу ².

И все прочее, до рожденія времени, было уже сдѣлано по подобію того, чему служило образомъ; но космосъ еще не обнималъ всѣхъ бывшихъ внутри его животныхъ, и въ этомъ отношеніи былъ еще не похожъ на свой образецъ. Такъ Богъ, образуя его природу по природѣ образца, исполнилъ и этотъ въ немъ недостатокъ. И вотъ, какъ его разумъ усмотрѣлъ, что животному самому въ себѣ присуще столько-то и такихъ-то видовъ, онъ положилъ, что столько же такихъ же видовъ должно содержать и образу. А видовъ было четыре: одинъ—небесный родъ боговъ, другой—родъ

¹ Полный кругооборотъ начала тождественнаго въ экваторѣ выражается сутками, которыя служатъ намъ единицею для измѣренія кругооборотовъ всѣхъ небесныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ началу тождества мы обязаны понятіями о времени и числѣ. Какъ каждое небесное тѣло имѣетъ свой годъ (*ἐνιαυτός*, sc. *κύκλος*), соотвѣтствующій его кругообороту, такъ имѣетъ свой годъ и вселенная, взятая гѣ цѣломъ своемъ составѣ. Онъ совершается тогда, когда всѣ планеты, исполнивъ одновременно свои кругообороты, станутъ опять въ прежнее положеніе по отношенію другъ къ другу, т. е. въ тѣ самые знаки зодіака, изъ которыхъ онѣ вышли первоначально. Въ этотъ періодъ времени возстановляются также тѣ незначительныя уклоненія, которыя замѣчаются въ строѣ неподвижныхъ звѣздъ. Объемъ такого міроваго года Платонъ здѣсь не опредѣляетъ, но можно думать (ср. *Phaedr.* p. 248 E), что онъ ограничивалъ его, вмѣстѣ съ пиеагорейцами, символическимъ числомъ 10,000 лѣтъ.

² Т. е., тому идеальному міру, по образцу котораго Богъ создалъ видимый міръ.

пернатый и летающій въ воздухѣ, третій—видъ водяной, четвертый—пѣшій и живущій на землѣ. Родъ божественнаго почти весь образовалъ онъ изъ огня, чтобы это было нѣчто самое свѣтлое на видъ и самое прекрасное; уподобляя вселенной, онъ сотворилъ его совершенно круглымъ, вложилъ въ него разумнѣе наилучшаго и стремленіе къ нему и назначилъ ему въ удѣлъ кругомъ все небо, такъ чтобы, *украшенное* по всему пространству этимъ родомъ, оно представляло собою истинный *космосъ*. Движеніе же сообщилъ каждому (тѣлу) двоякое: одно—въ томъ же мѣстѣ и по тому же направленію, свойственное тому, что мыслить въ себѣ всегда то же о томъ же самомъ; другое— поступательное, въ зависимости отъ оборота тождественнаго и подобнаго. Въ отношеніи же пяти движеній ¹ сдѣлалъ тѣла непоколебимыми и устойчивыми, чтобы каждое изъ нихъ вышло по возможности лучшимъ. Въ силу этой-то причины явились не блуждающія изъ звѣздъ,—существа божественныя и вѣчныя, которыя, вращаясь одинаково, всегда пребываютъ въ томъ же мѣстѣ. Тѣ же, что блуждаютъ такимъ образомъ въ своемъ круговращеніи, возникли такъ, какъ сказано было прежде. Землю, нашу кормилицу, утвержденную на протянутой чрезъ вселенную оси ², поставилъ онъ стражемъ и творцомъ ночи и дня, первымъ и старѣйшимъ С. въ средѣ боговъ, сколько ихъ ни создано внутри неба. Но

¹ О которыхъ говорится ниже—р. 43.

² Утвержденную—на оси, —γῆν δὲ—εἰλλομένην περὶ τὸν διὰ ταυτὸς πόλου τεταμένην. Изъ этого выраженія видно, что Платонъ помѣщаетъ землю въ средоточіи міра; но еще въ древности было вопросомъ понимать ли причастіе εἰλλομένη (иначе: εἰλλομένη, - ἰλλο- ἰλλο εἰλλομένη) въ томъ смыслѣ, что земля вращается самостоятельно около оси, или въ томъ, что она утверждена (какъ бы прижата, σφγγομένη) на міровой оси неподвижно (Arist. De coelo II, 13; Diog. L. III, 75; Cicero Acad. IV, 39). Кажется, вѣрнѣе будетъ принять послѣднее толкованіе, потому что Платонъ нигдѣ, въ самыхъ близкихъ по содержанію мѣстахъ другихъ діалоговъ (ср. Phaedon. p. 109 A; Legg. X, p. 893 A, C), не упоминаетъ о вращеніи земли около оси, да и допускать это предположеніе ему не было никакой надобности, какъ скоро всѣ суточные и годовыя перемѣны объясняются у него вполне изъ одного движенія небесныхъ тѣлъ.

говорить о хороводахъ этихъ самыхъ боговъ и взаимныхъ ихъ сочетаніяхъ, о обратномъ вступленіи ихъ въ свой круговой путь и выступленіи, о томъ, которые изъ боговъ, при своихъ встрѣчахъ, сближаются, и которые отходятъ въ противныя стороны ¹, какіе какими взаимно заслоняются и порознь скрываются отъ насъ по временамъ, а тамъ снова появляются, внушая страхъ, и тѣмъ, кто умѣетъ рассчитывать, посылая знаменія грядущихъ за тѣмъ событіи,—

Д. говорить обо всемъ этомъ, не имѣя передъ глазами воспроизводящихъ эти явленія изображеній ²,—былъ бы напрасный трудъ. Довольно съ насъ и этого,—и сказанному такимъ образомъ о природѣ видимыхъ и рожденныхъ боговъ пусть тутъ будетъ конецъ.

Говорить затѣмъ о прочихъ геніяхъ и вывѣдывать ихъ происхожденіе,—это выше нашихъ силъ; тутъ надобно вѣрить прежнимъ сказателямъ, которые сами, по ихъ словамъ, произошли отъ боговъ и предковъ-то своихъ, вѣроятно, близко знали. Такъ что невозможно не вѣрить дѣтямъ боговъ³: и хотя ихъ рассказы не опираются на правдоподобныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, но какъ они повѣствуютъ, по словамъ ихъ, о своемъ,—то, слѣдуя закону, надо

¹ Которые сближаются, и которые отходятъ въ противныя стороны,—ὁποῖοι κατ' ἀλλήλους γιγνομένοι καὶ δεοὶ κατὰ τε ἄλληλα. Разумѣются такія положенія свѣтилъ, что они или заслоняютъ для насъ одно другое, или занимаютъ противоположныя по сторонамъ земли точки. То и другое положеніе (последнее не во всѣхъ случаяхъ) сопровождается затмѣніемъ свѣтилъ.

² Платонъ намекаетъ, очевидно, на модели, которыми пользовались его современники, чтобы представить себѣ наглядно движеніе небесныхъ тѣлъ. Особенно искусныя приспособленія для этой цѣли устроилъ впоследствии Архимедъ (Cicero. Tuscul. I, 25, 63). Но первыя попытки изобразить наглядно движеніе небесныхъ тѣлъ приписываются милетцу Фалесу, жившему еще за 600 лѣтъ до Р. Х. Что касается временъ Платона, то изъ Цицерона мы знаемъ, что подобныя модели устраивалъ даже ближайшій другъ и ученикъ нашего философа, съ которымъ онъ посѣтилъ Египетъ,—пифагореецъ Евдоксъ, изъ Книды.

³ Ср. Phileb. p. 16 D; De rep. III, p. 388 B; p. 391 A.—Cicero. Tusc. I, 12: «Antiquitas, quo propius aberat ab ortu et progenie divina, hoc melius forsitan ea, quae erant vera, cernebat».

имъ вѣрить. Посему о рожденіи этихъ боговъ пусть полагаются и говорится у насъ такъ, какъ они передали. Дѣти Геи (земли) и Урана (неба) были Океанъ и Теѣиса; а дѣти этихъ—Форкисъ, Кроносъ (время), Рея и другіе за ними; а отъ Кроноса и Реи произошли Зевсъ, Ира и всѣ, которыхъ мы знаемъ подъ названіемъ ихъ братьевъ, и отъ 41. рыхъ произошли еще иные.

И вотъ, какъ скоро получили бытіе всѣ боги,—тѣ, что открыто обтекаютъ небо, и тѣ, что являются, когда хотятъ, по произволу,—Родившій эту вселенную вѣщаетъ имъ: Вы, боги, божіе племя ¹! созданія, имѣющія во мнѣ своего зиждителя и отца, которыя, какъ мое рожденіе, пребываете неразрѣшима, по моему именно желанію! Все, что связано, конечно, можетъ быть и разрѣшено; но желать разрѣшить то, что прекрасно сложено и само въ себѣ хорошо,—дѣло не доброе. Поэтому, хотя вы не безсмертны и не совсѣмъ В. неразрѣшима, такъ какъ произошли: однакожъ все-таки не разрѣшитесь и не подпадете жребію смерти, потому что связаны моею волею,—и эта связь еще сильнѣе и владычественнѣе тѣхъ, которыми вы скрѣплены при рожденіи. Узнайте же, что я теперь скажу и объявлю вамъ. Три еще смертныхъ рода остаются не рожденными; и пока они не произойдутъ, небо не будетъ совершенно, потому что не будетъ содержать въ себѣ всѣхъ родовъ животныхъ; между тѣмъ оно должно, если слѣдуетъ ему быть вполне совершеннымъ. Но если бы они произошли и получили жизнь отъ меня,—имъ пришлось бы сравняться съ богами. По-

¹ Вы, боги, божіе племя!—θεοὶ θεῶν.—Буквально можно бы перевести «боги отъ боговъ» или, пожалуй, «божьи боги», но не «боги боговъ», какъ казалось бы на первый взглядъ, потому что это θεοὶ θεῶν надо принимать въ смыслъ именно θεοὶ θεῶν καὶ θεῶν, какъ перевелъ и Цицеронъ: *dii, qui deorum satu orti sunt.*—Вся слѣдующая за сими τῶν δημιουργῶν δημιουργία вызвала въ разное время много различныхъ толкованій. Ее разбирали также и некоторые изъ церковныхъ писателей и отцевъ церкви (см. Euseb. Praep. Evang. XIII, p. 18; Athenag. Leg. pro Christ. p. 9; Clem. Alex. Strom. V, p. 225; Cyrill. C. Julian. II, p. 56, 58).

этому, чтобы были они смертны, а эта вселенная была дѣйствительно *все*,—къ созданію животныхъ, согласно своей природѣ, обратитесь вы, подражая моему могуществу, явленному при вашемъ рожденіи. А то, что должно въ нихъ быть соименнаго безсмертнымъ,—что называется божественнымъ и владычествуетъ именно въ людяхъ всегда расположенныхъ повиноваться правдѣ и вамъ,—то, посѣявъ и зачавъ, передамъ вамъ я; остальное же довершите вы, при-
 D. вивая смертное къ безсмертному, и произведите животныхъ; доставляя имъ пищу, возвращайте ихъ, а тѣхъ, которыя истощатся, принимайте обратно.

Сказалъ это, и въ прежнюю чашу, въ которой замѣшана и составлена была душа вселенной, вливъ опять остатки отъ прежняго, смѣшалъ ихъ почти такимъ же образомъ; но это не была уже болѣе чистая, какъ тогда, смѣсь, а вторая и третья по достоинству. Составивъ все, отдѣлилъ онъ равное звѣздамъ число душъ, каждой назначилъ по одной и, посадивъ какъ бы на колесницу, открылъ ихъ разумѣнію природу вселенной, причемъ изрекъ (слѣдующіе) роковые законы: что первое рожденіе будетъ установлено одно для всѣхъ, чтобы никоторая не была имъ уничтожена ¹;—надо, чтобы, распредѣлившись по органамъ времени, какой каждой соотвѣтствуетъ, онѣ произвели богопочтительнѣйшее
 42. изъ животныхъ;—а такъ какъ природа человѣка двоякая, то высшимъ долженъ быть тотъ родъ, который впоследствии получить имя мужчины;—какъ скоро (души), по необходимости ², поселены будутъ въ тѣла, а въ тѣлѣ ихъ должно одно прибывать, другое убывать, то, во первыхъ,

¹ Подъ первымъ рожденіемъ (*γένεσις πρώτη*) разумѣется, конечно, тотъ актъ соединенія душъ со звѣздами, о которомъ только что было сказано.

² Необходимость дать тѣламъ душу раскрыта выше—р. 30 D: тамъ назначеніе души поставляется именно въ томъ, чтобы тѣла, чрезъ ея посредство, приобщались разума. Изъ природы тѣла далѣе выводится чувство, о которомъ см. также Phileb. р. 32 С. sqq. и ниже р. 43 С, D, Е и р. 64 А sqq.

всѣмъ имъ понадобится имѣть одно чувство, родившееся изъ неотвратимыхъ впечатлѣній; во вторыхъ, смѣшанную изъ удовольствія и скорби любовь; кромѣ того, страхъ и гнѣвъ, и все, что къ нимъ относится или что по существу имъ противоположно;—и тѣ, что одержать верхъ надъ этими чувствованіями, будутъ вести жизнь праведную, а покорившіеся имъ—жизнь неправедную;—и кто проживетъ положенное ему время хорошо, тотъ отправится опять для жительства на содружественную ему звѣзду и тамъ будетъ проводить блаженную и обычную свою жизнь ¹; а не устоявшій въ этомъ отношеніи, при второмъ рожденіи, перейдетъ въ природу женщины;—если же и тутъ еще не удержится отъ зла, то, по подобію того испорченнаго нрава, который онъ создалъ себѣ порочною жизнью, будетъ онъ всегда превращаться въ какую нибудь подходящую по свойствамъ животную природу;—и, превращаясь, не прежде избавится онъ отъ своей бѣды, какъ если, уступивъ присущему въ немъ круговороту тожественнаго и подобнаго ², побѣдить разумомъ тяжкую смуту, беспорядочную и бессмысленную, что приразилась ему вполсѣдствіи отъ огня, воды, воздуха и земли, и достигнетъ того первоначальнаго, **Д.** наилучшаго состоянія ³.—Узаконивъ для нихъ все это, чтобы не нести на себѣ вины, если потомъ въ которой либо возникнетъ зло, Богъ посѣялъ души—которыя по землѣ, которыя по лунѣ, которыя по другимъ органамъ времени. Послѣ этого посѣва, предоставилъ онъ младшимъ богамъ образовать какъ смертныя тѣла, такъ и остальное, что еще нужно было человѣческой душѣ, а когда и это, и все за **Е.** тѣмъ слѣдующее создадутъ, управлять и, по возможности, прекрасно и наилучшимъ образомъ руководить этимъ смерт-

¹ Ср. Phaedr. p. 248; Phaedon. p. 107 В sqq.; Legg. X, p. 904, 614; De rep. X, p. 620; Politic. p. 270.

² Т. е., внушеніямъ разума.

³ Ср. рассказъ памфиліида Ира, De rep. X, p. 614 В—621 В.

НЫМЪ ЖИВОТНЫМЪ, ПОСКОЛЬКУ САМО ОНО НЕ БУДЕТЬ ВИНОВНИКОМЪ СВОИХЪ ЗОЛЪ.

Но самъ онъ, устроивъ все это, пребылъ въ обычномъ ему состояніи. И между тѣмъ какъ онъ пребывалъ, дѣти, уразумѣвъ предначертанный Отцемъ порядокъ, послѣдовали ему и, принявъ безсмертное начало смертнаго животнаго, по подражанію своему Зиждителю, заимствовали отъ космоса, подъ условіемъ возвратить опять ², частицы огня, земли, воды и воздуха, и взявъ, склеили ихъ вмѣстѣ,—но

43. сплотили не тѣми неразрѣшимыми узами, какими держались сами, а частыми, невидимыми по малости скрѣпленіями: изъ всѣхъ этихъ стихій, образовавъ, какъ нѣчто единое, каждое тѣло, они этому тѣлу, подверженному приливу и отливу, сообщили обороты безсмертной души ³. Эти же (обороты), будучи привязаны къ могучему потоку ³, не могли ни одолѣть его, ни подчиниться его власти, но на-

В. сильственно то увлекались имъ, то увлекали за собою; такъ что въ цѣломъ животное хотя и пришло въ движеніе, но подвигалось куда случится, беспорядочно и неразумно, совершая всего шесть движеній: оно двигалось, именно, впередъ и назадъ, затѣмъ направо и налево и, наконецъ, вверхъ и внизъ, блуждая всюду по этимъ шести направленіямъ. Какъ ни великъ былъ приливъ и отливъ волны, доставлявшей пищу; но еще большее возмущеніе производили въ

С. каждомъ животномъ приражавшіяся извнѣ впечатлѣнія, когда чье либо тѣло случайно попадало на чуждый внѣ его огонь, или на твердое вещество земли и на влажное стремленіе водъ, или схватываемо было бурнымъ дыханіемъ носимыхъ воздухомъ вѣтровъ, причемъ движенія, произво-

¹ Возвратить опять,—т. е., со смертію тѣла, когда оно разложится снова на свои составныя части.

² Т. е., обороты началъ тожества и различія.

³ Т. е., къ потоку тѣхъ непрерывныхъ перемѣнъ и колебаній, которымъ подвержена природа тѣлъ.—Ср. Phaedr. p. 248 A sqq., также Phaedon. p. 66 A sqq.

димыя всёмъ этимъ въ тѣлѣ, приражались черезъ него душѣ. Потому-то эти всё движенія были потомъ названы, и теперь еще называются чувствами ¹. Производя такимъ образомъ и въ то время величайшее и сильнѣйшее движение и, въ союзѣ съ тѣмъ непрерывно льющимся потокомъ, волнуя и D. сильно потрясая обороты души, они (чувства), противнымъ направлениемъ своего теченія, рѣшительно препятствовали обращенію тождественнаго и мѣшали его господству и движению впередъ, оборотъ же отличнаго возмущали такъ, что промежутки двухстепеннаго и трехстепеннаго многочленовъ, по три въ каждомъ ², равно трехполовинныя, четырехтретныя и девятивосьминныя посредства и связи,—ужь такъ какъ совершенно разрѣшиться, помимо причины связавшей, они не могли,—подверглись всевозможнымъ извращеніямъ и E. тѣмъ произвели всяческія, какія были только возможны, переломы и отклоненія въ круговыхъ путяхъ ³. Посему, едва держась взаимною связью, (все это) хотя и двигалось, но двигалось беспорядочно, по пути то противоположному, то косвенному, то превратному. Все равно какъ если бы кто, перевернувшись, поставилъ голову на землѣ, а ноги поднялъ кверху, и уперся ими во что нибудь: тогда и находящемуся въ такомъ состояніи и зрителямъ, каждому представляется правое для того и другаго лѣвымъ, а лѣвое правымъ. Испытывая въ сильной степени это самое и другое этому подобное, круговращенія, когда встрѣчаются съ чѣмъ нибудь внѣшнимъ изъ рода тождественнаго или отличнаго, означа- 44.

¹ Проклъ, въ своихъ комментаріяхъ, находитъ знаменательнымъ, что самое слово αἰσθησις (чувство, ощущеніе) образовано изъ четырехъ слоговъ (αἰ-σθη-σις), и производитъ его отъ словъ αἰσταν (приводить въ движение) и θέσις (поставленіе).

² Промежутки прогрессій: 1, 2, 4, 8 и 1, 3, 9, 27, о которыхъ говорилось выше—р. 35 В sqq.

³ Философъ выражаетъ мысль, что естественныя переибы, которымъ непрерывно подвергается тѣло, и воспринимаемыя чрезъ тѣло впечатлѣнія возмущаютъ гармонию души и вносятъ расстройство въ дѣятельность какъ разумной такъ и чувственной природы ея существа.

- ють тожественное чему либо и отличное отъ чего либо противными истинѣ именами и оказываются лживыми и бессмысленными, и тогда нѣтъ въ нихъ оборота господствующаго и руководящаго. Если (при этомъ) какія нибудь ощущенія, приносясь и приражаясь извнѣ, увлекутъ, во всемъ ея объемѣ, и душу, они хотя и состоятъ въ подчиненіи, получаютъ тогда видъ господствующихъ; и душа, это первое время, когда она находится въ узахъ смертнаго тѣла, въ силу всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, бываетъ вначалѣ неразумною ¹. Но когда притокъ роста и пищи ослабѣетъ, а обороты, пользуясь этимъ затишьемъ, пойдутъ собственнымъ путемъ и приобрѣтутъ, съ теченіемъ времени, больше твердости, тогда круговращенія, совершаясь уже по фигурѣ круговъ, идущихъ каждый согласно съ своей природой, и вѣрно распознавая тожественное и отличное, того, кто имѣетъ ихъ, дѣлаютъ разумнымъ. И если это подкрѣпится еще
- С. правильною пищею образованія, то такой человекъ, избѣжавъ величайшей болѣзни, дѣлается вполне благополучнымъ и здоровымъ; а кто, напротивъ, пренебрежетъ имъ, тотъ пройдетъ хромая свой жизненный путь и отправляется опять въ преисподнюю несовершеннымъ и безуспѣшнымъ. Но это бываетъ уже послѣ. Мы должны рассмотреть точнѣе то, что теперь намъ представляется: какъ образовались тѣла, въ ихъ составныхъ частяхъ, а душа, по какой побудительной причинѣ и изъ какихъ видовъ божественнаго промысла она возникла, если судить о томъ, придерживаясь наиболѣе
- Д. вѣроятнаго,—вотъ что, слѣдуя этому условію, надлежитъ намъ прежде изслѣдовать.

Подражая круглой формѣ вселенной, оба божественные оборота привязали они (боги) къ шаровидному тѣлу, тому, что называемъ мы теперь головою,—части наиболѣе боже-

¹ Т. е., душа возмущается до того, что теряетъ способность распознавать начала постоянства и случайности во внѣшнихъ явленіяхъ и отношеніе ея къ явленіямъ нисходитъ на степень непосредственнаго чувства.

ственной, которая господствует у насъ надо всёмъ прочимъ. Собравъ для него служебные органы ¹, этому тѣлу поручили боги и весь тѣлесный составъ, въ той мысли, чтобы оно принимало участіе во всёхъ, какія могутъ быть, движеніяхъ. И чтобы, катаясь по землѣ, имѣющей разнаго рода выпуклости и впадины, не затруднялось оно переходить Е. чрезъ однѣ и выходить изъ другихъ,—дали ему этотъ переносный снарядъ ² и удобоподвижность. Оттого тѣло получило протяженность и, по мысли божества, предначертаннаго для него орудія движенія, произрастило четыре прямыхъ и гибкихъ члена; придерживаясь ими и опираясь на нихъ, оно получило способность ходить повсюду, причемъ обитель божественнѣйшаго и священнѣйшаго носить на себѣ вверху. Вотъ какъ и для чего приращены всёмъ ⁴⁵ голени и руки. Но, переднюю сторону признавая болѣе достойной и болѣе способной къ первенству, противъ задней, боги въ этомъ направленіи дали намъ болѣшую подвижность. И надо было, чтобы передняя сторона отдѣлялась и не походила у человѣка на прочія части тѣла. Для этого, первымъ дѣломъ, у свода головы, предначертавши тамъ лицо, они приладили къ нему органы для всёхъ промыслительныхъ дѣйствій души и постановили, чтобы оно, будучи, по своей природѣ, обращено впередъ, принимало уча- В. стіе въ управленіи. Изъ органовъ прежде всего устроили они свѣтоносные глаза, которые приладили сюда по слѣдующей причинѣ. По ихъ замыслу, должно было явиться тѣло, которое не имѣло бы жгучихъ свойствъ огня, но доставляло бы кроткій свѣтъ, свойственный всякому дню ³. И боги

¹ Собравъ для него служебные органы,—*ἕλκεσιν αὐτῷ ὠφειροίσαυτες*. Боги одарили голову человѣка необходимыми служебными органами; къ нимъ, кромѣ остальныхъ членовъ тѣла, относятся также органы чувствъ, которые всё почти сосредоточены въ одной головѣ.

² Т. е., тѣлесный составъ.

³ Платонъ сближаетъ въ этомъ мѣстѣ слова *ἡμέρα* (день) и *ἡμερος* (кроткій), указывая какъ будто на ихъ родство. То же и въ «Кратилъ»—р. 418 D.

именно сдѣлали, что родственный тому чистый огонь, находящійся внутри насъ, вытекаетъ свободно черезъ глаза, с. которыя, при всей ихъ плотности, сгустили особенно въ срединѣ, такъ чтобы они задерживали всю прочую, грубѣйшую его часть и пропускали его только въ такомъ чистомъ состояніи. И вотъ, когда дневной свѣтъ окружаетъ потокъ зрѣнія, тогда подобное, исходя къ подобному, соединяется съ нимъ и, по прямому направленію зрачковъ, образуетъ въ связи съ родственнымъ одно тѣло,—гдѣ бы падающее изнутри ни натолкнулось на то, что встрѣчаетъ его извнѣ. И какъ скоро все вмѣстѣ, по подобію, приходитъ въ состояніе подобное, то, прикасается ли къ чему само, или D. что другое прикасается къ нему, дѣйствія тѣхъ предметовъ распространяетъ оно черезъ все тѣло, до души, и производитъ то чувство, которое мы называемъ зрѣніемъ ¹. А когда сродный ему огонь на ночь отходитъ,—этотъ обособляется; потому что, исходя къ неподобному, онъ и самъ измѣняется и гаснетъ, не соединяясь болѣе съ ближнимъ воздухомъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ огня. Теперь онъ не только перестаетъ видѣть, но еще является возбудителемъ сна. Вѣдь когда вѣки,—этотъ охранительный снарядъ, кото- E. рый для глазъ придумали боги,—когда они сомкнутся,—это ставитъ преграду дѣйствию внутренняго огня; и оно умѣряетъ тогда и уравниваетъ внутреннія движенія, а съ уравненіемъ ихъ, наступаетъ покой. И если покой будетъ глубокой, то является сонъ съ легкими грезами; если же остались еще какія нибудь движенія болѣе сильныя, то, смотря 46. по тому, какія и въ какихъ мѣстахъ остались, такія и въ такомъ же количествѣ поражаютъ они, по подобію, внут-

¹ Происхожденіе зрѣнія Платонъ объясняетъ по теоріи Эмпедокла агригентинскаго, которой, сколько извѣстно, держались также и Зенонъ и Галенъ. По этой теоріи, всѣ вообще физическія ощущенія происходятъ отъ того, что органы ихъ выдѣляютъ нѣкоторую тонкую матерію, которая сталкивается съ такими же выдѣленіями внѣшнихъ тѣлъ и въ смѣшеніи съ ними передается обратно органамъ тѣла, а черезъ нихъ душѣ.

ренія представленія, которыя удерживаются памятью и на яву, по пробужденіи. Затѣмъ не трудно уже составить понятіе о томъ какъ происходятъ образы на зеркалахъ, и относительно всего, что свѣтло и гладко. Вѣдь все подобное является необходимо изъ взаимнаго общенія внутрен- В.
няго и внѣшняго огня, причемъ тотъ и другой на гладкой поверхности, различнымъ образомъ преломляясь, образуютъ всякій разъ одно,—когда, на примѣръ, огонь, исходящій отъ лица, на чемъ либо гладкомъ и свѣтломъ сливается съ огнемъ, исходящимъ во взглядѣ. Правое же представляется лѣвымъ оттого, что стороны зрѣнія и зримаго соприкасаются, противъ обычнаго способа сближенія, въ обратномъ порядкѣ. Напротивъ, правое является правымъ и лѣвое лѣвымъ, если свѣтъ примѣшивающійся мѣняется положеніемъ съ тѣмъ, O.
къ которому примѣшивается: это бываетъ, когда гладкая поверхность зеркалъ, выдаваясь съ того и съ другаго края¹, правое отбрасываетъ къ лѣвой сторонѣ зрѣнія, и наоборотъ. Будучи же обращено по протяженію лица, это самое зеркало представляетъ его совсѣмъ въ обратномъ видѣ, отбрасывая нижнюю сторону свѣта кверху. а верхнюю опять—книзу.

Все это относится къ числу вспомогательныхъ причинъ, которыми Богъ пользуется, какъ служебными средствами, чтобы осуществить по возможности идею наилучшаго. Меж- D.
ду тѣмъ очень многіе думаютъ, что охлаждающее и со- грѣвающее, сгущающее и разрѣшающее и все, что произ- водитъ подобныя явленія,—все это не вспомогательныя при- чины всего существующаго. Но вѣдь ни смысла, ни разу- ма онѣ ни въ какомъ отношеніи имѣть не могутъ; ибо изъ вещей существующихъ, единственнымъ существомъ, кото- рому дано имѣть разумъ, надобно признавать душу. Душа же невидима; а огонь. вода, земля, воздухъ,—все это об- разуесть видимыя тѣла. Кто любитъ разумъ и знаніе, тотъ

¹ Рѣчь идетъ о вогнутомъ зеркалѣ.

Е. необходимо преслѣдуетъ прежде всего причины разумной природы, а причинамъ, которыя происходятъ отъ чего либо приводимаго въ движеніе и, по необходимости, сообщающаго его другимъ вещамъ, отводитъ второе мѣсто. Такъ надо сдѣлать и намъ: надобно допустить оба разряда причинъ, но отличать тѣ, которыя являются разумными творцами прекраснаго и добраго, отъ тѣхъ, которыя, будучи лишены разумѣнія, производятъ всегда одно беспорядочно-случайное.

И такъ, пусть это будетъ у насъ сказано о вспомогательныхъ причинахъ зрѣнія,—почему именно глаза обладаютъ той силой, какая имъ теперь досталась. Затѣмъ надобно сказать о наиболѣе полезномъ дѣлѣ ихъ служенія, ради котораго Богъ намъ даровалъ ихъ. Зрѣніе, по моему мнѣнію, явилось причиною величайшей для насъ пользы, ибо изъ теперешнихъ нашихъ разсужденій о вселенной не было бы произнесено ни слова, если бы мы не видѣли ни звѣздъ, ни солнца, ни неба. При посредствѣ же зрѣнія, день и ночь, мѣсяцы и годовые обороты открыли намъ теперь число и понятіе о времени, и дали возможность изслѣдывать природу вселенной. А отсюда мы произвели родъ философіи,—благо, выше котораго и не сходило и не сойдетъ никогда къ смертному роду, въ даръ отъ боговъ. Такъ это я называю величайшимъ благодѣяніемъ очей. Зачѣмъ распространяться еще о прочихъ, менѣе важныхъ, которыя слѣпецъ-не-философъ «горько оплакивалъ бы въ безсильной скорби»¹. Порѣшимъ лучше на томъ, что Богъ изобрѣлъ и даровалъ намъ зрѣніе именно по указанной причинѣ, дабы мы, наблюдая въ небѣ круговращенія разума, извлекли изъ нихъ пользу для оборотовъ мышленія въ насъ самихъ, въ строительныхъ оборотахъ имѣли образецъ для родственныхъ имъ разстроенныхъ, а затѣмъ, изучивъ ихъ и достигнувъ естественной правильности сужденій, по подражанію совершен-

¹ Выраженіе, взятое изъ Эврипида (Phoen. v. 1762).

но неколебимымъ круговращеніямъ божества, могли установить и свои собственные, уклонившіеся съ пути обороты. То же надобно сказать опять о голосѣ и слухѣ, дарованныхъ намъ богами по тѣмъ же самымъ причинамъ и для той же цѣли. Ибо рѣчь имѣетъ ту же цѣль и содѣйствуетъ очень много ея достиженію; что же касается пользы голоса музыкальнаго, то она связана съ слухомъ, ради гармоніи. D. Гармонія же, заключающая въ себѣ движенія, родственныя оборотамъ нашей души, даруется музами тому, кто обращается съ ними разумно, не для безцѣльнаго наслажденія, — которому служить, кажется, теперь, — а въ качествѣ пособницы, приводящей въ порядокъ и въ согласіе съ собою разстроенное круговращеніе нашей души. Также и ритмъ данъ ими какъ средство противъ того нестройнаго и неудовлетвореннаго состоянія духа, которому мы во многихъ случаяхъ подпадаемъ. E.

Все до сихъ поръ сказанное, за немногими исключеніями, указывало на явленія, созданныя силою разума; но изслѣдованіе наше надо распространить и на то, что является въ силу необходимости ¹. Вѣдь этотъ космосъ получилъ смѣшанную природу, родившись изъ сочетанія именно необходимости и разума. Такъ какъ разумъ одержалъ верхъ надъ необходимостію, побудивъ ее бѣльшую часть явленій направлять къ наилучшимъ цѣлямъ, то вотъ такимъ образомъ и въ такомъ порядкѣ, чрезъ подчиненіе необходимости разумнымъ вліяніямъ, и сложилась вначалѣ эта вселенная. Но если кто спроситъ, какъ дѣйствительно было дѣло, то надо будетъ привнести въ изслѣдованіе и видъ причины уклончивой, съ свойственными ея природѣ стремленіями. Такъ вотъ намъ надобно вернуться снова назадъ, чтобы, выходя изъ инаго, приличнаго предмету начала, какъ было B. и при тогдашнемъ изслѣдованіи, обсудить такимъ образомъ

¹ Въ силу необходимости, — т. е. въ силу ограничивающихъ явленія естественныхъ законовъ.

этотъ вопросъ еще разъ, съ первыхъ его основаній. Мы должны разсмотрѣть, какова была самая природа огня, воды, воздуха и земли и каково состояніе ихъ до рожденія неба. Ибо доннынѣ никто еще, кажется, не показалъ ихъ образованія; но мы прямо называемъ ихъ началами и принимаемъ за стихіи вселенной, какъ будто знаемъ, что такое С. огонь и каждое изъ этихъ тѣлъ; а на дѣлѣ и человекъ мало мыслящій не укажетъ для нихъ подобія скольконибудь близкаго хотя бы въ частяхъ слога ¹. И такъ, наше дѣло теперь будетъ состоять вотъ въ чемъ: о началѣ или о началахъ всего,—или какъ угодно назовите это,—рѣчи теперь не будетъ, ни почему больше, какъ потому, что трудно было бы, при настоящемъ ходѣ изслѣдованія, раскрыть ясно, что о томъ думаешь. Такъ не считайте меня обязаннымъ говорить объ этомъ, какъ и я едва ли бы убѣдилъ себя самого, что могу по праву принять и возложить на D. себя такое дѣло. Оставаясь вѣрнымъ первоначальному словію—держаться въ предѣлахъ вѣроятнаго, я именно попытаюсь дать отчетъ обо всемъ вмѣстѣ и порознь ничуть не менѣе вѣроятный, въ сравненіи съ чѣмъ бы то ни было, только гораздо ближе ихъ восходящій къ началу. Такъ,

¹ Не укажетъ для нихъ подобія—хотя бы въ частяхъ слога,—*προσῆκον αὐτοῖς οὐδ' ὡς ἐν συλλαβῆς εἶδеси—ἀπεικασθηῖαι*. Выраженіе это, во всякомъ случаѣ довольно темное, переводчики и комментаторы передаютъ неодинаково. По Штальбауму: *iis conveniat, ut ne syllaba quidem iure comparari (cum rerum principiis) possint*,—т. е., «они ничуть (т. ск., ни на іоту) не могутъ быть сравниваемы съ дѣйствительными началами вещей.» По объясненію Линдау, *quae hic agantur elementa tam sunt exigua ac difficilia percipere, ut ne cum syllabae ἐν quidem partibus comparari possint* (т. е. «не могутъ быть сравниваемы даже съ частями слога ἐν»). Объясненіе, впрочемъ, слишкомъ натянутое. Гер. Мюллеръ переводитъ *es ist doch nicht angemessen—den verschiedenen Gattungen der Silben sie zu vergleichen* (т. е., «сравнивать съ различными родами слоговъ»), и объясняетъ мысль Платона такъ: «такъ называемыя стихіи—вовсе не основные элементы матеріи, потому что оказываются сложными тѣлами; съ другой стороны, ихъ нельзя сравнивать съ отдѣльными видами слоговъ, такъ какъ слогъ самъ по себѣ не представляетъ ничего цѣльнаго и самостоятельнаго; но, скорѣе всего, можно бы приравнять ихъ къ словамъ, какъ цѣльнымъ единицамъ, сложеннымъ изъ болѣе мелкихъ частей (буквъ и слоговъ)».

призвавъ и теперь опять Бога, чтобы онъ поддержалъ насъ, и чрезъ это странное и необычайное повѣствованіе привелъ Е. къ опредѣленію вѣроятнаго, начнемъ сызнова свое изслѣдованіе.

Новое начало рѣчи о всемъ пусть будетъ у насъ отличаться болѣе дробнымъ противъ прежняго дѣленіемъ. Въдъ тогда различили мы два вида; а теперь надо намъ показать еще третій особый родъ. Для прежняго изслѣдованія было достаточно и тѣхъ двухъ, которые полагались—одинъ какъ видъ образца, постигаемый мышленіемъ и существующій всегда тождественно, а другой—какъ подражаніе образцу, 49. имѣющее происхождение и видимое. Третьяго мы тогда не различили, полагая, что достаточно будетъ двухъ; но теперь ходъ рѣчи принуждаетъ насъ, кажется, взяться за опредѣленіе труднаго и темнаго вида ¹. Какъ же мы полагаемъ,—

¹ Слѣдуетъ знаменитое разсужденіе о перво быт ной матер іи, которое всегда такъ занимало комментаторовъ Платона и служило предметомъ такихъ оживленныхъ споровъ.—Платонъ отличаетъ отъ матеріи конечной, принявшей уже извѣстныя формы и условія (τὸ πέρας ἔχειν), матерію безконечную, свободную отъ всякихъ подобныхъ ограниченій (ἄπειρος). Прежде чѣмъ вступить въ первый изъ указанныхъ фазисовъ, мировая матерія должна была находиться въ этомъ свободномъ, такъ сказать, разрѣшенномъ состояніи, потому что только изъ безконечнаго можетъ вообще возникнуть и сложиться что либо конечное. Такимъ образомъ четыре основные стихіи, различаемыя нынѣ въ составѣ мировой матеріи, нельзя считать перво быт ной матеріей: онѣ представляютъ собою уже позднѣйшіе ея виды и формы. Что же такое была перво быт ная матер ія, послужившая имъ началомъ? Во первыхъ, какъ мы видимъ, ее слѣдуетъ представлять внѣ всякихъ формъ, условій и отношеній. И однакожь, такъ какъ она послужила началомъ для всѣхъ видимыхъ явленій, мы должны признавать ее безконечно измѣнчивой и дѣлимой,—способной къ воспріятію всѣхъ тѣхъ ограниченій, въ которыхъ мы ей отказываемъ. Далѣе, матерія эта вмѣстѣ и вещественна и не вещественна: ее нельзя считать тѣломъ, потому что съ понятіемъ о тѣлѣ нераздѣльно понятіе о какой либо формѣ; но ясно, что ей нельзя также и отказывать въ тѣлесности. Человѣческій умъ, которому доступны только явленія конечныя, не можетъ имѣть яснаго представленія о такой матеріи, и если онъ постигаетъ ее, то постигаетъ, по выраженію Платона, нѣкоторымъ ложнымъ или искусственнымъ сужденіемъ,—ὀρθῶς τινὶ λόγισμῶς,—т. е., другими словами, составляетъ понятіе о ней какъ бы насильственно, путемъ отрицанія. Поэтому ниже Платонъ прилагаетъ къ перво быт ной матеріи эпитетъ не видимой (ἀόρατος). Кромѣ того, онъ называетъ ее чѣмъ-то про странственнымъ (τὸ τῆς χωρᾶς), матеріаломъ, изъ котораго обра-

въ чемъ, по его природѣ, должно состоять его значеніе? Въ томъ главнымъ образомъ, что онъ есть пріемникъ всякаго рожденія,—какъ бы кормилица. Выражено-то это вѣрно; В. нужно только яснѣ относительно его высказаться. А это трудно, какъ по другимъ причинамъ, такъ и потому, что необходимо, въ такомъ случаѣ, возникаетъ недоумѣніе по отношенію къ огню и другимъ связаннымъ съ огнемъ стихіямъ. Вѣдь сказать о каждой изъ нихъ, что дѣйствительно слѣдуетъ назвать скорѣе водою, чѣмъ огнемъ, и что скорѣе тѣмъ или этимъ именемъ, чѣмъ всѣми вмѣстѣ,—такъ, чтобы по отношенію къ каждой употреблять выраженіе опредѣленное и твердое,—это трудно. Какъ же, на какомъ основаніи и что скажемъ мы объ этомъ самомъ, предаваясь относительно стихій справедливымъ недоумѣніямъ? Во первыхъ, С. мы видимъ, что то, что носитъ теперь имя воды, сгущаясь, какъ мы полагаемъ, превращается въ камни и землю, а будучи растворено и разрѣшено, то же самое становится вѣтромъ и воздухомъ, воспламенившійся же воздухъ—огнемъ; затѣмъ огонь, сжатый и погашенный, переходитъ обратно въ образъ воздуха, а воздухъ, сдавленный и сгущенный, является облакомъ и туманомъ, изъ которыхъ, при еще большемъ сгущеніи, течетъ вода; изъ воды же происходятъ опять земля и камни. Такимъ образомъ эти

зуются формы (εἰμαυεῖον), матерью, также пріемникомъ и какъ бы питомникомъ (ἰδοβοῦν, οἶον τιθῆναι) всѣхъ явленій,—опредѣленіе, которое было потомъ въ большомъ ходу у философовъ Платоновой школы. Эпитеты эти выражаютъ вообще мысль, что первобытная матерія служитъ необходимымъ посредствующимъ началомъ между міромъ явленій и идеями, такъ какъ только чрезъ нее идеи находятъ себѣ выраженіе въ явленіяхъ. Впрочемъ если что подавало поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, то это именно обиліе эпитетовъ и опредѣленій, которыми характеризуется первобытная матерія у Платона. Упуская изъ виду поэтическій, образный характеръ этихъ эпитетовъ, многіе изъ комментаторовъ склонны были принимать ихъ въ слишкомъ узкомъ смыслѣ и потому не могли согласить между собою. Одни (напр., Теннеманъ и Рейхардтъ) находятъ, что Платонъ несомнѣнно впалъ въ ошибку, смѣшавъ понятія о матеріи и пространствѣ. Другіе (напр., Ибервегъ и Суземиль) считаютъ нужнымъ доказывать, что подъ именемъ первобытной матеріи Платонъ, въ сущности, не разумѣлъ ничего болѣе, какъ пространство.

стихиі, какъ видно, идутъ кругомъ и послѣдовательно даютъ рожденіе одна другой. И такъ какъ ни одна изъ нихъ никогда не представляется тою же, то кто не постыдится D. передъ самимъ собою рѣшительно утверждать, что которая нибудь изъ нихъ есть именно то, а не другое? Нѣтъ, гораздо безопаснѣе положить за правило выражаться о нихъ такъ: что, какъ мы видимъ, постоянно является то тѣмъ, то другимъ,—хотя бы огонь,—называть въ каждомъ случаѣ не *этимъ*, а *такимъ*¹ огнемъ, равно и воду—не *этою*, но всегда *такою* водою,—такъ же точно и прочее;—т. е. не принимать стихиі въ значеніи предметовъ, имѣющихъ нѣ- E. которое постоянство, что именно мы думаемъ выразить употребленіемъ словъ *тотъ* и *этотъ*, когда на что либо указываемъ. Вѣдь онѣ ускользаютъ отъ насъ, не терпя выражений *то*, *этого*, *тому* и всѣхъ другихъ, которыя выставляютъ ихъ въ качествѣ сущностей не преходящихъ. Не будемъ же называть каждую порознь *этимъ*; но ко всѣмъ, какъ порознь, такъ и вмѣстѣ, будемъ прилагать равно понятіе всегда совершающаго свой кругъ *такою*. Значить, и огонь постоянно *такой*, и *такое* все, чему свойственно рожденіе. Только то, въ чемъ всѣ отдѣльныя явленія получаютъ, какъ мы видимъ, рожденіе и откуда опять исчезаютъ,—только это слѣдуетъ означать приложеніемъ именъ *то* и 50. *это*; а что либо качественное, теплое или бѣлое, либо иное, противоположное этому, и все, что изъ того происходитъ,—ничего подобнаго не именовать такимъ образомъ. Постараюсь однакожь высказаться объ этомъ еще яснѣе. Пусть бы кто, отливъ изъ золота всевозможныя фигуры, не пере-

¹ Называть не *этимъ*, а *такимъ* огнемъ,—μὴ τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον προσαγορεύειν κῆρ. Понятіе *этотъ*, по мысли Платона, предполагаетъ безусловно бытіе извѣстнаго предмета; понятіе же *такой* указываетъ только на его качества. Называть предметъ такимъ значить поэтому допускать бытіе предмета лишь настолько, насколько оно проявляется въ его качествахъ, и такимъ образомъ ограничивать его извѣстнымъ моментомъ времени, такъ какъ качества явленій, а съ ними и ихъ сущность, непрерывно мѣняются.

- ставалъ переливать ихъ каждую во всѣ остальные, а кто нибудь другой, указывая на одну изъ нихъ, спросилъ, что это такое: въ видахъ истины, гораздо безопаснѣе было бы
- В. сказать, что это золото, —но не называть трехугольникъ¹ и всякія другія фигуры, какъ бы онѣ дѣйствительно существовали, ибо въ минуту ихъ признанія онѣ уже мѣняють свою форму, и удовлетворяются хоть тѣмъ, если онѣ могутъ принять безопасно понятіе *такою*. То же скажемъ и о сущности, принимающей въ себя всѣ тѣла: ее надобно назвать всегда тождественною, потому что она ни въ какомъ случаѣ не выступаетъ изъ своей природы. Она постоянно
- С. все въ себя принимаетъ, и никогда, никакимъ образомъ и никакой не усваиваетъ формы, въ уподобленіе тому, что въ нее входитъ; ибо назначеніе ея, по природѣ, въ томъ, чтобы служить всему (принимающему образъ) матеріаломъ, который получаетъ движеніе и внѣшнія формы отъ входящаго, и подъ его дѣйствіемъ представляется то такимъ, то другимъ. А входящее и выходящее представляютъ собою всегда подражанія сущностямъ, снятыя съ нихъ какимъ-то необъяснимымъ и чудеснымъ способомъ, который мы рассмотримъ потомъ.—Теперь пока надо имѣть въ виду три рода: бывающее, то, въ чемъ оно бываетъ, то, по подобію
- Д. чего происходитъ бывающее. Начало воспринимающее можно приличнымъ образомъ уподобить матери, то, отъ чего воспринимается, —отцу, а природу, что занимаетъ мѣсто между ними, —порожденію. И надобно думать, что если снимку предстоить имѣть видъ пестраго разнообразія, то тѣ именно, въ чемъ онъ получается, будетъ хорошо подготовлено къ своему дѣлу не иначе, какъ при условіи, если будетъ свободно отъ формъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя гово-
- Е. товится принять отънѣ. Вѣдь если бѣ было оно подобно чему нибудь изъ привходящаго, то, принимая предметы проти-

¹ Тр е х у г о л ь н и к ъ, —какъ основную форму всѣхъ тѣлъ, —о чемъ см. ниже—
р. 53 С sqq.

воположной или совершенно отличной природы, какіе когда придуть, оно воспроизводило бы ихъ худо, ибо привносило бы въ нихъ собственное свое обличіе. Поэтому, пріемлющее въ себя всѣ роды должно быть чуждо всякихъ формъ. Такъ, при составленіи благовонныхъ мазей, сначала искусственнымъ путемъ добиваются того, чтобы влага, имѣющая принять благовоніе, сама, по возможности, не издавала запаха. А кто намѣревается на какомъ нибудь мягкомъ веществѣ произвести изображенія, рѣшительно не потерпитъ на немъ никакой явной фигуры, но, уравнивая, доведетъ вещество до возможной гладкости. Точно также и ^{51.} тому, что множество разъ всѣмъ своимъ существомъ имѣть принимать вѣрныя изображенія всѣхъ, даже вѣчныхъ существенностей, пристало по природѣ быть чуждымъ всякихъ формъ. Посему эту мать и воспріемницу всего, что явилось видимымъ и вполне чувствопостигаемымъ, мы не назовемъ ни землею, ни воздухомъ, ни огнемъ, ни водою, ни тѣмъ, что произошло изъ нихъ, или изъ чего произошли они сами; но, если скажемъ, что она есть нѣкоторый видъ—незримый, безформенный, всепріемлющій, какимъ-то неизслѣдимымъ образомъ причастный начала мыслимаго и неуловимый,—мы не выскажемъ ничего ложнаго. Насколько можно изъ прежде сказаннаго заключать о его природѣ, ^{В.} было бы, кажется, всего правильнѣе выразиться такъ, что огнемъ въ каждомъ случаѣ является воспламенившаяся его же часть, водою — часть увлажнившаяся; является онъ также землею и воздухомъ, поскольку принимаетъ подобія этихъ стихій. Но, чтобы судить о стихіяхъ, нужно точнѣе высказаться относительно слѣдующаго: существуетъ ли огонь ^{С.} самъ по себѣ, да и все, къ чему ни прилагаемъ мы это выраженіе, говоря о каждомъ явленіи, что оно существуетъ *само по себѣ*?—или же такое истинное бытіе имѣетъ только то, что мы видимъ и вообще чувствуемъ посредствомъ тѣла,—и кромѣ этого нѣтъ ровно ничего другаго, такъ что мы напрасно въ каждомъ случаѣ для каждаго явленія по-

лагаемъ нѣкоторый мыслимый видъ,—это одно пустое слово? Не годилось бы, съ одной стороны, оставляя настоящій вопросъ безъ разсмотрѣнія и разрѣшенія, утверждать положительно, что это такъ; но нельзя же, съ другой, и безъ

D. того уже длинное разсужденіе еще растягивать такимъ же длиннымъ побочнымъ. Если бы какое нибудь существенное разграниченіе далось въ немногихъ словахъ, это было бы какъ нельзя болѣе кстати. Я-то, съ своей стороны, рѣшаю такъ: если разумъ и истинное мнѣніе—два отдѣльные рода, то существуютъ непремѣнно и эти виды сами по себѣ, не подлежащіе нашимъ чувствамъ, но только мыслимые; когда же истинное мнѣніе, какъ представляется нѣкоторымъ, ничѣмъ не различается отъ разума,—все, что воспринимаемъ мы чрезъ тѣло, надо почитать вполне достовѣрнымъ. Но то и другое слѣдуетъ полагать за два, потому что они

E. явились отдѣльно и не подобны по свойствамъ. Вѣдь одно видѣруется въ насъ чрезъ наставленіе, а другое—чрезъ убѣжденіе; одно сопровождается всегда истиннымъ пониманіемъ, а другое несмысленно; одно не поддается убѣжденію, а другое переубѣждается; одного надобно полагать причастнымъ всякаго человѣка, а причастными разума—боговъ, и только небольшой разрядъ людей. Если же это такъ, то

52. должно согласиться, что есть одинъ видъ—тожественный, не раждающійся и неразрушающійся, не принимающій въ себя ни откуда иного и самъ нигдѣ не входящій въ иное, невидимый и никакъ иначе не чувствуемый, такой, который наблюдать выпало на долю мышленія. Соименный же и подобный ему второй видъ есть видъ чувствовостигаемый, рожденный, всегда подвижный, являющійся въ какомъ либо мѣстѣ и опять оттуда исчезающій,—тотъ, что воспринимается мнѣніемъ въ связи съ чувствомъ. Третій же

В. родъ представляетъ всегда родъ пространства, не принимающій разрушенія, дающій мѣсто всему, что имѣетъ рожденіе, самъ же уловляемый безъ посредства чувства, путемъ нѣкотораго поддѣльнаго сужденія,—родъ, едва въро-

ятный ¹. Взирая на него, мы точно грезимъ, и полагаемъ, что все существующее должно неизбѣжно находиться въ какомъ нибудь мѣстѣ и занимать какое нибудь пространство, а что не находится ни на землѣ, ни на небѣ, то и не существовать. Вслѣдствіе такихъ грезъ, мы, и по пробужденіи, не можемъ опредѣленно выражать правду, отличая всѣ эти и сродныя имъ представленія отъ не сонной, дѣйствительно существующей природы. Въ самомъ дѣлѣ, если то самое, что воспроизводитъ собою образъ, не принадлежитъ самому образу, но является въ немъ всегда какъ призракъ чего-то инаго, то образъ, по этому самому, чтобы какъ нибудь удержаться въ сущности, необходимо долженъ раждаться въ чемъ-то иномъ,—или уже не быть вовсе. Истинно же существующему опорю служить то строго вѣрное положеніе, что, пока одно отлично отъ другаго, они не могутъ находиться ни тѣ въ этомъ, ни это въ томъ и являться въ одно и то же время чѣмъ-то единымъ, въ самомъ себѣ тождественнымъ, и вмѣстѣ двоякимъ ².

D.

И такъ, изъ подавнаго мною мнѣнія вытекаетъ, въ сущности, такой выводъ: сущее, пространство и рожденіе являются, какъ три троякія начала, еще до происхожденія неба. Кормилица же раждаемаго ³, разливаясь влагою и пылая огнемъ, принимая также формы земли и воздуха и

¹ Насколько отлично мнѣніе отъ знанія, настолько же отличаются предметы чувствовостигаемые отъ идей. Но отъ тѣхъ и другихъ равно Платонъ отличаетъ τὸ χωρῶν,—пространство, вмѣщающее въ себѣ безконечную матерію, которое постигается только οὐδὲ τιὶ λογισμῶ.

² Мѣсто это, несомнѣнъ ясное въ подлинникѣ, надо, кажется, понимать такъ: Устанавливая понятіе о безконечной матеріи въ пространствѣ, мы невольно нападаемъ на ложное представленіе, будто все существующее должно необходимо занимать гдѣ нибудь мѣсто и что самыя идеи какъ будто входятъ въ предположенное нами пространство. Но это ошибка. Если вещи чувствовостигаемыя совершенно отличны, по своей природѣ, отъ идей, по образцу которыхъ созданы, то, чтобы получить такую природу, онѣ должны были возникнуть непремѣнно изъ инаго, отличнаго отъ идей начала. Поэтому сами идеи, какъ сущности совершенно чуждыя этому началу, не могутъ въ немъ находиться.

³ Т. е., то начало, которое сейчасъ названо было пространствомъ.

испытывая всѣ другія состоянія, какія приходятъ съ этими стихіями, представляется, правда, на видъ всеобразною; но Е. такъ какъ ее наполняютъ силы неподобныя и неравно- вѣсныя, то она не имѣетъ равновѣсія ни въ какой изъ своихъ частей, а при неравномъ повсюду вѣсѣ, подвергается, подъ дѣйствіемъ этихъ силъ, сотрясеніямъ, и колеблется, въ свою очередь, потрясаетъ ихъ. Черезъ сотрясеніе же онѣ разъединяются и разбрасываются туда и сюда, — все равно какъ при просѣиваніи и провѣваніи посредствомъ ситъ, и служащихъ для чистки зерна орудій, плотныя и 35. твердыя зерна падаютъ на одно мѣсто, а слабыя и легкія — на другое. Точно такъ и тѣ четыре рода, будучи сотрясаемы этою пріемницею, которая движется какъ бы встряхивающее орудіе, раздѣляютъ (въ себѣ) наиболѣе неподобное возможно дальше одно отъ другаго, а наиболѣе подобное собираютъ по возможности въ одно. Оттого-то эти различныя вещества заняли и различныя мѣста, еще прежде, чѣмъ возникъ изъ нихъ упорядоченный міръ. Но до этого все было чуждо всякаго порядка и мѣры; когда предпринима- лось устройство вселенной, огонь, земля, воздухъ и вода, В. хотя и представляли ужъ нѣкоторыя черты своей природы, находились вначалѣ совершенно въ томъ состояніи, въ какомъ естественно находится всему, чему не присуще божество. При такомъ-то состояніи онѣ впервые опредѣлены были видами и числами. И что Богъ привелъ ихъ, по возможности, въ самое лучшее и прекраснѣйшее сочетаніе, изъ противоположнаго тому состоянія, это пусть будетъ нашею общею мыслію, въ продолженіе всего изслѣдованія. А теперь попытаюсь необычнымъ способомъ ¹ раскрыть вамъ С. назначеніе и происхожденіе каждой изъ тѣхъ стихій; и такъ

¹ Необычнымъ способомъ, — ἀτῦθει λόγῳ. Принятый далѣе способъ изслѣдованія называется необычнымъ потому, что основывается главнымъ образомъ на стереометріи, которая была во время Платона еще только въ зачаткахъ и знакома весьма немногимъ; — но Платонъ, какъ извѣстно, занимался ею съ особенною любовью.

какъ вамъ знакомы пути, открываемые образованіемъ, на которые необходимо намъ вступить для разъясненія предмета, то вы будете за мною слѣдовать.

Что, во первыхъ, огонь, земля, вода и воздухъ суть тѣла, это ясно для всякаго. Но всякій видъ тѣла имѣетъ и глубину; всякая опять глубина необходимо заключаетъ въ себѣ природу поверхности ¹, а построенная на прямыхъ линияхъ поверхность состоитъ изъ трехугольниковъ. Трехугольники же всѣ получаютъ начало изъ двухъ трехугольниковъ, у которыхъ обоихъ одинъ уголъ прямой, а два острыхъ: первый изъ трехугольниковъ въ каждомъ остромъ углѣ содержитъ по (половинной) части прямого угла, раздѣленнаго сторонами равными; а другой отдѣляетъ имъ неравными сторонами части неравныя. Идя, по необходимости, путемъ вѣроятнаго, въ этомъ предполагаемъ мы начало огня и прочихъ тѣлъ; а начала еще выше этихъ знаетъ Богъ, да развѣ тотъ изъ людей, кто ему близокъ. Надо намъ разсудить, какъ могли возникнуть эти прекраснѣйшія четыре тѣла, которыя хотя и не подобны другъ другу, могутъ однакожь, разрѣшаясь, происходить одно изъ другаго. Вѣдь если мы будемъ знать правду относительно рожденія земли и огня, равно какъ стихій, занимающихъ, по пропорціи, среднія между ними мѣста; то тогда уже никому не уступимъ, чтобы какія либо видимыя тѣла были прекраснѣе ихъ, въ томъ смыслѣ, что каждое представляетъ особый родъ ². Такъ надобно постараться составить эти четыре рода тѣлъ, отличающіеся своею красотою, чтобы затѣмъ объявить, что мы достаточно поняли ихъ природу.—Изъ тѣхъ двухъ трехугольниковъ, равнобедренному дана одна природа, а удлин- 54. ненному—безконечное множество. Такъ изъ этого множества,—если хотимъ начать какъ слѣдуетъ,—надо предва-

¹ Т. е., тройное измѣреніе тѣлъ въ высоту, ширину и глубину необходимо предполагаетъ площадь, измѣряемую только въ высоту и ширину.

² Т. е., чтобы какія нибудь изъ видимыхъ тѣлъ лучше отвѣчали назначенію простѣйшихъ, основныхъ стихій.

рительно избрать самое прекрасное. Но кто могъ бы избрать и назвать для состава стихій что нибудь болѣе прекрасное, тотъ покорить насъ себѣ не какъ врагъ, а какъ сильный другъ ¹. Мы изъ многихъ треугольниковъ ², минуя прочіе, полагаемъ какъ самый прекрасный одинъ, изъ котораго равносторонній составилъ самъ третій ³. Почему,—это было бы долго объяснять; но кто насъ опровергнетъ и обличить, что это не такъ, награда тому будетъ въ нашей дружбѣ. Такъ пусть же у насъ избраны два треугольника, какъ формы, изъ которыхъ слагаются тѣло огня и тѣла прочихъ стихій, одинъ—равнобедренный, другой—тотъ, у котораго квадратъ большей стороны всегда втрое больше квадрата меньшей. Теперь надобно раскрыть точнѣе то, что прежде высказывалось неопредѣленно. Вслѣдствіе неправильнаго представленія о стихіяхъ, намъ именно казалось, будто эти четыре рода рождаются всякимъ образомъ одинъ изъ другаго и одинъ черезъ другой. Но вѣдь изъ треугольниковъ, которые мы отличили, происходятъ (также) четыре рода ⁴,

¹ Οὐκ ἐχθρὸς ὢν, ἀλλὰ φίλος κρατεῖ: выраженіе это имѣло, кажется, характеръ proverbialный, точно такъ же какъ употребленное немного ниже: κείται φίλια τὰ ἀλα (боевая награда въ дружбѣ).

² Т. е., изъ треугольниковъ второй категоріи—прямоугольныхъ неравнобедренныхъ.

³ Опустивъ перпендикуляръ отъ одного изъ угловъ равносторонняго треугольника на противоположную углу сторону, мы получаемъ два равныхъ прямоугольныхъ треугольника, примыкающихъ другъ къ другу стороною бѣльшаго ихъ катета,—изъ которыхъ равносторонній треугольникъ образуется такимъ образомъ самъ третій (ἐκ τρίτου). Особенность этихъ треугольниковъ, отличаеваемыхъ Платономъ отъ всѣхъ другихъ прямоугольныхъ неравностороннихъ, состоитъ въ томъ, что меньшій ихъ катетъ составляетъ половину гипотенузы. Нѣсколько ниже они отличаются тѣмъ признакомъ, что квадратъ большей ихъ стороны (т. е. бѣльшаго катета) всегда втрое больше квадрата меньшей (меньшаго катета). Въ самомъ дѣлѣ, если гипотенуза а составляетъ 2 катета с, то для катета b изъ известной пиеагоровой формулы $a^2 = b^2 + c^2$ не трудно вывести уравненіе $b^2 = 3c^2$.

⁴ Подъ четырьмя родами (τέτρα τέταρα) разумѣются геометрическія тѣла: тетраедръ или пирамида, октаедръ, икосаедръ и кубъ, къ которымъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, приурочиваются стихіи—огонь, воздухъ, вода и земля. Какимъ образомъ и изъ какихъ формъ прямоугольника слагается каждое изъ этихъ тѣлъ, подробно объясняется далѣе. Какъ первыя три тѣла, вслѣдствіе

и именно три—изъ одного, имѣющаго стороны неравныя, четвертый же одинъ слагается изъ трехугольника равнобед-
 реннаго. Всѣ они такимъ образомъ не могутъ разрѣшаться
 одинъ на другой, обращаясь изъ многихъ малыхъ величинъ
 въ немногія большія, и наоборотъ,—а три могутъ; ибо всѣ
 эти, по природѣ, произошли изъ одного (трехугольника).
 Вѣдь по разрѣшеніи бѣльшихъ величинъ, изъ нихъ соста-
 вится множество малыхъ, которыя принимаютъ свойствен-
 ныя имъ формы; но какъ скоро это множество малыхъ рас-
 предѣлится опять по трехугольникамъ, то извѣстное число
 послѣднихъ, вужное для извѣстной массы, можетъ образо-
 вать одинъ большой видъ, уже иной противъ прежняго при-
 роды. Такъ это все—по вопросу о взаимномъ рожденіи.
 Затѣмъ слѣдуетъ объяснить, какимъ каждый изъ нихъ ста-
 новится видомъ и изъ стеченія какихъ чиселъ. Впередъ
 пойдетъ у насъ первый и наименѣе сложный видъ: стихію
 ему служить трехугольникъ, котораго гипотенуза вдвое длин-
 нѣе его меньшей стороны. Если два такихъ трехугольника
 будутъ сложены вмѣстѣ по гипотенузѣ, и это повторено Е.
 будетъ три раза, такъ чтобы гипотенузы и меньшія ихъ
 стороны сходились въ той же точкѣ, какъ въ центрѣ; то
 отсюда произойдетъ одинъ равносторонній трехугольникъ,
 состоящій, по числу, изъ шести тѣхъ трехугольниковъ ¹. А
 четыре равностороннихъ трехугольника, соединенные тремя
 углами поверхности, образуютъ одинъ уголъ тѣлесный,
 который, по размѣру, занимаетъ мѣсто вслѣдъ за самымъ ⁵⁵.
 тупымъ изъ угловъ поверхности ². Черезъ образованіе че-

того, что происходятъ изъ одной и той же основной формы, удобно разрѣша-
 ются одно въ другое, такъ сравнительно легко переходятъ одна въ другую и
 соответствующія имъ стихіи,—что выражается, напр., въ образованіи дыма,
 пара и т. п. явленій.

¹ Такое именно дѣленіе и составъ получаетъ равносторонній трехугольникъ, если
 изъ угловъ его опустимъ перпендикуляры на противоположныя угламъ стороны.

² Сумма плоскихъ угловъ, образующихъ уголъ правильного тетраэдра,
 который теперь описывается, составляетъ, какъ извѣстно, два прямыхъ, т. е.
 растяженный уголъ—въ 180° , лежащій на границѣ между тупыми и выпуклы-
 ми углами.

тырехъ такихъ угловъ составился первый тѣлесный видъ, по всей своей сферѣ дѣлящійся на равныя и подобныя части. Второй за тѣмъ происходитъ изъ тѣхъ же равностороннихъ трехугольниковъ, когда они соединяются въ числѣ восьми, образуя одинъ тѣлесный уголъ изъ четырехъ условъ поверхности; и шестью такими углами заканчивается образование втораго тѣла. Третій является изъ состава дважды-

В. шестидесяти основныхъ трехугольниковъ ¹, да двѣнадцати тѣлесныхъ угловъ, изъ которыхъ каждый замыкается пятью плоскими равносторонними трехугольниками, приче́мъ виду этому служатъ основаніемъ равносторонніе трехугольники въ числѣ двадцати. И давъ рожденіе этимъ тѣламъ, одинъ изъ основныхъ трехугольниковъ на томъ покончилъ; равнобедренный же произвелъ природу четвертаго вида. Для сего онъ сложился въ числѣ четырехъ, свелъ къ центру прямыя углы и образовалъ одинъ равносторонній четвероугольникъ; а соединенные между собою шесть такихъ

С. четвероугольниковъ составили восемь тѣлесныхъ угловъ, приче́мъ каждый уголъ образовался чрезъ соединеніе трехъ прямыхъ поверхностныхъ. Фигура составившагося такимъ образомъ тѣла вышла кубической, которая имѣетъ въ основаніи шесть четвероугольныхъ равностороннихъ поверхностей. Но такъ какъ оставалось еще одно—пятое соединеніе, то Богъ употребилъ его для очертанія вселенной ².

Если бы кто, соображая все это внимательно, былъ въ недоумѣніи, принимать ли безпредѣльное или опредѣленное число міровъ, то рѣшеніе въ пользу безпредѣльнаго числа

Д. міровъ призналъ бы за приговоръ невѣжества дѣйствительно

¹ Икосаедръ, слагаясь изъ двадцати равностороннихъ трехугольниковъ, содержитъ, слѣдовательно, въ своемъ составѣ 120 тѣхъ элементарныхъ прямоугольниковъ, изъ которыхъ равносторонніе трехугольники образуются, такъ какъ въ каждомъ изъ послѣднихъ заключается ихъ по шести.

² Пятое соединеніе,—т. е. додекаедръ. Додекаедръ ближе остальныхъ правильныхъ геометрическихъ тѣлъ подходитъ къ формѣ сферы, и потому Богъ заключаетъ въ немъ стихіи.

безпредѣльнаго ¹—въ отношеніи вещей, которыя должно знать; но надо ли принимать одинъ, или пять дѣйствительно существующихъ міровъ,—на этотъ счетъ всякій имѣлъ бы болѣе права усомниться. На нашъ взглядъ, оказывается, что, по условіямъ вѣроятія, естественно долженъ быть одинъ міръ; но кто нибудь другой, въ виду другихъ основаній, можетъ полагать иначе. Впрочемъ этотъ вопросъ надо оставить;—теперь открытые нашимъ изслѣдованіемъ роды мы раздѣлимъ на огонь, землю, воду и воздухъ.

Землѣ предоставимъ мы видъ кубическій, потому что Е. земля, изъ четырехъ родовъ, всѣхъ болѣе неподвижна, и между тѣлами—самое пластическое ²; а такія именно свойства необходимо представляетъ тѣло, имѣющее наиболѣе твердыя основанія. Но между основаніями, которыя слагаются изъ предположенныхъ вначалѣ трехугольниковъ, естественно тверже то, въ которомъ эти трехугольники равно-сторонніе, противъ того, въ которомъ неравносторонніе; да и составленная изъ того и другаго равносторонняя поверхность, какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ, выходитъ непремѣнно устойчивѣе при четырехъ сторонахъ, нежели 56. при трехъ. Поэтому, мы соблюдемъ условія вѣроятія, если этотъ видъ предоставимъ на долю земли, водѣ назначимъ видъ самый неудободвижный изъ остальныхъ самый удободвижный—огню, а средній между этими—воздуху; самое малое тѣло по объему усвоимъ огню, самое большое—водѣ, а среднее—воздуху; также, самое острое—огню, второе по остротѣ—воздуху и третье—водѣ. Это сводится къ тому, что видъ, имѣющій всего менше основаній, какъ самый рѣзкій и по всѣмъ направленіямъ самый острый изъ всѣхъ, необходимо долженъ быть по природѣ и самый удобопо- В.

¹ Въ подлинникѣ игра словомъ ἀπειρος, которое значить и «безпредѣльный» и «неопытный», «несвѣдущій».—То же Phileb. p. 17 E.

² Только земля, благодаря своей косности, способна принимать различныя формы; другія же стихіи мы находимъ всегда въ состояніи расплавающихся, неопредѣленного вида массъ.

движный, да и самый легкій, такъ какъ состоитъ изъ наименьшаго числа тѣхъ частей; второй долженъ по этимъ свойствамъ быть вторымъ, а третій—третьимъ. Значить, и по прямымъ къ тому основаніямъ и по началамъ вѣроятія, тѣлесный видъ пирамиды долженъ у насъ быть стихіею ¹ и сѣменемъ огня; затѣмъ, второй по рожденію видъ признаемъ стихіею воздуха, а третій—воды. Но всѣ эти виды надобно мыслить столь малыми, что каждый единичный видъ С. каждаго изъ родовъ, по малости, не доступенъ нашему зрѣнію, и мы видимъ только массы ихъ, при скопленіи множества единицъ. То же—и пропорціональное ихъ соотношеніе, по количеству, движеніямъ и другимъ свойственнымъ имъ силамъ: давъ имъ во всѣхъ подробностяхъ совершеннѣйшее устройство, насколько допускала это, непринужденно и безъ сопротивленія, природа необходимости, Богъ, надо думать, сложилъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ пропорціонально.

Изъ всего, что до сихъ поръ сказано у насъ о родахъ, D. по силѣ вѣроятія, можно заключить по крайней мѣрѣ вотъ что. Земля (въ ея элементахъ), приражаясь къ огню и разрѣшаясь его остротою, должна находиться въ броженіи, все равно, растворена ли она въ самомъ огнѣ, или въ массѣ воздуха, либо воды, пока части ея, встрѣтятся какимъ нибудь образомъ и соединятся между собою, не стануть опять землею; ибо въ другой-то видъ перейти она не можетъ. Вода же, будучи раздѣлена огнемъ, или также воздухомъ, E. при соединеніи частей можетъ составить одно тѣло огня и два—воздуха. Доли воздуха, изъ одной разрѣшенной его части, образуютъ опять два тѣла огня. И наоборотъ, когда огонь, окруженный воздухомъ, водою, или какими либо частями земли, немногій среди многого, тревожимый ихъ движеніемъ, борющійся и все-таки побѣждаемый, наконецъ будетъ ими подавленъ, тогда два тѣла огня соединяются въ одинъ видъ воздуха; а если побѣжденъ и раздробленъ воз-

¹ Т. е., простѣйшею составною частью, атомомъ.

духъ, то изъ двухъ съ половиною его частей сплотится одинъ цѣльный видъ воды ¹.—Разсудимъ же о нихъ опять съ этой стороны. Если какой либо изъ другихъ родовъ, будучи охваченъ огнемъ, разсѣкается остриемъ его угловъ ⁵⁷. и сторонъ, то перестанетъ разсѣкаться, какъ скоро превратится въ его природу; потому что всякій подобный и тождественный въ самомъ себѣ родъ не можетъ ни производить перемѣну, ни самъ что либо испытывать въ своихъ отношеніяхъ къ тому, что совершенно съ нимъ сходно. А пока нѣчто слабѣйшее, при переходѣ въ другую природу, еще борется съ чѣмъ либо сильнѣйшимъ, оно не перестаетъ разрѣшаться. И когда опять что либо меньшее окружено бѣльшимъ, или небольшое многими и гаснетъ черезъ дробленіе, оно перестаетъ уже гаснуть, готовясь перейти въ образъ сильнѣйшаго, и становится—изъ огня воздухомъ, а изъ воздуха водою; но если на него нападаетъ и борется съ нимъ нѣчто равносильное изъ другихъ родовъ, то разрѣшеніе не прекращается, пока окончательно отброшенное и разрѣшенное не отбѣжитъ къ сродному, или роды побѣжденные, ставши изъ многихъ однимъ, подобнымъ побѣдившему, не водворятся съ нимъ рядомъ. И въ силу этихъ-то свойствъ С. все мѣняетъ, конечно, свое мѣсто; ибо масса каждаго отдѣльнаго рода удаляется въ особое мѣсто движеніемъ начала принимающаго ², и что, въ каждомъ случаѣ, становится неподобно самому себѣ и подобно иному, стремится, вслѣдствіе сотрясенія, къ мѣсту того, чему уподобляется ³.

¹ Три болѣ легкія стихіи, разлагаясь на простѣйшія свои составныя части, могутъ переходить одна въ другую, причемъ требуютъ, для своего новаго образованія въ формахъ той или другой стихіи, столько же составныхъ частей, какъ и представляющія стихіи геометрическія тѣла. Такъ, изъ воды (икосаедрь), разлагающейся на двадцать частей, могутъ образоваться двѣ съ половиною единицы воздуха (октаедра), слагающагося только изъ восьми частей, а изъ воздуха—двѣ единицы огня (тетраедра), который слагается изъ четырехъ частей. И наоборотъ, для образованія воды нужны пять единицъ огня или двѣ съ половиною единицы воздуха.

² Начала принимающаго, — τῆς δεχομένης, — т. е. пространства (χωρῆς), которое представлялось выше пріемникомъ явленій.

³ Какъ сказано объ этомъ выше—р. 53.

Всѣ, сколько ихъ есть, тѣла простыя и первоначальныя произошли отъ такихъ причинъ; а что видамъ ихъ прирождены еще различные роды, причину того надобно по-

Д. лагать въ построеніи обѣихъ основныхъ формъ, ибо оно дало съ самаго начала, въ томъ и другомъ случаѣ, не по одному только трехугольнику извѣстной величины, но трехугольнигъ и бдльшій и меньшій, которыхъ столько же числомъ, сколько заключается родовъ въ видахъ. Оттого, въ своихъ соединеніяхъ сами съ собою и одинъ съ другимъ, они представляютъ, безконечное разнообразіе, наблюдать которое обязательно для тѣхъ, кто намѣренъ судить о природѣ на началахъ вѣроятія.

Но если не условиться относительно движенія и стоянія,

Е. какимъ образомъ и въ какомъ случаѣ то и другое происходитъ,—это можетъ сильно затруднить дальнѣйшее разсужденіе. Нѣчто о нихъ было уже сказано, и къ этому прибавимъ еще вотъ что. При равномерности, никогда не является стремленія къ движенію; потому что имѣющее быть движимымъ безъ имѣющаго двигать, какъ и имѣющее двигать безъ имѣющаго быть движимымъ допустить трудно,—даже невозможно; а гдѣ нѣтъ того и другаго, тамъ нѣтъ и движенія. Но стихіи быть равномерными никогда не могутъ. Такимъ образомъ стояніе мы будемъ относить всегда къ равномерности, а движеніе къ неравномерности. При-

58. чина же неравномерной природы лежитъ въ неравенствѣ. Но происхожденіе неравенства мы уже раскрыли; а почему недѣлимыя, и разошедшись по родамъ, все-таки не перестаютъ, подъ вліяніемъ другъ друга, двигаться и перемѣщаться,—о томъ еще не сказали. Такъ объяснимъ это снова—такимъ образомъ. Предѣлы вселенной, обнявъ собою всѣ роды (стихій) и, при своей круговидной формѣ, стремясь отъ природы сомкнуться въ самихъ себѣ, сжимаютъ все (въ нихъ содержащееся) и не допускаютъ, чтобы оставалось гдѣ либо пустое пространство. Оттого огонь по преи-

В. муществу пропиталъ собою все, за нимъ воздухъ, какъ

вторая по тонкости стихія, а тамъ и прочія, въ соотвѣтствующей мѣрѣ. Вѣдь то, что образовалось изъ частей крупнѣйшихъ, допустило въ своемъ строеніи наибольшіе пустые промежутки, а что изъ мельчайшихъ—наименьшіе; и вотъ насильственное сгущеніе сгоняетъ мелкіе роды въ пустые промежутки крупныхъ. А когда такимъ образомъ роды мелкіе располагаются рядомъ съ крупными,—причемъ меньшіе разъединяютъ большіе, большіе же сжимаютъ меньшіе,—тогда все передвигается и сверху внизъ и снизу вверхъ, С. чтобы занять свое мѣсто; ибо недѣлимое, перемѣняя величину, перемѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое положеніе мѣстное. Такимъ-то путемъ постоянно поддерживаемое явленіе неравномѣрности даетъ стихіямъ движеніе, которое какъ продолжается теперь, такъ и будетъ продолжаться непрерывно.

Засимъ надо принимать въ соображеніе, что есть много родовъ огня,—напримѣръ, пламень и нѣчто истекающее изъ пламени,—что не жжетъ, но доставляетъ свѣтъ очамъ,—далѣе, то, что, вслѣдъ за угасшимъ пламенемъ, остается D. отъ него въ горящихъ тѣлахъ. Такъ же точно есть и родъ воздуха—наиболѣе чистый, который носитъ имя ээира, и родъ самый мутный, называемый туманомъ и мглою; есть и другіе, безъимянные виды воздуха, происшедшіе отъ неравенства трехугольниковъ. Родовъ воды прежде всего два: одинъ родъ—жидкій, другой—плавкій ¹. Жидкій, принявъ въ себя роды воды исключительно мелкіе и притомъ неравные, въ силу этой неравномѣрности и самаго характера (ихъ) фигуры, сдѣлался подвижнымъ, какъ самъ по себѣ, такъ и для вліяній стороннихъ. Плавкій же, составившійся изъ родовъ крупныхъ и равномѣрныхъ, въ силу ихъ равн. E. номѣрности, вышелъ устойчивѣе того и тяжелымъ. Но когда

¹ Къ роду воды относятся такимъ образомъ всѣ тѣла, которыя находятся или могутъ находиться въ жидкомъ состояніи, не исключая металловъ, такъ что терминъ «вода» надо принимать въ широкомъ смыслѣ жидкости вообще.

теряетъ эту равномерность подъ дѣйствиємъ привходящаго и разрѣшающаго его огня, онъ получаетъ больше подвижности, и, сдѣлавшись подвижнымъ, уступаетъ давленію ближайшаго воздуха и разливается по землѣ. По тому и другому состоянію, онъ принимаетъ имя: плавимаго—по разрѣшимости своей массы и текучаго—по растяжимости своей на землѣ. Когда же огонь исторгается изъ него обратно, тогда тѣснымъ имъ (огнемъ) ближайшій воздухъ,—ибо вслѣдъ огонь выходитъ не въ пустоту,—гонитъ еще подвижную жидкую массу въ мѣста, которыя занималъ огонь и смѣшиваетъ ее съ нимъ. И масса, сжимаясь подъ этимъ давленіемъ и, за удаленіемъ причины неравномерности—огня, получая снова равномерность, приходитъ опять къ тождеству съ собою. Это удаленіе огня называется у насъ охлажденіемъ, а сжатіе массы, вслѣдъ за удаленіемъ огня, какъ бы оледененіемъ. Но изъ всего того, что назвали мы

В. плавкими водами, плотнѣе другихъ и изъ частей наиболѣе тонкихъ и равномерныхъ сложилось, процѣживаясь черезъ камни, золото,—одновидный родъ, принявшій блестящій желтый цвѣтъ,—наиболѣе чтимая у насъ цѣнность. Отрасль же золота, вслѣдствіе своей плотности очень твердая и чернаго цвѣта, называется адамантомъ ¹. Нѣчто близкое къ золоту по составнымъ частямъ, но представляющее болѣе одного вида, а по плотности стоящее еще выше золота, принявшее въ себя, чтобы быть тверже, малую и тонкую часть

С. земли, но, вслѣдствіе большихъ внутри промежутковъ, болѣе, по сравненію съ нимъ, легкое и составившее собою одинъ изъ родовъ блестящей затвердѣвшей воды есть мѣдъ; то же, что примѣшалось къ нему изъ земли,—когда

¹ Подъ словомъ ἀδάμας (отъ словъ ἀ, даμάω,—собственно «несмягчимый») разумѣлся у древнихъ видъ очень твердаго желѣза, который находили они вмѣстѣ съ золотомъ (см. Plin. Histor. natur. XXXVII, 4). Вотъ почему онъ называется у Платона «отраслью золота» (χρυσού ὄζος). Въ приложеніи же къ алмазу едва ли не первый употребилъ это слово Теофрастъ (De lapid. § 19).—Ср. Politic. p. 303 E; Epist. I, p. 310 A.

отъ давности оба рода опять отдѣлятся одинъ отъ другаго и примѣсь оказывается явно чѣмъ-то особымъ,—называется ржавчиною. Вовсе не трудно дать себѣ отчетъ и въ другихъ такого рода явленіяхъ, если держаться началъ сужденія вѣроятнаго. И кто, ради отдыха, отложивъ разсужденія о вѣчно существующемъ, доставилъ бы себѣ это невинное удовольствіе—соображать вѣроятнос по отношенію къ вещамъ раждаемымъ, тотъ создастъ для себя въ жизни развлеченіе порядочное и разумное. Предавшись ему и въ настоящемъ случаѣ, мы вслѣдъ за симъ изложимъ, что есть вѣроятнаго далѣе по отношенію къ тѣмъ вещамъ. Вода, въ смѣшеніи съ огнемъ, отличаясь тонкостью и подвижностью, отъ своей способности къ движенію и отъ пути, который пролагаетъ по землѣ, получаетъ названіе жидкой¹; также мягкой—оттого, что основанія ея, не столь твердые, какъ у земли, легче подаются. Когда же вода, отдѣлившись отъ огня, обособится также отъ воздуха, и сдѣлается равномернѣе, она, подъ давленіемъ выдѣлившихся изъ нея частей, сжимается сама въ себѣ, и такимъ образомъ окрѣпнувъ, если приходитъ въ это состояніе надъ землею, называется обыкновенно градомъ, а на землѣ—льдомъ; когда же окрѣпнетъ менѣе, и только вполовину, то надъ землею опять—снѣгомъ, а на землѣ, гдѣ образуется изъ росы,—инеемъ. Затѣмъ, множество разновидностей воды, смѣшавшихся между собою, которыя просачиваются чрезъ выходящія изъ земли растенія, получаютъ, какъ цѣлый особый родъ, названіе *соковъ*. Отличаясь, по различію смѣсей, одинъ отъ другаго, соки эти представляютъ много и другихъ, не имѣющихъ имени родовъ, но четыре изъ нихъ,—разновидности огненной природы и по большей части прозрачныя, получили особыя названія: это, во первыхъ, *вино*, согрѣвающее душу вмѣстѣ съ тѣломъ; затѣмъ, родъ гладкій, легко

¹ Жидкой,—ὕγρον λέγεται. Словомъ жидкій дѣлается какъ будто намекомъ на глаголь ὕω (проливаю), въ которомъ заключается отчасти понятіе движенія.

воспринимаемый зрѣніемъ и потому свѣтлый на видъ, блестящій и лоснящійся,—родъ именно *маслянистый*, т. е. смола, конопъ, самое масло и другія вещества того же свойства; далѣе, то, что пріятно размягчаетъ соединенные въ устахъ органы вкуса, производя этимъ способомъ впечатлѣніе сладости, и носить по преимуществу общее имя *меда*;—наконецъ, отдѣльный отъ всѣхъ соковъ, пѣнистый родъ, разлагающій тѣло жженіемъ, который называется *опосъ*¹.

Что касается видовъ земли, то пропитанная водою земля обращается въ каменное тѣло такимъ образомъ. Когда примѣшавшаяся къ землѣ вода распустится, въ смѣшеніи она принимаетъ видъ воздуха, а образовавшійся воздухъ стремится вверхъ, на принадлежащее ему мѣсто. Но пустоты въ стихіяхъ нѣтъ; поэтому онъ долженъ потѣснить воздухъ сосѣдній, а этоть, какъ тѣло тяжелое, подавшись и излившись на массу земли, сильно ее сдавить и вгонить въ тѣ помѣщенія, изъ которыхъ вышелъ новообразовавшійся воздухъ. Сдавленная воздухомъ настолько, что ужъ не разрѣшается водою, земля становится камнемъ—болѣе красивымъ, если, отъ равенства и равномерности частей, онъ выходитъ прозрачнымъ, и менѣе красивымъ—въ противномъ

¹ ὀπός вообще значить растительное молоко, или тотъ молочнаго вида,—«пѣнистый», по выраженію Платона, сокъ, который даютъ нѣкоторыя растенія. Въ частности, этимъ именемъ означался собственно сокъ растенія *σίλφιου* (у римлянъ *laser*, *lasergritium*), который разумѣется, по видимому, и въ данномъ случаѣ. Но о *σίλφιου* намъ извѣстно очень немного, и признаки, которыми характеризуется оно у древнихъ писателей такъ неопредѣленны и шатки, что мы не можемъ съ увѣренностью сказать, какое изъ извѣстныхъ намъ растеній разумѣли они подъ этимъ именемъ (см. описаніе его вида и свойствъ у Плинія М. л.—*Hist. nat.* XIX, 3; XXII, 23; также *Dioscor.* III, 94; намеки, напр., у Аристоф. *Aves*, v. 1475, *Equit.* v. 837). Многіе останавливаются на предположеніи, что это такъ называемое у насъ *assa foetida*. Во всякомъ случаѣ, сокъ *σίλφιου* принадлежалъ къ числу ѣдкихъ и острыхъ растительныхъ веществъ. Этимъ условливается то положеніе, которое даетъ ему Платонъ въ ряду другихъ растительныхъ соковъ. Послѣ началъ спиртнаго, маслянистаго и сахаристаго, въ ихъ представителяхъ—винѣ, маслѣ и медѣ, оставалось еще выдѣлить начало острое (уксусъ), представителемъ котораго и является у Платона ὀπός.

случаѣ. Но когда, подѣ быстрымъ дѣйствіемъ огня, земля теряетъ всю влагу и принимаетъ болѣе хрупкій, противу того вида, составъ, является родъ, которому мы дали названіе глины. Бываетъ также, что земля расплавится отъ огня, пока еще остается влага,—тогда, по охлажденіи, она становится камнемъ, имѣющимъ чернѣйшій цвѣтъ ¹. И наконецъ, когда вещество, такимъ же точно образомъ отрѣшившееся, послѣ смѣшенія, отъ избытка воды; оказывается, вслѣдствіе большой тонкости земляныхъ частицъ, солонатовымъ, отвердѣваетъ не вполне и сохраняетъ способность снова распускаться подѣ дѣйствіемъ воды, тогда является частію родъ *селитры*, имѣющей свойство очищать масло и землю ², частію же боголюбное ³, по общепринятому мнѣнію, тѣло *соли*, которое такъ пріятно удовлетворяетъ ⁴ сосредоточенные во рту органы вкуса.

Тѣла, состоящія изъ этихъ двухъ началъ ⁴, нерастворимыя въ водѣ и уступающія лишь огню,—держатся такъ крѣпко вотъ по какой причинѣ. Огонь и воздухъ не расплавляютъ массъ земли; потому что въ отдѣльныхъ своихъ частицахъ оказываются гораздо мельче пустыхъ промежутковъ въ ея строеніи и проходятъ чрезъ нее широкимъ путемъ, безъ всякаго усилія, такъ что, оставляя землю неразрѣшенной, и не плавятъ ея; напротивъ, вода, такъ какъ частицы ея по природѣ крупнѣе и пролагаютъ себѣ этотъ

¹ Сказавъ уже о камняхъ вообще, Платонъ выдѣляетъ затѣмъ изъ породы этихъ тѣлъ «камень, имѣющій чернѣйшій цвѣтъ» (τὸ μέλαν χροῖμα ἔχον λίθος). Последній, какъ можно заключать изъ контекста, противопоставляется ближайшимъ образомъ глинянѣ, причемъ характеристическимъ признакомъ той и другой породы принимается, вѣроятно, цвѣтъ,—ибо извѣстно, что къ категоріи глины. (κέρατος) древніе относили также и всѣ мѣловые образованія, отличающіяся бѣлымъ цвѣтомъ. По мнѣнію Штальбаума, напрасно будетъ задаваться вопросомъ, не разумѣлъ ли Платонъ подѣ «чернымъ камнемъ» какую нибудь особую породу, настолько характерную, что о ней нельзя было не упомянуть особо. Если бъ это было такъ, слово λίθος было бы поставлено въ текстъ съ членомъ

² Объ употребленіи селитры въ древности см. Plin. Hist. nat. XXI, 10.

³ Платонъ намекаетъ на установившійся у грековъ обычай употреблять соль при жертвоприношеніяхъ.

⁴ Т. е., смѣшанныя изъ земли и воды.

61. путь насильно, разрѣшаетъ ее и плавить. Такимъ образомъ землю недостаточно плотную разрѣшаетъ насильно одна вода, плотную же не разрѣшаетъ ничто, кромѣ огня; ибо входъ въ нее доступенъ только огню. Далѣе, составъ воды наиболѣе сжатый распускаетъ только огонь, а относительно слабый—обѣ стихіи, огонь и воздухъ: причемъ первый дѣлать по промежуткамъ, а послѣдній даже по трехугольникамъ. Насильственно сжатый воздухъ ничто не разрѣшаетъ обратно на основныя формы ¹, а не насилуемый расплавляется однимъ огнемъ. Что же касается тѣлъ, смѣшанныхъ изъ земли и воды, то, пока вода держится въ насильно занятыхъ ею промежуткахъ земли, части воды, прибывающія
- В. отвнѣ, не находя доступа въ самую землю, обтекають кругомъ ея массу и оставляють ее не размягченной; но части огня входятъ въ промежутки воды,—причемъ огонь дѣйствуетъ на воздухъ точно такъ же, какъ вода на землю,—и становится единственною причиною того, что составное (изъ земли и воды) тѣло расплавляется и течетъ. Бываютъ между этими тѣлами такія, что содержатъ меньше воды, чѣмъ земли,—это весь родъ стеклообразный и то, что зовется плавкими видами камней; и такія опять, въ которыхъ больше воды,—все, что слагается по образу восковидныхъ и ароматическихъ тѣлъ.
- С.

Такъ вотъ и формы, и всѣ виды, въ разнообразіи ихъ соединеній и превращеній изъ одного въ другой, у насъ почти уже показаны; затѣмъ надобно постараться выяснитъ, отъ какихъ причинъ происходятъ ихъ свойства ². Но вѣдь, прежде всего, въ основаніи нашихъ сужденій лежитъ непремѣнно чувство; между тѣмъ мы еще не разсмотрѣли ни происхожденія плоти и того, что къ ней отно-

¹ Мы принимаемъ, вмѣстѣ съ Астомъ, Линдау и Штальбаумомъ, чтеніе: οὐδὲν λόγι πάλιν (вм. πλῆν) κατὰ τὸ στοιχεῖον. Можно бы также читать, вмѣсто πλῆν, πλέων,—что значило бы: aegem vi compressum nihil amplius solvit in etc.

² Т. е., какимъ образомъ тѣла вызываютъ въ насъ тѣ или другія впечатлѣнія.

сится, ни происхожденія души, поскольку она смертна ¹. И выходитъ такъ, что ни этого нельзя объяснить удовле- D. творительно, безъ тѣхъ свойствъ, воспринимаемыхъ чувствами, ни этихъ послѣднихъ безъ того; а то и другое раскрывать вмѣстѣ почти невозможно. Такъ предварительно надо выставить лишь предположеніе по одному изъ вопросовъ; впослѣдствіи же мы опять вернемся къ предположенному. И чтобы представить свойства въ ихъ послѣдовательности по родамъ, пусть будутъ у насъ первыми тѣ, что касаются тѣла и души. И такъ, во первыхъ, отчего огонь называется у насъ теплымъ? Разсмотримъ это такимъ образомъ,—принявъ именно въ соображеніе то разлагающее и рѣжущее дѣйствіе, которое оказываетъ онъ на наше тѣ- Е. ло. А что при этомъ испытывается нѣчто острое,—это почти всѣ мы чувствуемъ. Надо принять въ расчетъ тонкость его сторонъ и остроту угловъ, также мелкость частей и быстроту движенія,—качества, благодаря которымъ онъ становится сильнымъ и рѣзкимъ и тонко разсѣкаетъ всегда все встрѣчающееся,—также припомнить происхожденіе его фи- 62. гуры, имѣя въ виду, что преимущественно эта, а не иная природа, разлагаетъ и дробитъ на мелкія части наши тѣла,—и представится вѣроятнымъ, что она-то и произвела то, что называется теперь теплотою,—какъ самое свойство, такъ и его имя ². Противоположное этому явленіе намъ хорошо извѣстно; но пусть и оно не останется безъ объясненія. Влага, что окружаетъ наше тѣло, состоящая изъ болѣе крупныхъ частей, привходитъ въ тѣло и оттѣсняетъ влагу, по составу болѣе мелкую; но, не будучи въ состояніи про- В никнуть на ея мѣсто, она сжимаетъ нашу влагу и, дѣлая ее изъ неравномѣрной и подвижной, отъ равномѣрности и стѣсненія, недвижимою, сообщаетъ ей плотность. Сжатая

¹ Т. е., чувственной природы души.

² Слово θερμός производится, очевидно, изъ слова θερός (зной), составляющаго почти синонимъ огню.

же вопреки своей природѣ влага борется, по требованію своей природы, стремясь привести самой себя въ состояніе противное. Этой-то борьбѣ и этому сотрясенію дано имя дрожи и озноба, а все это состояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его производитъ, названо холодомъ.

Далѣе, твердымъ почитается то, чему уступаетъ наша плоть; а мягкимъ—то, что уступаетъ плоти. Такъ и всѣ предметы по отношенію другъ къ другу. Но уступаетъ все, что движется на маломъ основаніи; напротивъ, тѣла, сложенныя изъ основаній четвероугольныхъ, способныя къ твердому движенію, представляютъ собою видъ самый упорный, который, достигнувъ наибольшей плотности, обнаруживаетъ и особенно сильную упругость.

Понятіе о тяжеломъ и легкомъ лучше всего выяснится, если его изслѣдуемъ въ связи съ природою того, что называется верхомъ и низомъ. Вѣдь совершенно несправедливо мнѣніе, будто есть какія-то два взаимно противоположныя по природѣ мѣста, которыя дѣлятъ вселенную на двѣ половины,—именно, низъ, куда стремится все, что имѣетъ нѣкоторую тѣлесную массивность, и верхъ, куда все поднимается насильственно; ибо, какъ скоро небо въ своемъ цѣломъ сферовидно, все, что образовано въ равномъ разстояніи отъ середины, должно по природѣ быть одинаково оконечностью, а серединою надо считать то, что занимаетъ мѣсто всѣмъ оконечностямъ противоположное, удаляясь отъ нихъ на одну и ту же мѣру протяженія. Если же таковы естественныя свойства космоса, то допускающій помянутыя понятія о «верхѣ» и «низѣ» не прилагаетъ ли къ вещамъ Е. имена, какъ мы въ правѣ думать, вовсе не подходящія? Ибо о среднемъ въ немъ (космосѣ) мѣстѣ нельзя съ полнымъ основаніемъ сказать, что оно находится внизу или вверху,—оно въ срединѣ; а объ окружности—ни что она въ срединѣ, ни что можетъ содержать ту или другую часть, которая отклонялась бы отъ нея по направленію къ срединѣ болѣе, нежели какая либо изъ частей противолежа-

щихъ. Такъ можно ли тому, что во всѣхъ своихъ частностяхъ является одинаковымъ, придавать имена, одно другому противоположныя, и какимъ это образомъ,—если кто ^{63.} хочетъ судить здраво? Вѣдь если бы въ срединѣ вселенной даже находилось что нибудь твердое, само въ себѣ равновѣсное,—оно, по совершенному равенству оконечностей, не потянуло бы ни къ которой изъ нихъ. Но тотъ, кто ходилъ бы кругомъ по этому твердому тѣлу, нерѣдко, становясь антиподомъ самого себя, называлъ бы на немъ одно и то же мѣсто и верхнимъ и нижнимъ. Вѣдь если цѣлое-то, какъ мы сейчасъ сказали, сферовидно, то противно будетъ разсудку говорить, что одно его мѣсто ниже, другое выше. А откуда же взялись эти выраженія и отъ какого расположенія предметовъ,—что мы привыкли допускать подобное дѣленіе, говоря даже о цѣломъ небѣ?—Чтобы В. согласиться на этотъ счетъ, предположимъ вотъ что. Если бы кто находился въ томъ мѣстѣ вселенной, которое досталось въ удѣлъ по преимуществу природѣ огня, и гдѣ должны быть сосредоточены наибольшія его массы, къ которымъ онъ стремится;—если бы кто, утвердившись надъ тѣмъ мѣстомъ и обладая достаточной для того силой, отдѣлилъ нѣкоторыя части огня, положилъ на вѣсы и, поднимая коромысло, повлекъ огонь насильственно въ среду несроднаго ему воздуха; то, очевидно, меньшую часть огня онъ осилилъ бы легче, чѣмъ бѣольшую. Ибо когда двѣ вещи поднимаетъ одновременно одна и та же сила, меньшая, неизбѣжно, скорѣе, а бѣольшая слабѣе подчиняется, при этой тягѣ, насилію,—и про болѣе массивную говорятъ, что она тяжела и стремится книзу, а про мелкую,—что легка и вверхъ. Но мы должны себя уличить, что то же самое дѣлаемъ и на этомъ мѣстѣ ^{1.} Вѣдь, ходя по землѣ, мы отдѣляемъ отъ нея земляныя породы, а иногда и самую землю насильственно и вопреки природѣ увлекаемъ въ среду

¹ Т. е., на землѣ.

- неподобнаго ей воздуха, тогда какъ изъ обѣихъ этихъ стихій каждая стремится къ тому, что ей сродно. Но этому принужденію войти въ среду неподобную скорѣе и легче крупнаго уступаетъ мелкое; и вотъ мы назвали его легкимъ, а мѣсто, въ которое его увлекаемъ,—верхнимъ, противоположное же тому—тяжелымъ и нижнимъ. Все необходимо бываетъ такимъ относительно, оттого именно, что многочисленные роды могутъ занимать мѣста взаимно противоположныя: такъ, мы найдемъ, что легкое въ одномъ мѣстѣ и легкое въ другомъ, также тяжелое и тяжелое, нижнее и нижнее, верхнее и верхнее, все образуется и существуетъ,
- В. одно по отношенію къ другому, въ противоположномъ, косвенномъ и самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Но въ отношеніи ко всѣмъ имъ надо имѣть въ виду одно,—что именно отъ стремленія къ началу родственному, которое присуще каждому роду, становится родъ въ своемъ стремленіи тяжелымъ, а мѣсто, куда онъ стремится, нижнимъ, и обратное тому—обратнымъ. Такъ для этихъ собственно свойствъ пусть будутъ положены у насъ эти причины.

Причину гладкости и шероховатости всякій, должно быть, замѣчаетъ и былъ бы въ состояніи объяснить ее другому: одно-то вѣдь свойство производитъ жесткость въ смѣшеніи съ неравномѣрностію, а другое—равномѣрность, соединенная съ плотностію.

64. Послѣ того, что мы разсмотрѣли, изъ общихъ, относящихся до всего тѣла свойствъ, остается еще важнѣйшее—причина впечатлѣній пріятныхъ и тяжелыхъ, то, что создаетъ ощущенія, при посредствѣ частицъ нашего тѣла, и содержитъ въ себѣ сопровождающія ихъ скорби и удовольствія. Но причины всякаго воспринимаемаго и не воспринимаемаго чувствомъ свойства мы поймемъ, когда припомнимъ, что различали прежде подъ видомъ природы подвижной и неудободвижимой¹,—ибо этимъ именно путемъ надле-

¹ См. р. 54 В sqq.

жить намъ преслѣдовать все, что думаемъ теперь уловить. Вѣдь подвижное-то по природѣ, если подвергается даже и мимолетному воздѣйствию, выдѣляетъ кругомъ по частицѣ другимъ частицамъ, которыя, въ свою очередь, дѣлаютъ то же самое, пока наконецъ, дошедши до начала разумнаго, не выражаютъ ему силы дѣятеля. Противное же тому, по своей косности, не подаваясь никуда кругомъ, страдаетъ одно, и ничего посторонняго въ сосѣдствѣ своемъ не движеть; такъ что, безъ выдѣленія частицъ, однѣхъ въ другія, первоначальное впечатлѣніе не переходитъ изъ нихъ во все животное и не даетъ ему воспринять чувствомъ испытанное. Это бываетъ съ костями, волосами и со всѣми другими, какія въ насъ есть, землистыми по преимуществу частями; а сказанное передъ этимъ примѣняется главнымъ образомъ къ зрѣнію и слуху, ибо въ нихъ сильнѣйшими дѣятелями являются огонь и воздухъ ¹.—Такъ чувства удовольствія и скорби надо представлять себѣ такимъ образомъ. Впечатлѣніе, дѣйствующее разомъ—насилъственно и вопреки природѣ, бываетъ для насъ тяжело, а разомъ же наступающій затѣмъ возвратъ въ естественное состояніе пріятенъ; если дѣйствуетъ спокойно и постепенно, впечатлѣніе нечувствительно, если же обратнымъ тому образомъ, бываетъ обратнымъ. Все, дѣйствующее съ легкостію, воспринимается чувствомъ особенно живо, но ни скорби ни удовольствія не доставляетъ,—каковы, на примѣръ, впечатлѣнія того зрѣнія, о которомъ сказали мы раньше, что оно образуетъ у насъ днемъ связанное тѣло ². Вѣдь органу зрѣнія не причиняетъ боли сѣченіе, и жженіе, и все другое, что онъ испытываетъ, какъ не доставляетъ и удовольствія—если онъ возвращается Е.

¹ Воздухъ и огонь, наиболее тонкія и подвижныя изъ четырехъ стихій, являются очень важными дѣятелями въ процессы зрѣнія и слуха, такъ какъ первый проводитъ къ органу слуха звуки, а послѣдній есть источникъ того свѣта, вѣшняго и внутренняго, изъ которыхъ, по изложенной выше теоріи (р. 45 В sqq.), складается зрѣніе.

² См. р. 45 В, С.

къ прежнему состоянію; но получаютъ только сильнѣйшія и яснѣйшія ощущенія, посколькѣ онъ что либо выносить, или, направившись въ то или въ другое мѣсто, схватываетъ самъ; ибо разложеніе и соединеніе его частицъ совершается безъ всякаго насилія.—Части же тѣла, состоящія изъ болѣе крупныхъ частицъ, которыя съ трудомъ уступаютъ тому, что на нихъ дѣйствуетъ, однакожь передаютъ движеніе цѣ-
 65. лому, испытываютъ удовольствія и скорби: и именно скорби—когда выводятся изъ своей нормы, и удовольствія—когда возвращаются опять въ прежнее состояніе. То, что подвергается отливу и опустѣнію понемногу, восполняется же разомъ и въ избыткѣ, и что не чувствуетъ поэтому опустѣнія, но чувствуетъ полноту, не причиняетъ смертной части души скорбей, напротивъ, доставляетъ ей величайшія удовольствія;—это очевидно на благоуханіяхъ ¹. Но когда тѣла выходятъ изъ своей нормы разомъ, возвращаются же къ прежнему своему состоянію лишь съ трудомъ и поне-
 B. немногу, тогда все происходитъ обратно прежнему,—что обнаруживается ясно на прижиганіяхъ и сѣченіяхъ тѣла.

И такъ, объ общихъ для всего тѣла свойствахъ и о названіяхъ, присвоенныхъ тому, что ихъ производитъ, почти все сказано; теперь попытаемся, насколько возможно, раскрыть то, что происходитъ въ отдѣльныхъ частяхъ нашего тѣла,—и самыя впечатлѣнія, и причины, которыя ихъ про-
 C. изводятъ. И вотъ, во первыхъ, надо разяснить по возможности, что мы опустили выше, говоря о сокахъ, именно особенныя ихъ свойства по отношенію къ языку. По видимому, и они, какъ многое другое, происходятъ въ силу нѣкоторыхъ соединеній и разложеній, и притомъ больше, нежели что либо иное, условливаются шероховатостью и гладкостью. Ибо все то изъ природы частицъ землистыхъ, что
 D. проникаетъ въ жилки,—въ эти какъ бы проводники языка, протянутые къ сердцу,—и что, попадая во влажныя и нѣж-

¹ Ср. Phileb. p. 51 B, E.

ныя части плоти и распускаясь въ нихъ, стягиваетъ и иссушаетъ эти жилки, оказывается, если бываетъ нѣсколько шероховато, терпкимъ, а если менѣе шероховато,—горькимъ. Далѣе, тотъ родъ частицъ, что имѣетъ свойства чистительныя и смываетъ все съ языка,—если онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ выше мѣры и настолько сильно, что разлагаетъ самую его природу,—каково, на примѣръ, дѣйствіе селитры, —называется вообще ѣдкимъ. То же, что уступаетъ селитрѣ въ силѣ дѣйствія и проявляетъ чистительную способность умѣреннѣе, представляется намъ, при отсутствіи этой жесткой ѣдкости, даже пріятнымъ—соленымъ. Что вступаетъ въ общеніе съ теплою рта и умѣряется имъ, что занимаетъ теплою и обратно горячитъ согрѣвающее его, что отъ легкости поднимается вверхъ, къ органамъ чувства въ головѣ, и разлагаетъ все, съ чѣмъ встрѣчается,—все такое, благодаря этому своему дѣйствію, получило имя крѣпкаго. Бываетъ и такъ, что эти же частицы, обмельчавъ напередъ отъ гніенія, проникаютъ въ топкія жилки и соединяются въ извѣстной мѣрѣ съ находящимися тамъ частицами землистыми и воздушными, такъ что, давъ имъ движеніе другъ около друга, приводятъ ихъ въ смѣшеніе: въ смѣшеніи же эти частицы переталкиваются, одна проникаетъ въ другую, оставляя другъ друга полыми и окружая то, что въ нихъ привзошло; и вотъ, когда полая влага замыкаетъ въ себѣ воздухъ,—будетъ ли она чиста, или землистаго состава,—образуются влажные воздушные сосуды, въ видѣ полыхъ, шарообразныхъ капель воды, и однѣ изъ нихъ, прозрачныя, что смыкаются изъ чистой влаги, носятъ имя пузырей, а другія, что изъ землистой, которая притомъ волнуется и вздымается, получаютъ названіе броженія и кипѣнія; причина же такихъ свойствъ называется острою Впечатлѣніе, противоположное всѣмъ тѣмъ, о которыхъ сказано, происходитъ и отъ причины противоположной: когда, то есть, составъ привходящихъ въ жидкомъ видѣ веществъ бываетъ приспособленъ къ естественному состоя-

нію языка и, намащая его, уравниваетъ его шероховатость, а все то, что осѣло или разлилось по языку противъ требованій его природы, одно разводить, другое собираетъ, и приводитъ все въ положеніе, по возможности согласное съ его природой,—тогда такого рода врачеваніе насильственныхъ возбужденій, пріятное для всякаго, называется сладостью.

- D. Это все такъ. Что же касается дѣятельности ноздрей, то тутъ нѣтъ видовъ: ибо все, что относится къ запахамъ, имѣетъ половинную природу, и ни одной изъ стихій не дано должной соразмѣрности для того, чтобы издавать какой либо запахъ. Служаціе этому отправленію сосуды наши слишкомъ тѣсны для родовъ земли и воды, а для родовъ огня и воздуха слишкомъ широки: потому отъ этихъ родовъ никто никакого запаха не чувствуетъ; но запахи являются всегда, если что нибудь или растворяется, или гниетъ, или плавится, или курится. Вѣдь это бываетъ въ промежуткахъ, при переходѣ воды въ воздухъ, или воздуха въ воду, и всѣ вообще запахи суть дымъ или туманъ: туманъ—именно то изъ нихъ, что переходитъ изъ воздуха въ воду, а дымъ—что въ воздухъ изъ воды. Оттого всѣ запахи тонѣе воды и грубѣе воздуха. Это обнаруживается, когда почему либо точно сопрется дыханіе, и человѣкъ усиленно потянетъ въ себя духъ: ибо въ этомъ случаѣ не приходится съ нимъ никакого запаха, но притекаетъ одинъ, свободный отъ запаховъ, духъ. Такимъ образомъ являются лишь двѣ разновидности запаховъ, не имѣющія точнаго имени и
67. не содержація въ себѣ большаго числа простыхъ видовъ;—тутъ, очевидно, можетъ быть рѣчь только о двухъ родахъ: о пріятномъ и объ отвратительномъ. Последнее дѣйствуетъ раздражительно и тягостно на всю полость тѣла, лежащую у насъ между теменемъ головы и пупкомъ; а первое, напротивъ, успокоиваетъ ее и пріятнымъ образомъ приводитъ ее снова въ согласіе въ природу.

Разсматривая область слуха какъ третій отдѣлъ нашего

чувства, мы должны сказать, отъ какихъ причинъ происхо- В.
дятъ относящіяся сюда явленія. Итакъ, звукъ будемъ
считать вообще за ударъ, черезъ уши, посредствомъ воз-
духа, мозга и крови, передаваемый душѣ, а за слухъ
—возбуждаемое имъ движеніе, идущее отъ головы и
оканчивающееся въ области печени ¹. И быстрый ударъ
будетъ высокимъ звукомъ, а медленный—низкимъ, равно- С.
мѣрный—ровнымъ и мягкимъ, а противный тому—рѣз-
кимъ, сильный—громкимъ, а противоположный сильному
—слабымъ. Что же касается сочетанія звуковъ, то гово-
рить о немъ надо въ связи съ тѣмъ, что еще будетъ
сказано впоследствии.

Остается намъ разнять еще четвертый родъ чувства,—
родъ, содержащій въ себѣ множество разновидностей, ко-
торныя, всѣ въ совокупности, называемъ мы именемъ цвѣ-
товъ: это—пламя, истекающее отъ каждаго изъ тѣлъ, ко-
торому, чтобы оно воспринималось чувствомъ, даны сораз-
мѣрныя зрѣнію частицы. На счетъ зрѣнія было уже гово- D.
рено раньше, отъ какихъ причинъ оно происходитъ; такъ
теперь, относительно цвѣтовъ, будетъ всего правдоподобнѣе
и приличнѣе разсуждать такимъ образомъ. Тѣ частицы, что
несутся отъ различныхъ предметовъ и падаютъ на зрачокъ,
должны быть однѣ меньше, другія больше, а нѣкоторыя
равны частямъ самаго зрачка. Части равныя не ощутимы,
почему мы и называемъ ихъ прозрачными, а части бѣль- E.
шія и меньшія—однѣ суживаютъ, другія расширяютъ зра-
чокъ, такъ что родственны тѣмъ частицамъ, которыя по
отношенію къ плоти оказываются теплыми и холодными, а
по отношенію къ языку—терпкими и горячащими, или,
какъ мы назвали ихъ за это свойство, крѣпкими ²; бѣлыя
и черныя выражаютъ эти же самыя дѣйствія въ другой

¹ Слухъ обнимаетъ такимъ образомъ всѣ три органа души,—голову, сердце
и печень,—о которыхъ говорится ниже, р. 69 sqq.

² См. р. 65 E —66 A.

области чувства и только потому представляются иными. Мы должны, слѣдовательно, означать это такимъ образомъ: Чтò расширяеть зрачокъ, есть *бѣлое*, а противное тому—*черное*. Болѣе же быстрое стремленіе огня, и притомъ огня чуждаго, которое, поражая зрачокъ, расширяеть его до самаго глазнаго овала, насильственно раздвигаетъ и расплавляетъ самые проходы глазъ, исторгая оттуда смѣсь огня и воды, называемую у насъ слезами, само же по себѣ есть одинъ огонь, въ столкновеніи противоположныхъ своихъ теченій, когда съ одной стороны онъ исторгается какъ бы молніею, съ другой проникаетъ впередъ и гаснетъ во влагѣ, причеиъ изъ этого смѣшенія возникаютъ различные цвѣта,—такое состояніе называемъ мы блескомъ, а то, что его производитъ—блестящимъ и свѣтлымъ. Родъ огня, средній между этими, который достигаетъ влаги очей и смѣшивается съ нею, но не блеститъ, а издаетъ сіяніе чрезъ влагу, представляющее, отъ примѣси къ ней огня, цвѣтъ крови, мы называемъ багровымъ. Цвѣтъ сіяющій, въ смѣшеніи съ багровымъ и бѣлымъ, образуетъ ярко-желтый (алый). Но означать, въ какой мѣрѣ привходитъ каждый, если бы мы это и знали, не имѣло бы смысла, ибо никто не могъ бы объяснить это удовлетворительно изъ какихъ либо необходимыхъ или хотя вѣроятныхъ основаній. Цвѣтъ багровый, въ смѣшеніи съ чернымъ и бѣлымъ, даетъ пурпуровый; затѣиъ, темнобурыи,—когда эта смѣсь будетъ подожжена ¹, да будетъ прибавлено къ ней побольше чернаго. Цвѣтъ красный происходитъ изъ смѣси ярко-желтаго и сѣраго, сѣрый—изъ смѣси чернаго и бѣлаго, а блѣдно-желтый—изъ смѣшенія бѣлаго и яркожелтаго. Когда съ сіяющимъ сочетается бѣлый, и эта смѣсь сойдется съ густымъ чернымъ,—получается цвѣтъ синій, отъ смѣшенія синяго и

¹ G ö t h e. Farbenlehre: «Aus verbranntem Purpur und Schwarz entsteht nach Platon und Aristoteles das ὄρφινον, die Farbe des Rauchtropases, wie im Lateinischen das verwandte f u r v u m oft nur in der allgemeinen Bedeutung des Schwarzen und Dunkeln gebracht wird».

блага—голубой, а краснаго и чернаго—зеленый. По этимъ цвѣтамъ можно судить и объ остальныхъ, изъ какой смѣси со всею вѣроятностію долженъ произойти тотъ или другой. D. Но кто пытался бы изъяснить эти вещи путемъ опыта, тотъ упускалъ бы изъ виду различіе между человѣческою и Божескою природою: потому что Богъ, обладая знаніемъ и могуществомъ, можетъ и многое смѣшивать въ одно и опять одно разрѣшать на многое; а изъ людей никто не въ состояніи сдѣлать ни того ни другаго, ни теперь, ни когда либо въ послѣдующія времена. E.

Все, что вытекаетъ такимъ же точно образомъ изъ природы необходимости, Зиждитель прекраснаго и наилучшаго воспринималъ тогда въ бытномъ, создавая этого самодовлѣющаго и совершеннѣйшаго бога; но, пользуясь при этомъ подходящими служебными причинами, онъ высшее устройство всего бытнаго предоставлялъ себѣ. Поэтому надо различать два вида причины: причину необходимую и причину божественную; и божественной надо искать во всемъ, чтобы достигнуть блаженной жизни, насколько допускаетъ ее наша природа, а ради этого искать также и необходимой,— 69. имѣя въ виду, что, безъ послѣдней, и самая та причина, которой мы добиваемся, не можетъ быть ни мыслима, ни постигнута, ни какъ либо иначе быть намъ доступна.

Такъ какъ теперь предъ нами, будто строевой матеріалъ передъ плотниками, лежатъ уже готовые роды причинъ, изъ которыхъ и предстоить намъ сложить дальнѣйшее рассужденіе, то возвратимся вкратцѣ опять къ началу, перенесемъ быстро къ тому, отъ чего пришли сюда, и постараемся приладить къ нашему разсказу уже послѣднюю, заключительную главу, которая увѣнчала бы собою наши прежнія положенія. И такъ, въ самомъ началѣ было сказано, что, когда все находилось еще въ безпорядкѣ, Богъ придалъ каждой стихіи извѣстную соразмѣрность какъ въ самой себѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ стихіямъ, въ силу чего и открылась возможность взаимнаго между ними соотноше-

- нія и согласія. Ибо вѣдь тогда ничто не было этому причастно, развѣ только случаемъ, и ни одна изъ вещей, называемыхъ нынѣ такъ или иначе, каковы, напр., огонь, вода и другія, не заслуживала вообще какого либо имени. Но онъ сперва все эго устроилъ, а потомъ составилъ изъ всего эту вселенную, единое животное, содержащее въ себѣ всѣхъ животныхъ, смертныхъ и бессмертныхъ. И зодчимъ существъ божественныхъ былъ онъ самъ, а сотворить породу смертныхъ поручилъ своимъ созданіямъ. Эти же, по подражанію ему, воспринявъ бессмертное начало души, обернули его смертнымъ тѣломъ, предали все тѣло душѣ, какъ бы колесницу, и образовали въ немъ еще иной видъ души—смертный, вмѣщающій въ себѣ могучія, неизбѣжныя страсти: во первыхъ, удовольствіе—сильнѣйшую приманку къ злу, потомъ, скорби—гонители благъ, далѣе, отвагу и робость—этихъ двухъ опрометчивыхъ совѣтниковъ, наконецъ, неудержимый гнѣвъ и обманчивую надежду. Смѣшавъ эти страсти, по необходимости, съ несмысленною впечатлительностью и на все предприимчивой любовью, они составили такимъ образомъ смертную часть души. Но при этомъ, страшась осквернить, безъ всякой въ томъ необходимости, часть божественную, они поселили смертную отдѣльно отъ нея, въ особую тѣлесную обитель, и построили перешеекъ и границу между головой и грудью, помѣстивъ въ промежутокъ шею, чтобы разобщить ихъ. Въ грудь, или въ такъ называемый панцырникъ, ввели они смертный родъ души; а такъ какъ въ этой душѣ одно по природѣ лучше, другое хуже, то разгородили опять и полость панцырника, какъ бы раздѣляя половины женскую и мужскую, и преградою между ними положили грудобрюшную перепонку. Причастную мужества и отваги,—бранелюбивую часть души, помѣстили они ближе къ головѣ, между перепонкою и шеєю, чтобы, внимая уму, она, общими съ нимъ силами, сдерживала родъ пожеланій, если бъ тотъ не хотѣлъ никакъ добровольно подчиняться повелѣнію и слову, выходящимъ изъ акрополя. А

сердце,—узелъ всѣхъ жилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ быстро льющейся по всѣмъ членамъ крови,—поставили на В. постъ стража, чтобы въ случаяхъ, когда вдругъ разгорится неистовство страсти, по поводу ли какого нибудь несправедливаго дѣйствія извнѣ, или въ силу одного изъ внутреннихъ пожеланій, все, что имѣеть въ тѣлѣ способность чувствовать и доступно внушеніямъ и угрозамъ, тотчасъ покорялось, по призыву ума, и устремлялось всюду по этимъ узкимъ ходамъ, давая возможность управлять всѣмъ этимъ началу наилучшему. Затѣмъ, изыскивая средство противъ С. біенія сердца, въ случаяхъ ожиданія чего нибудь страшнаго и возбужденія страсти, и зная напередъ, что всякій такой приростъ страсти будетъ зависѣть отъ дѣйствія огня, боги произрастили въ груди природу легкихъ, которыя сначала мягки и безкровны, а затѣмъ, подобно губкѣ, пронизываются сквозными порами, для того, чтобы, принимая въ себя воздухъ и питье, легкія прохлаждали сердце и, въ воспаленномъ состояніи, доставляли ему успокоеніе и облегченіе. D. И съ этой-то цѣлю проложили они къ легкимъ каналы горла, и самыя легкія, какъ мягкія пружины, размѣстили около сердца, дабы въ то время, какъ возрастетъ въ сердцѣ страсть, оно, ударяясь о тѣло подающееся, и охлаждаясь, умѣряло свои движенія и въ состояніи страсти могло легче покоряться уму. Часть же души, требующую пищи, питья и всего что для нея нужно по природѣ тѣла, поселили они между грудобрюшною перепонкой и предѣлами, лежащими въ направленіи къ пупку, устроивъ во всей этой области какъ бы ясли, E. для кормленія тѣла; и здѣсь такого рода душевность привязали они, какъ бы дикую скотину, кормить которую, доколѣ она на привязи, необходимо, если ужъ долженъ существовать смертный родъ. И именно для того, чтобы, питаясь всегда у яслей, она находилась сколько можно далѣе отъ части правительственной, чтобы производила такимъ образомъ какъ можно менѣе шуму и крику и давала началу высшему возможность спокойно обдумывать рѣшенія, полез-

71. ныя для всѣхъ частей вообще,—съ этою именно цѣлю боги опредѣлили ей и это мѣсто. Но зная это животное,—зная, что оно не пойметъ внушеній разума, а если и причастно будетъ нѣкотораго чувства, то все же ему не свойственно, по природѣ, заботиться о чемъ нибудь разумномъ, и что будетъ оно дни и ночи увлекаться лишь призраками и мечтами,—сообразивъ это, Богъ связалъ съ нимъ природу
- В. печени, и помѣстилъ ее въ его же жилищѣ. Онъ устроилъ ее плотной, гладкой, блестящей и сладкой, но съ нѣкоторымъ придаткомъ горечи,—дабы нисходящая изъ ума сила помысла, въ ней, будто въ зеркалѣ, воспринимающемъ формы и передающемъ зрѣнію ихъ образы, устрашала собою то животное, причемъ, пользуясь прирожденною долею горечи, въ видахъ угрозы, распускала ее внезапно по всей печени и наводила (на нее) желчный цвѣтъ, сжимая, всю ее
- С. дѣлала морщинистой и шероховатой, а лопасть печени, приемники ея и ворота ¹ частію выводила изъ ихъ естественнаго положенія и стягивала, частію заваливала и запирала, причиняя тѣмъ сильныя боли и тоску. Когда же нѣкоторымъ какъ бы наитіемъ кротости, исходящимъ изъ ума, вызваны будутъ видѣнія совершенно обратныя, тогда эта сила помысла должна, съ одной стороны, успокоивать горечь, уже въ силу того, что не можетъ естественно ни приводить въ движеніе, ни касаться противной себѣ природы, а съ другой—дѣйствовать на животное прирожденною печени сладостію, выпрямлять, сглаживать и приводить въ естественное положеніе всѣ части органа, прояснять и смягчать поселенную

¹ Упечени различаютъ, какъ извѣстно, нѣсколько лопастей. Платонъ разумѣетъ, конечно, самую большую изъ нихъ, такъ называемую *lobus dexterus* (у римлянъ *scut exterum*), которая у грековъ играла особенно важную роль при волхвованіяхъ и носила имя *λοβός* по преимуществу. Ворота и печени (*fossa transversa* в. *porta hepatis*) называется центральное ея углубленіе, чрезъ которое проходятъ воротная вена (*vena portae*) и почти всѣ главные питающіе органъ сосуды. Приемники печени—желчный пузырь и нѣбольшія внутреннія полости, собирающія продукты ея дѣятельности.

около печени часть души, такъ чтобы она, не будучи причастна мысли и разума, пользовалась за то по ночамъ, когда ведетъ жизнь ровную, пророчественными сновидѣніями. Вѣдь создавшія насъ существа, помня волю Отца, который повелѣлъ имъ устроить смертную нашу природу какъ только могутъ лучше, усовершили даже и эту худшую нашу часть,—и вотъ, чтобы она входила такъ или иначе въ соприкосновеніе Е. съ истиной, помѣстили въ ней даръ пророчества. Есть и достаточное доказательство тому, что силу прозрѣнія Богъ присвоилъ именно человѣческому неразумію: ибо вѣдь никто въ трезвомъ состояніи ума не владѣетъ даромъ боговдохновеннаго и истиннаго прорицанія, а владѣютъ имъ люди либо тогда, какъ сила ихъ мышленія связана бываетъ сномъ, либо въ состояніи извращенія, приносимаго болѣзнію или извѣстнаго рода восторгомъ. Но затѣмъ дѣло человѣка мыслящаго—припомнить и обсудить, что изрекла ему, во снѣ или наяву, эта провѣщательная или боговдохновенная природа, и для всѣхъ, какія были, видѣній доискаться разгад- 72. ки, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ могутъ они означать что либо доброе или злое, въ будущемъ, прошедшемъ или настоящемъ. Человѣку же изступленному, пока онъ находится еще въ изступленіи, не дѣло судить о своихъ собственныхъ представленіяхъ и словахъ; вѣдь уже изстари совершенно справедливо говорится, что дѣлать и вмѣстѣ познавать свое дѣло и самого себя пристало только мудрецу. Потому-то и законъ поставилъ судіями боговдохновенныхъ В. пророчествъ особый классъ провозвѣстниковъ, хотя иные и ихъ самихъ называютъ пророками, вовсе не зная, что они лишь толкователи загадочныхъ изрѣченій и видѣній, и должны бы по всей справедливости называться не пророками собственно, а провозвѣстниками прорѣчествъ.—Такъ вотъ для чего печени дана такая природа и предоставлено то мѣсто, о которомъ говоримъ:—это для провѣщанія. И пока кто живетъ, его печень, тоже живая, представляетъ болѣе ясные знаки; лишившись же жизни, она становится темна С.

и даетъ провѣщанія не настолько отчетливыя, чтобы въ нихъ выражалось что нибудь ясно.

Устройство и положеніе части внутренностей, сосѣдней съ печенью и лежащей именно влѣво отъ нея, опредѣляются самымъ ея назначеніемъ—соблюдать печень постоянно свѣтлой и чистой: это какъ бы губка, приспособленная къ зеркалу и лежащая при немъ всегда наготовѣ. Потому-то, когда отъ болѣзни тѣла скопляются около печени какія либо нечистоты, пористое тѣло селезенки, чтобы очистить печень, вбираетъ ихъ всѣ въ себя, такъ какъ оно устроено D. пустымъ и безкровнымъ. Вслѣдствіе этого, наполняясь очищеннымъ, селезенка увеличивается въ объемъ и разбухаетъ; но затѣмъ, съ освобожденіемъ тѣла отъ нечистотъ, она опять сокращается и входитъ въ естественный свой объемъ.

Такъ вотъ что думаемъ мы о душѣ,—о томъ, что есть въ ней смертнаго и что божественнаго, и какимъ образомъ, въ связи съ какими частями и для чего то и другое начало помѣщены отдѣльно. Упорно отстаивать эти мысли, какъ сущую истину, стали бы мы развѣ тогда, если бы ихъ, по пословицѣ, подтвердилъ самъ Богъ. Но что положенія наши правдоподобны, это можемъ мы смѣло утверждать уже и E. теперь, прежде дальнѣйшаго изслѣдованія,—и утверждаемъ. Такимъ же точно образомъ мы рассмотримъ, что стоитъ за тѣмъ на очереди. А на очереди были у насъ прочія части тѣла,—именно вопросъ о ихъ устройствѣ. Всего вѣрнѣе, что части эти образованы по слѣдующему расчету.

Созидавшіе нашъ родъ существа знали будущую нашу невоздержность относительно питья и пищи,—знали, что мы, по жадности, будемъ потреблять (ихъ) далеко свыше 7. мѣры и необходимости. И вотъ, чтобы не послѣдовало быстрого разрушенія отъ болѣзней, и смертный родъ, еще недоразвитый, тотчасъ же не вымеръ, предвидѣвшіе это боги для остатковъ пищи и питья помѣстили въ такъ называемомъ нижнемъ чревѣ пріемникъ и намотали около него кишки,—въ той мысли, какъ бы скорый выходъ пищи

не заставилъ тѣло скоро и нуждаться въ другой, и приучивъ его къ ненасытной жадности, не сдѣлалъ всего нашего рода равнодушнымъ къ философіи и музамъ и непокорнымъ тому, что въ насъ есть самаго божественнаго.

Относительно костей, плоти и всякой подобной природы надо думать такъ. Начало всего этого есть мозгъ; потому в. что жизненные узлы, связывающія душу съ тѣломъ и поддерживающія смертный родъ, закрѣплены именно въ мозгу. Самый же мозгъ произошелъ изъ иныхъ началъ: такъ, именно, тѣ изъ простыхъ трехугольниковъ, которые, по своей твердости и ровности, были особенно способны къ совершенному образованію огня, воды, воздуха и земли, Богъ отдѣлилъ каждый отъ его рода, смѣшалъ ихъ между собою с. соразмѣрно и, въ намѣреніи образовать общій сѣмянникъ для всего смертнаго рода, произвелъ изъ нихъ мозгъ. Затѣмъ онъ посѣялъ въ мозгу и привязалъ къ нему роды душъ, и сколько формъ долженъ былъ тотъ имѣть, такихъ или другихъ по каждому виду, столько такихъ именно формъ, еще при самомъ началѣ дѣленія, выдѣлилъ онъ въ мозгу. И той части мозга, которая должна была, подобно нивѣ, содержать въ себѣ сѣмя божественное, далъ онъ форму со всѣхъ сторонъ закругленную и наименовалъ ее мозгомъ г- D. ловнымъ, потому что у каждаго окончательно созданнаго животнаго головѣ опредѣлено было служить для него сосудомъ. Мозгъ же, имѣвшій содержать въ себѣ остальную, смертную часть души, раздѣлилъ на фигуры и круглыя и продолговатыя, наименовалъ все это вообще мозгомъ, и отсюда, какъ отъ якорей, разбросавъ нити всей души, и напередъ прикрывъ его отовсюду плотнымъ костянымъ покровомъ, около всего этого создалъ уже и наше тѣло. А кость E. составилъ онъ такъ: просѣявъ землю, онъ напиталъ ее, въ этомъ чистомъ и тонкомъ видѣ, мозгомъ и смѣшалъ съ нимъ; затѣмъ эту смѣсь положилъ въ огонь, а послѣ того погрузилъ въ воду, далѣе—опять въ огонь, и опять въ воду, и переносилъ ее такимъ образомъ много разъ изъ одной стихіи

- въ другую, довелъ до того, что она не разрѣшалась ни отъ той ни отъ другой. Пользуясь этимъ составомъ, онъ выточилъ изъ него вокругъ головного мозга костяную сферу, о-
74. ставивъ только узкій изъ нея выходъ; такъ же и вокругъ затылочнаго и спиннаго мозга образовалъ изъ него же позвонки, какъ бы воротныя петли, протянувъ ихъ отъ головы вдоль всего туловища. И такимъ образомъ все сѣмя, для сохранности, окружилъ онъ камневидною оградой, и вдѣлалъ (въ нее) суставы, примѣняя здѣсь, въ видахъ подвижности и гибкости, природу (чего-то) инаго—какъ бы посредствующаго ¹.
- В. Находя, однакожь, что природа кости слишкомъ уже хрупка и негибка что, при своей способности воспламеняться и опять охладѣвать, она должна подвергаться порчѣ и допускать порчу заключеннаго въ ней сѣмени, Богъ, во вниманіе къ этому, измыслилъ родъ сухожилій и плоти: первыя—съ тою цѣлю, чтобы, связавъ ими всѣ члены и давъ членамъ возможность стягиваться и растягиваться на тѣхъ петляхъ, сообщить тѣлу гибкость и растяжимость, а плоть—чтобы она была
- С. защитою отъ зноя, оградою отъ стужи и, въ случаяхъ паденія, дѣйствовала такъ же, какъ войлочные покровы, мягко и покойно уступая давленію тѣла,—лѣтомъ, освобождая наружу содержащуюся въ ней теплую влагу и орошаясь ею, доставляла всему тѣлу пріятную прохладу, зимою же, при

¹ Природу (чего-то) инаго—какъ бы посредствующаго,—тѣ *δατέρου προσυρμένους ἐν ὄσσει ὡς μέση ἐνσταμένη δυνάμει*. Штальбаумъ и I. Мюллеръ даютъ этому мѣсту нѣсколько изысканное объясненіе. По ихъ мнѣнію, твердая, крѣпкая кость и жидкій, подвижный мозгъ приравниваются здѣсь къ двумъ основнымъ началамъ мірозданія,—началу неподвижнаго и неизмѣннаго одного и началу вѣчно измѣнчиваго и наго. Суставы нашего тѣла, обладая и костью и подвижностью, составляютъ какъ будто переходъ отъ одной природы къ другой, и имъ отводится поэтому среднее мѣсто между костью и мозгомъ, подобно тому, какъ сущность поставлялась выше на среднее мѣсто между началами тожества и инаго (р. 35 А). Но будетъ, кажется, вѣрнѣе принимать выраженіе: «природа инаго» (*τῆ δατέρου δυνάμεις*) не въ смыслѣ одного изъ міровыхъ началъ,—природы различія (какъ на стр. 28 А, 35 А и др.), а просто въ общемъ смыслѣ нѣкоторой силы, имѣющей отличныя отъ данныхъ свойства,—именно свойства подвижности и гибкости. Ею Творецъ пользуется, какъ связью, чтобы сообщить тѣ же свойства костямъ въ суставахъ. (Tim. und Krit. L. 1853, прим. къ эт. м.)

помощи того же огня, отражала съ успѣхомъ окружающую тѣло и приражающуюся извнѣ стужу. Въ этой мысли, нашъ Зодчій смѣшалъ и связалъ пропорціонально землю съ водою и огнемъ, затѣмъ составилъ и примѣшалъ къ нимъ закваску изъ остроты и соли, и образовалъ изъ этого мягкую D. и сочную плотъ; а природу сухожилій составилъ онъ изъ неокисленной смѣси кости и плоти,—одну изъ нихъ обѣихъ, и среднюю между ними по силѣ, причемъ употребилъ въ дѣло желтый цвѣтъ. Оттого сухожилія имѣютъ бѣдшую тягучесть и вязкость, нежели плотъ, но мягче и влажнѣе, чѣмъ кости. Ими Богъ обхватилъ кости и мозгъ, связавъ то и другое сухожиліями, и все это потомъ прикрылъ свереху плотью; и наиболѣе одушевленные изъ костей ¹ оградилъ онъ самую скудную плотію, а тѣ, что наименѣе одушевлены внутри,—самую обильною и плотною; также и по составамъ костей,—гдѣ только разумъ не обнаруживалъ какую либо особую въ ней надобность, вездѣ положилъ онъ мало плоти: чтобы, съ одной стороны, она не препятствовала сгибамъ и не стѣсняла тѣла въ его движеніяхъ, дѣлая его неповоротливымъ, а съ другой, чтобы обильная, крѣпкая и сильно скученная плотъ не породила своею твердостію безчувственности и не сдѣлала части, прикосновенныя къ мышленію, безпамятливѣе и тупѣе. Потому также бедра, 75. голени и части, относящіяся къ природѣ лядвей, плечевыя и локтевыя кости, и все, что ни есть у насъ изъ костей безсоставнаго и что, по малому содержанію души въ мозгу, не причастно разумности,—все это избыточествуетъ плотію;—напротивъ, что разумно, на томъ ея меньше,—развѣ ужъ гдѣ Создатель образовалъ плотъ въ видѣ самостоятельнаго члена, собственно ради чувствованія, каковъ, наприкладъ, языкъ. Большою же частію бываетъ такъ, какъ мы сказали; ибо возникшая изъ необходимости и развиваемая

¹ Наиболѣе одушевленные (ἐμφυχότατα) изъ костей,—т. е. части костяка, въ которыхъ поселено наиболѣе души,—каковы, напр., голова и грудь.

- В. по ея законамъ природа никоимъ образомъ не допускаетъ при плотной кости и обильной плоти да еще остраго чувства. Вѣдь если бы то и другое могло совмѣщаться, то этого всего скорѣе потребовало бы строеніе нашей головы, и человѣческой родъ въ такомъ случаѣ, имѣя на себѣ крѣпкую, богатую плотью и сухожиліями голову, наслаждался бы жизнію вдвое и даже во много разъ дольшею, и болѣе здоровою, чѣмъ теперь, и болѣе безпечальною. Но виновники нашего бытія, взвѣсивая вопросъ, сдѣлать ли нашъ родъ долговѣчнѣе и хуже, или кратковременнѣе и лучше,
- С. сошлись на томъ, что всякій непременно предпочтетъ жизни многолѣтней, но дурной, жизнь маловременную, но хорошую; и потому-то нашу голову, у которой нѣтъ даже и сгибовъ, они покрыли, правда, тонкою костью, но не облекли ея ни плотію, ни сухожиліями. По всѣмъ этимъ причинамъ, тѣлу каждаго человѣка придана голова хотя и болѣе чувствительная и разумная, но за то (въ той же мѣрѣ) и болѣе слабая. А сухожилія, на этомъ основаніи, Богъ распод-
- Д. ложилъ у оконечности головы, и связалъ ихъ равномерно въ одинъ кругъ около шеи; ими же онъ скрѣпилъ концы челюстей подъ лицомъ, а прочія за тѣмъ распредѣлилъ по всѣмъ частямъ тѣла, соединяя при ихъ помощи одинъ членъ съ другимъ. Затѣмъ, дѣятельность нашего рта устроители образовали, согласно съ теперешнимъ его устройствомъ, при помощи зубовъ, языка и губъ, въ видахъ какъ необходимаго, такъ и наилучшаго,—предначертавъ въ немъ входъ именно для необходимаго и выходъ для наилучшаго. Ибо необходимое-то вѣдь все то, что входитъ, доставляя пищу тѣлу; а вытекающій наружу и служащій разумности потокъ
- Е. рѣчи есть прекраснѣйшій и наилучшій изъ всѣхъ потоковъ. Было однакожь невозможно оставлять голову при одномъ обнаженномъ костяномъ покровѣ, въ виду непомѣрныхъ отклоненій къ обѣимъ крайностямъ, совершающихся во временахъ года, какъ нельзя было допустить и того, чтобы, прикрытая, она доходила до отупѣнія и без-

чувственности, вслѣдствіе чрезмѣрнаго обилія плоти. И вотъ 67. отъ плотовидной, не сохнувшей природы выдѣлена была на-роставшая кругомъ кора, называемая теперь *кожеею*; эта-то кора, разрастаясь кругомъ, при помощи обливающей голов-ной мозгъ влаги, и соединяясь сама въ себѣ, одѣла голову; а влага между тѣмъ, поднимаясь къ швамъ (черепа), оро-шала ее и, какъ бы стягивая узелъ, замкнула кожу на ма-кушкѣ. Многообразный видъ швовъ образовался силою оборотовъ и питанія, отъ большей борьбы которыхъ бы-ваетъ ихъ больше, а отъ меньшей—меньше ¹. Всю эту В. кожу кругомъ Богъ пронизалъ огнемъ: когда же чрезъ нее,

¹ Выраженіе довольно темное. Прежде всего для насъ не ясно, что понимаетъ тутъ Платонъ подъ «оборотами» (*periodoi*). Линдау предполагаетъ борьбу «пита-нія» съ умственной дѣятельностью души: по его мнѣнію, *sentitur ejusmodi certamen in minori tunc et voluntate cogitandi et facultate*. По Штальбауму, подъ оборотами слѣдуетъ разумѣть обращеніе вещества плоти. Гер. Мюллеръ склоняется къ тому же мнѣнію, совершенно отвергая объ-ясненіе Линдау: онъ отказывается понять, какимъ образомъ «меньшая наклон-ность и способность къ мышленію» могли бы способствовать образованію че-репныхъ швовъ, тѣмъ болѣе что образованіе ихъ надо относить ко времени, когда еще не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ мышленіи,—ко времени пре-быванія плода въ утробѣ матери. Онъ пытается воспроизвести мысль Платона такъ: «Изъ крови выдѣляется все, что нужно для питанія тѣла и его частей, и для ихъ роста. Такъ же точно питается и растетъ мозгъ. Но ростъ долженъ стѣснять и затруднять свободное обращеніе крови. Отсюда возникаетъ борьба между движеніемъ крови и развитіемъ питаемаго ею мозга, которая сопровож-дается перерывами въ ростъ и образованіи черепа, и отъ перерывовъ этихъ являются черепные швы» (*Plat. Werke, 1857, B. VI, S. 292*). Но толкованіе то, намъ кажется, мало помогаетъ дѣлу. Все оно вытекаетъ изъ положенія, что «ростъ затрудняетъ свободное обращеніе крови»,—положенія, на нашъ взглядъ, очень сомнительнаго, которое само не менѣе нуждалось бы въ толкованіи. Не подойдемъ ли мы ближе къ подлинной мысли Платона, если подъ «питаніемъ» въ разсматриваемомъ текстѣ будемъ разумѣть питаніе и образованіе собственно черепной кости, а подъ «оборотами» такое же, пожалуй, питаніе и образованіе мозга, но въ соединеніи съ тѣмъ внутреннимъ ростомъ и развитіемъ этого органа, которые могутъ условливаться дѣятельностью заключеннаго въ немъ ума, обыкновенно означаемой у Платона тѣмъ же терминомъ? Въ такомъ слу-чаѣ «борьба» между «оборотами» и «питаніемъ» означала бы борьбу развива-ющагося мозга съ сжимающимъ его костянымъ покровомъ,—борьбу, въ которой покровъ вынужденъ бываетъ уступать мозгу и, раздаваясь, даетъ тѣмъ болѣе трещинъ или швовъ, чѣмъ сильнѣе развивается и чѣмъ больше поэтому со-противленія оказываетъ ему мозгъ. Отъ этой мысли, какъ кажется, былъ весьма не далеко и Линдау.

- въ этомъ скважистомъ состояніи, стала выходить наружу мокрота,—все, что было тутъ влажнаго и теплаго въ чистомъ видѣ, уходило, а что было смѣшано изъ тѣхъ же частей, какъ и кожа, увлекаемое стремленіемъ наружу, растягивалось въ длину, сохраняя тонкій объемъ, соотвѣтствующій размѣру скважины; но, вслѣдствіе медленнаго своего развитія, будучи отражаемо окружающимъ внѣшнимъ воз-
- C. духомъ, оно протѣснялось обратно внутрь, подъ кожу, гдѣ и пускало корень; и при такихъ-то условіяхъ возрасла на кожѣ порода волосъ, родственная ей въ своей ремневидности, но болѣе жесткая и плотная, вслѣдствіе того сжатого состоянія, въ которомъ затвердѣлъ каждый волосъ, охладившись вдали отъ кожи. Такимъ образомъ, пользуясь указанными причинами, строитель сдѣлалъ нашу голову волосатою, въ той мысли, чтобы этотъ легкій покровъ служилъ,
- D. вмѣсто плоти, охраною для головнаго мозга и доставлялъ ему какъ лѣтомъ, такъ и зимою достаточную тѣнь и защиту, не полагая вмѣстѣ съ тѣмъ никакой помѣхи живой дѣятельности чувства. Въ томъ сплетеніи сухожилій, кожи и кости, которое находится около пальцевъ, изъ застывшей смѣси этихъ трехъ родовъ, произошла одна, причастная имъ всѣмъ, жесткая кожа: при дѣйствіи этихъ вспомогательныхъ причинъ, она образована верховною причиною—разумомъ—ради того, что имѣло быть еще впереди. Ибо созидавшіе насъ знали, что нѣкогда отъ мужчинъ родятся
- E. женщины и прочія животныя, и предвидѣли, что многимъ скотамъ во многихъ случаяхъ нужны будутъ когти; по-этому въ людяхъ, при самомъ ихъ происхожденіи, они предначертали природу когтей. Вотъ по какимъ причинамъ и по какимъ побужденіямъ произвели они на поверхности членовъ кожу, волоса и ногти.

Когда, затѣмъ, всѣ части и члены смертнаго животнаго

77. были естественнымъ образомъ соединены и проводить жизнь пришлось ему, по необходимости, въ огнѣ и воздухѣ, такъ что, тая и пустѣя подъ ихъ дѣйствіемъ, оно должно было по-

гибнуть,—тогда боги придумали ему помощь. Они раждают именно природу, сродную человеческой, но соединяют ее съ иными формами и чувствами, такъ чтобы выходило другое животное. Теперешнія подручныя намъ дерева, растенія и сѣмена стали намъ близки лишь послѣ того, какъ ихъ воспитало земледѣліе; а прежде были однѣ только дикія породы, болѣе стараго происхожденія, чѣмъ воздѣланныя. Вѣдь все, что только причастно жизни, можетъ по В. справедливости и совершенно правильно называться животнымъ; а то, о чемъ теперь говоримъ, конечно, причастно души третьяго рода, которая, какъ мы сказали, помѣщена между грудобрюшной перепонкой и пупкомъ, и въ которой нѣтъ ничего въ родѣ мнѣнія, смысла и ума, а есть лишь чувство пріятнаго и непріятнаго въ соединеніи съ пожеланіями. Вѣдь растеніе находится всегда въ состояніи страдательномъ, вращается само въ себѣ и около себя ¹ и, отталкивая внѣшнее движеніе, слѣдуетъ только своему собственному, такъ что ему отъ рожденія не дано способности познавать свою природу и судить о чемъ либо къ нему относящемся. Поэтому хотя оно и живетъ, и ничѣмъ не разнится отъ животнаго, но держится неизмѣнно и крѣпко тамъ, гдѣ пустило корни, будучи лишено самопроизвольнаго движенія. С.

Существа высшія, насадивъ всѣ эти роды, съ цѣлію доставить пищу намъ, нисшимъ, прорѣзали затѣмъ самое тѣло наше, будто садъ, каналами, чтобы оно орошалось

¹ Вращеніемъ,—τῷ στρέφεσθαι или τῷ κινεῖσθαι,—у Платона, какъ мы видамъ изъ «Тетета» (р. 181 С), называется между прочимъ извѣстный кругъ или послѣдовательность переменъ, совершающихся въ томъ или другомъ предметѣ. Въ такомъ именно смыслѣ выраженіе это прилагается здѣсь къ растеніямъ. Растенія вращаются въ самихъ себѣ и около себя, потому что они живутъ, по представленію Платона, совершенно замкнутою жизнью, развиваясь органически только изъ самихъ себя и не принимая никакихъ внѣшнихъ воздѣйствій. Понятно, что въ этомъ замкнутомъ состояніи растенія способны къ однимъ только животнымъ чувствамъ и совершенно чужды высшей разумной жизни, такъ какъ разумъ можетъ дѣйствовать лишь въ непрерывномъ общеніи съ внѣшнимъ міромъ.

- D. Будто бы водами изливающегося через нихъ потока. И прежде всего провели они эти скрытые подъ сплетеніемъ кожи и плоти каналы—двѣ спинныя жилы, соотвѣтственно двойному дѣленію самаго тѣла—на правую и лѣвую половины. Жилы тѣ спустили они вдоль по хребту и ими обхватили родотворный мозгъ, чтобы этотъ находился въ возможно лучшихъ условіяхъ и чтобы притокъ, распространяясь отсюда свободно, какъ по наклонной плоскости, на другія части, доставлялъ имъ равномерное орошеніе. Затѣмъ, раз-
- E. вѣтвивъ тѣ жилы кругомъ головы и переплетши ихъ между собою въ противоположныхъ направленіяхъ, пустили ихъ, повернувъ—однѣ съ правой стороны тѣла на лѣвую, другія съ лѣвой на правую, дабы онѣ въ то же время, вмѣстѣ съ кожей, служили связію между туловищемъ и головою, которая не была вѣдъ кругомъ, до самой макушки, одѣта сухожиліями, а также чтобъ и дѣйствія чувства передавались съ той и другой стороны всему тѣлу. И отсюда уже устроили они орошеніе приблизительно такимъ образомъ.
78. Впрочемъ мы легче поймемъ его устройство, если напередъ согласимся въ слѣдующемъ. Все, что состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ, задерживаетъ болѣе крупное, а что изъ крупнѣйшихъ, задерживать болѣе мелкаго не можетъ. Но огонь мельче всѣхъ стихій по составу; поэтому онъ проходитъ и черезъ воду, и черезъ воздухъ, и черезъ землю, и черезъ все, что составлено изъ этихъ стихій, и ничто не можетъ задерживать его. То же надобно думать и о нашемъ желудкѣ: когда попадаютъ въ него пища и питье,—онъ
- B. задерживаетъ ихъ; а огня и духа, которые мельче его по составу, задержать не можетъ. Такъ этими-то стихіями и воспользовался Богъ, чтобы проводить влагу изъ желудка въ жилы. Онъ сплелъ изъ воздуха и огня плетенку, на подобіе рыбацкой верши, содержащую, по направленію къ входному отверстію, два внутренніе рукава, изъ которыхъ одинъ расплелъ опять надвое; и отъ этихъ рукавовъ протянулъ кругомъ черезъ всю плетенку, до самыхъ ея краевъ,

какъ бы бичевки ¹. Все внутреннее содержаніе этого С. сплетенія составилъ онъ изъ огня, а рукава и полость сдѣ-

¹ Мѣсто это удачно объяснено еще Галеномъ, въ комментаріяхъ къ Платонову «Тимею», дошедшихъ до насъ въ небольшомъ отрывкѣ (изд. Даремберга. Пар. 1848). Въ виду его объясненія, приходится отвергнуть толкованія Штальбаума, Вагнера, Гер. Мюллера и другихъ позднѣйшихъ комментаторовъ, которые поняли мысль Платона очевидно невѣрно. Приводимъ объясненіе Галена со словъ Суземиля (Genet. Entwick. d. Plat. Philos., II, 454—456): Платонъ представляетъ тѣло человѣка погруженнымъ въ окружающій воздухъ какъ бы въ рыбачью сѣть (κρητός). Сѣть эта имѣетъ два внутреннѣйшихъ рукава (ἐγκύρτια), сотканныхъ тоже изъ воздуха, изъ которыхъ одинъ проходитъ черезъ дыхательные каналы (κατὰ τὰς ἀρτηρίας) въ грудную полость, или собственно въ легкія, а другой вдоль этихъ каналовъ (παρὰ τὰς ἀρτηρίας), т. е., очевидно, черезъ пищеводъ, въ брюшную полость. Оба рукава опускаются черезъ гортань, но такъ, что первый развѣтвленнымъ надвое (δίχρουν) отросткомъ сообщается при этомъ съ обѣими ноздрями. Тотъ и другой представляютъ собою не что иное, какъ вдыхаемый и выдыхаемый воздухъ, который, по взгляду Платона, проникаетъ такимъ образомъ въ тѣло не только черезъ дыхательный каналъ, но и черезъ пищеводъ. На этомъ послѣднемъ пути дыханіе служитъ дѣлямъ пищеваренія. Внутреннее содержаніе верши составлено изъ огня и занимаетъ всѣ внутреннія пустоты нашего тѣла: это та жизненная теплота, что распространяется у насъ въ области груди и желудка. Наибольшую теплоту имѣетъ кровь въ жилахъ (р. 79 D), которыя проводятъ тепло лучеобразно черезъ полости тѣла: эти-то лучи тепла представляются подъ видомъ бичевокъ, протянутыхъ между внутренними и внѣшними частями сѣти. Затѣмъ, основываясь на общемъ физическомъ законѣ, недопускающемъ нигдѣ пустоты (которымъ объяснялось и обращеніе вещества во вселенной), Платонъ полагаетъ, что вдыхаемый холодный воздухъ нагнетается внутренній теплый воздухъ въ полости легкѣхъ и желудка—такимъ образомъ, что тотъ необходимо выдыхается наружу. Вошедшій воздухъ вслѣдъ за тѣмъ нагрѣвается, а вышедшій охладѣваетъ. Ничего болѣе, какъ этотъ процессъ вдыханія и выдыханія, съ сопровождающимъ его явленіемъ согрѣванія и охлажденія воздуха, разумѣется подъ образомъ прилива верши къ внутреннимъ ея рукавамъ и обратнаго отлива послѣднихъ къ вершѣ. Но не этимъ однимъ путемъ, по взгляду Платона, проникаетъ воздухъ въ наше тѣло и выходитъ изъ него обратно; второй его путь—это поры: къ процессу respirationis присоединяется процессъ perspirationis, которые, въ силу того же общаго физическаго закона, условливаются одинъ другимъ. Вытѣсненный изъ груди теплый воздухъ, нагнетая внѣшній холодный воздухъ, тотчасъ же вгоняетъ его въ поры тѣла; послѣдній при этомъ согрѣвается и заступаетъ мѣсто вытѣсненнаго, а этотъ между тѣмъ охладѣваетъ; но, охладѣвъ, вытѣсненный воздухъ нагнетаетъ опять воздухъ, вошедшій въ тѣло, и изгоняетъ его обратно черезъ поры, причѣмъ послѣдній сообщаетъ внѣшнему холодному воздуху снова тотъ толчокъ, которымъ условливается его обратное вдыханіе (р. 79 A—E). На этотъ именно второй путь указываетъ Тимей, говоря (р. 78 D), что верша, «по рыхлости нашего тѣла», то входитъ въ него, то выходитъ обратно. Движеніе внутренняго

лалъ воздухообразными. И взявъ, расположилъ его вокругъ устроеннаго имъ животнаго такимъ образомъ. Снарядъ рукавовъ привелъ онъ въ сообщеніе съ гортанью, и такъ какъ тотъ былъ двойной, то одинъ рукавъ пустилъ по жиламъ въ легкія, а другой—мимо жилъ—въ желудокъ. Раздѣливъ этотъ первый рукавъ на вѣтви, онъ однакоже обѣ части снаряда отвелъ вмѣстѣ къ каналамъ носа, дабы въ случаѣ, когда первая часть не откроетъ сообщеніе со ртомъ, всѣ теченія этой восполняемы были тою. Прочія же части, именно полость верши, вращилъ онъ кругомъ во впадины нашего тѣла, и сдѣлалъ такъ, что либо вся она мягко приливаетъ въ рукава, поколику они воздушные, либо рукава отливаютъ обратно въ вершу, и плетенка, по рыхлости нашего тѣла, то подается чрезъ него внутрь, то выходитъ опять наружу; а между тѣмъ привязанные внутри лучи огня слѣдуютъ за воздухомъ по тому и другому его направленію, и это не прерывается до тѣхъ поръ, покуда держится смертное животное. Такъ вотъ мы думаемъ, что такого рода

тепла за воздухомъ по тому и другому пути,—о чемъ говорится далѣе въ текстѣ,—естественно связывается съ этимъ попеременнымъ согрѣваніемъ и охлажденіемъ воздуха при дыханіи. Кругооборотъ воздуха, поддерживая въ постоянномъ колебаніи присущую брюшной полости теплоту, направляетъ такимъ образомъ разлагающее дѣйствіе огня на частицы пищи, пока онъ не мельчаютъ настолько, что проходятъ черезъ стѣнки сосудовъ въ кровь.—Мы видимъ, что процессъ пищеваренія, въ представленіи Платона, обходится безъ всякаго содѣйствія желчи, что Платону еще не извѣстно назначеніе кишекъ, которыя въ пищевареніи не играютъ у него никакой роли, и служатъ лишь простыми проводниками для пищи, принятой излишне и ненужной организму. Платонъ не ошибается, можетъ быть, только въ общей мысли,—въ томъ, что пищевареніе принимается за нѣкоторый видъ горѣнія. Относительно дыханія, ему, какъ кажется, извѣстно, что дыхательный каналъ соединяется съ легкими двумя вѣтвями,—ибо не даромъ онъ ставитъ множественное τὰς ἀρτηρίας (р. 78 С),—и что вѣтви эти дробятся въ легкихъ еще на множество другихъ, болѣе мелкихъ развѣтвленій (р. 70 D). Но какъ отравленія дыхательнаго канала онъ придаетъ пищепроводу, такъ и пищепроводу приписываетъ ошибочно участіе въ дѣятельности дыхательнаго канала. По его мнѣнію, пищепроводъ, какъ и дыхательный каналъ, проводитъ внутрь вдыхаемый воздухъ; а дыхательный каналъ служитъ проводникомъ не только для воздуха, но и для питья, которое проходитъ чрезъ него въ легкія (р. 78 С), а оттуда чрезъ почки въ мочевой пузырь (р. 91 А).

движенію тотъ, кто прилагалъ названія, далъ имя *вдыханія* и *выдыханія*. Все это, какъ дѣйствіе, такъ и страданіе, направлено къ тому, чтобы наше тѣло, будучи орошаемо и освѣжаемо, питалось и жило; ибо когда внутренній огонь, при вдыханіи и выдыханіи, устремляется по слѣдамъ воздуха и, въ этомъ непрерывномъ передвиженіи, проникая въ желудокъ, захватываетъ пищу и питье, онъ разлагаетъ то и другое, дѣлитъ на мелкія частицы, проводитъ ихъ 79. чрезъ выходы, въ которые проходитъ самъ, и такимъ образомъ, какъ бы изъ родника въ каналы, разливая ихъ по жиламъ, гонитъ эти жильные потоки чрезъ тѣло, будто по водопроводнымъ трубамъ.

Но взглянемъ еще разъ на отправленіе дыханія,—по какимъ причинамъ явилось оно такимъ, каково теперь. Вотъ эти причины. Такъ какъ нѣтъ нигдѣ пустоты, въ которую могло бы проникать что либо движущееся, а духъ движется у насъ наружу, то засимъ ясно уже всякому, что онъ в. выходитъ не въ пустоту, а оттѣсняетъ съ мѣста, что лежитъ рядомъ; оттѣсняемое же гонитъ опять сосѣднее, причемъ, въ силу этого непреложнаго закона, все влечется кругооборотомъ въ то мѣсто, изъ котораго вышелъ духъ, проникаетъ туда, наполняетъ его и (опять) слѣдуетъ за духомъ; и это все происходитъ, на подобіе вращаемаго колеса, отъ того, что нѣтъ нигдѣ пустоты. Такимъ образомъ с. грудь и легкія, испуская наружу духъ, восполняются снова при помощи окружающаго тѣло воздуха, который круговымъ движеніемъ отгоняется и проникаетъ внутрь, чрезъ рыхлую ихъ плоть; но будучи отраженъ обратно и выходя чрезъ тѣло наружу, воздухъ нагнетаетъ дыханіе снова d. внутрь, чрезъ проходы рта и ноздрей. Причину, давшую начало этимъ явленіямъ, надобно полагать вотъ въ чемъ. Всякое животное содержитъ внутри, при крови и жилахъ, очень много теплоты, такъ какъ бы имѣло въ себѣ нѣкоторый источникъ огня. Это-то и уподобили мы плетеной вершѣ, середина которой, на всемъ ея протяженіи, сплетена изъ ог-

ня, а прочія, ви́шнія части изъ воздуха. Но относительно теплоты надобно согласиться, что она, по природѣ, стремится наружу, въ свою область, къ началу ей сродному. А такъ какъ наружу—два выхода,—одинъ чрезъ тѣло, другой чрезъ ротъ и ноздри, то, стремясь выйти которымъ нибудь однимъ путемъ, она переталкиваетъ круговымъ движеніемъ то, что лежитъ по другому. При этомъ передвинутое, подпадая дѣйствию огня, согрѣвается, а исходящее остываетъ. Но какъ скоро теплота перемѣняетъ мѣсто, и теплѣе становится то, что у другаго выхода,—болѣе теплое снова уходитъ туда, стремясь къ сродной ему природѣ, и передвигаетъ то, что у противоположнаго выхода. Такимъ образомъ одно и то же состояніе постоянно то испытывается, то причиняется, и является непрерывное круговое колебаніе туда и сюда, которое обнаруживается при томъ и при другомъ условіи вдыханіемъ и выдыханіемъ.

80. Здѣсь же, конечно, надо искать причину и явленій, вызываемыхъ врачебными кровопускательными банками, причину глотанія (пищи), паденія тѣлъ, почему одни изъ пущенныхъ тѣлъ стремятся вверхъ, а другія на землю,—также звуковъ, какіе намъ представляются скорыми и медленными, какіе высокими и низкими,—то несвязными, отъ неподобія возбуждаемыхъ ими въ насъ движеній, то стройными—отъ подобія. Вѣдь звуки болѣе медленные, вступающіе въ строй позднѣе, настигаютъ и поддерживаютъ движенія звуковъ болѣе раннихъ и болѣе быстрыхъ, въ то время, какъ
- В. тѣ уже прекращаются, переходя къ подобію: но, настигая эти звуки, сами не приносятъ въ строй движенія инаго, имъ враждебнаго, а только приобщаютъ по подобію начало стремленія медленнѣйшаго къ началу болѣе быстрого и прерывающагося стремленія и сочетаніемъ высокаго звука съ низкимъ производятъ одно впечатлѣніе, въ которомъ доставляютъ утѣху людямъ пустымъ и наслажденіе людямъ разумнымъ, такъ какъ тутъ въ смертныхъ движеніяхъ является подражаніе гармоніи божественной. То же и всякое теченіе

вѣдь, паденіе молніи, удивительная притягательная сила, обнаруживаемая янтарею и камнем ираклейским¹: изъ всѣхъ этихъ веществъ ни одно само по себѣ не имѣетъ способности притяженія; скорѣе въ полномъ отсутствіи пустоты, въ томъ, что эти вещества, круговымъ движеніемъ, взаимно тѣснятъ другъ друга, что, раздвѣляясь и соединяясь, всѣ они передвигаются и стремятся каждое въ свое мѣсто,—во взаимодѣйствіи этихъ вліяній скорѣе откроются внимательному изслѣдователю явленія, которымъ такъ дивятся.

Такъ и для того, какъ сказано было выше, совершается и процессъ дыханія,—съ котораго началась наша рѣчь. Раздробляя пищу, огонь по слѣдамъ воздуха носится внутри, и своимъ подъемомъ наполняетъ жилы изъ желудка, вычерпывая оттуда, что уже раздробилось; и такимъ образомъ у всякаго животнаго пища разливается жидкими потоками по всему тѣлу. Только что раздробленные вещества, даже родственнаго происхожденія,—отъ плодовъ или отъ травъ, которыя Богъ и произрастилъ именно для того, чтобы они служили намъ пищею,—принимаютъ черезъ смѣшеніе разнообразныя цвѣта; но сильнѣе всего распространяется здѣсь цвѣтъ красный, который обязанъ своей природою рѣзущей силѣ огня и представляетъ выраженіе его во влагѣ. Поэтому и цвѣтъ жидкости, текущей по тѣлу, представляется такимъ по виду, какъ мы сказали. Жидкость эта, называемая у насъ кровью, служитъ источникомъ питанія для плоти и для всего тѣла, съ помощью котораго всѣ орошаемыя части пополняютъ мѣста веществъ выбывающихъ. Это пополненіе и выдѣленіе совершается точно такъ же, какъ и движеніе всего во всемъ, гдѣ все связанное сродствомъ стремится къ самому себѣ. Вѣдь окружающее насъ внѣшнее непрерывно насъ разлагаетъ и разноситъ, отсылая каждую частицу, по сродству, къ соотвѣтствующему виду; а кровя-

¹ Такъ назывался первоначально магнитъ,—отъ лидійскаго города Ираклеи, гдѣ находили его въ большомъ количествѣ. О магнитѣ говорится также въ «Юнъ» — р. 533 Д.

- ное существо, разлагаясь внутри насъ и будучи охвачено, какъ будто небомъ ¹, каждымъ живымъ созданиемъ, должно
- В** по необходимости подражать движенію вселенной. И такимъ образомъ, силою стремленія каждой изъ частицъ, отдѣляющихся внутри, къ сродному ей началу, восполняется снова то, что въ данное время опросталось. И когда выбываетъ болѣе, нежели сколько прибываетъ, цѣлое скудѣветъ, а когда меньше, оно преуспѣваетъ. Пока тѣлесный составъ животного еще молодъ и имѣетъ новые трехугольники, взятые какъ бы изъ самаго основанія стихій, онъ содержитъ ихъ въ
- С.** состояніи крѣпкаго взаимнаго сцѣпленія; въ цѣломъ же масса его мягка ², ибо образована изъ мозга такъ еще недавно и воспитана на молокѣ. Принимая въ себя трехугольники, приводящіе извнѣ, въ составъ пищи и питья, — трехугольники болѣе старые и слабые, нежели его, — онъ разсѣкаетъ и преодолеваетъ ихъ своими новыми, отчего животное, питаясь множествомъ подобныхъ ему частицъ, дѣлается большимъ. Но когда эти основные трехугольники, вслѣдствіе многократной и долговременной борьбы противъ множества другихъ трехугольниковъ, наконецъ ослабѣва-
- Д.** ютъ, такъ что не могутъ уже разсѣкать на подобныя имъ части тѣхъ, что приводятъ съ пищею, и, напротивъ, сами легко разрѣшаются подъ дѣйствіемъ входящихъ извнѣ; тогда всякое уступающее такимъ вліяніямъ животное истощается, и это состояніе называется старостію. Наконецъ, когда связи, которыми соединены трехугольники въ мозгу, расторгаемыя долгимъ трудомъ, уже не выдерживаютъ болѣе, съ ними ослабляются также и узы души, и душа, разрѣшенная
- Е.** отъ нихъ самою природою, съ удовольствіемъ отлетаетъ; ибо все, что совершается вопреки природѣ, бываетъ скорбно, но что — согласно съ природою, — бываетъ пріятно. Такъ-то и смерть, — если приключается отъ болѣзней и ранъ, она бы-

¹ Ср. выше р. 58 А—С.

² Мягкая (επιπέτηε δὲ ὁ πᾶς ὄγκος αὐτῆς ἀπαλόος), т. е. не затвердѣла еще въ своихъ формахъ и способна къ дальнѣйшему развитію.

ваетъ актомъ скорбнымъ и насильственнымъ; а когда приходитъ естественно, къ концу старости, то изъ всѣхъ смертей бываетъ самая безболѣзненная и приносить съ собою больше удовольствія, нежели скорби.

А откуда являются болѣзни, это ясно, думаю, для всякаго. Такъ какъ въ составъ нашего тѣла входятъ четыре стихіи,—земля, огонь, вода и воздухъ; то протiwоестествен- 82. ный избытокъ ихъ, или недостатокъ, также перемѣщеніе ихъ—изъ своего мѣста въ чужое, т. е. и огня и другихъ стихій, которыхъ вѣдь болѣе одной,—ведетъ къ тому, что каждая стихія принимаетъ положеніе ей несвойственное, и ко всѣмъ вытекающимъ отсюда явленіямъ,—возмущеніямъ и болѣзнямъ. Вѣдь когда всякая является и перемѣщается вопреки естественному порядку, тогда становится теплымъ, что было прежде холодно, что было сухо, дѣлается влаж- В. нымъ, что легко,—тяжелымъ, и все принимаетъ всевозможныя перемѣны. Ибо только то, что, какъ тожественное, прибываетъ и убываетъ въ тожественномъ тожественно, одинаково и въ надлежащей мѣрѣ,—только то, полагаемъ, оставить тожественное въ его тожественности цѣлымъ и невредимымъ; а всякое въ этомъ отношеніи уклоненіе по отливу или приливу извнѣ повлечетъ за собой многоразличныя измѣненія и безчисленныя поврежденія и болѣзни.

Но такъ какъ есть опять отъ природы вторичныя соединенія ¹, то желающій понимать болѣзни находить и вто- с. рое для нихъ объясненіе. Вѣдь изъ упомянутыхъ стихій сложились и мозгъ, и кость, и плоть, и сухожилія, да и кровь образовалась изъ нихъ же, хотя инымъ путемъ; и если очень многія другія болѣзни объясняются изъ причинъ, сейчасъ указанныхъ, то самыя главныя и трудныя происходятъ такимъ образомъ. Эти части тѣла повреждаются

¹ Изъ основныхъ же стихій слагается органически и наше тѣло;—это вторичное ихъ соединеніе (см. р. 45 Д). И какъ, при нормальномъ соединеніи и соотношеніи стихій, тѣло наше пользуется здоровьемъ, такъ всякое уклоненіе отъ этого нормальнаго строя производитъ въ тѣлѣ болѣзнь.

- тогда, когда образованіе ихъ идетъ путемъ обратнымъ. Вѣдь плоть и сухожилія образуются по природѣ изъ крови,—
- Д. сухожилія, по сродству,—изъ волоконъ (крови), а плоть—изъ сгущенія того, что остается по отдѣленіи волоконъ. Отъ сухожилій и плоти отдѣляется опять клейкое и тучное вещество, которое прикрѣпляетъ плоть къ природѣ костей, равно какъ питаетъ и раститъ самую кость, окружающую мозгъ. Оно же орошаетъ мозгъ, просачиваясь чрезъ кости, изъ которыхъ выдѣляется и изливается, благодаря ихъ плотности, чистѣйшимъ, легчайшимъ и тучнѣйшимъ родомъ
- Е. трехугольниковъ. Когда все это происходитъ такъ, бываетъ большею частію здоровье, а когда наоборотъ,—болѣзни. Ибо если плоть, подвергаясь разложенію, извергаетъ продукты его обратно въ жилы, жилная кровь, принимающая столь разнообразную окраску подѣйствіемъ горечи, остротъ и солей, а вмѣстѣ съ кровью и дыханіе даютъ желчь, сукровицу и всякаго рода слизи. Вѣдь когда все пошло наоборотъ и испортилось, тогда прежде всего раз-
83. рушается самая кровь, и эти соки, уже не доставляющіе никакого питанія тѣлу, не сдерживаемые болѣе естественнымъ порядкомъ обращенія, стремятся по жиламъ всюду—во враждѣ и съ самими собой,—такъ какъ не находятъ въ своей средѣ взаимнаго удовлетворенія,—и со всѣмъ тѣмъ, что есть въ тѣлѣ устойчиваго, твердаго на своемъ мѣстѣ,—что они портятъ и разрушаютъ. Подвергаясь разрушенію, части плоти наиболѣе старыя, и потому не легко разложимыя, принимаютъ, отъ долговременнаго жженія, темную
- В. окраску; разрѣшившись же окончательно, своею горечью дѣйствуютъ въ тѣлѣ губительно на все, что не подпало еще порчѣ. Иногда, если горькое начало бываетъ нѣсколько разбавлено, черная окраска, вмѣсто горечи, представляетъ остроту; иногда же горечь, будучи подкрашена кровью, получаетъ цвѣтъ красноватый, а съ примѣсью къ нему чернаго, также желчный; съ горечью сочетается еще и цвѣтъ желтый, когда отъ огня, дѣйствующаго при воспаленіяхъ,

распускается молодая плоть. И общее имя для всѣхъ этихъ с, явленій есть желчь,—имя, данное имъ или кѣмъ либо изъ врачей, или, пожалуй, тѣмъ, кто умѣеть, всматриваясь во многое, хотя бы и не подобное, различать во всемъ одинъ родъ, заслуживающій названія ¹. Прочіе такъ называемые виды желчи получаютъ каждый, смотря по цвѣту, отдѣльное имя. Изъ водянистыхъ отдѣленій, сыворотка крови есть вещество мягкаго свойства, сыворотка же острой черной желчи, когда, при помощи теплоты, она смѣшивается съ сущностью соли, обнаруживаетъ ѣдкость: такое выдѣленіе называется острою мокротою. Ту опять, что, съ помощью D воздуха, отдѣляется изъ молодой и нѣжной плоти, когда она вспухаетъ и охватится кругомъ влагою, и когда въ этомъ состояніи образуются на ней пузырьки, отдѣльно, по малости, невидимые, но всѣ вмѣстѣ представляющіе видимую массу и имѣющіе отъ образовавшейся пѣны бѣлый на видъ цвѣтъ,— все это выдѣленіе нѣжной плоти, въ состояніи смѣшенія съ воздухомъ, называемъ мы бѣлою мокротою. Далѣе, E. сыворотка отъ вновь образовавшихся мокротъ—это потъ, слезы и все прочее, что очищающееся тѣло изливаетъ изъ себя ежедневно. И все это служитъ орудіями болѣзней,—когда кровь пополняется не пищею и питьемъ, какъ того требуетъ природа, но получаетъ свое содержаніе путемъ обратнымъ, вопреки естественнымъ законамъ. Затѣмъ, если отъ болѣзней разлагается всякая плоть, но остаются еще ея основанія, разрушеніе дѣйствительно только на половину; потому что допускаетъ еще очень легко возстановленіе плоти. Но когда болѣзнь поражаетъ связь костей и плоти ², 84.

¹ Или тѣмъ, кто умѣеть, и пр.,—т. е. философамъ.—По видимому, слово *χολή* (желчь), въ этомъ значеніи, было еще ново и Платонъ, употребивъ его, находитъ нужнымъ оговориться.—Что касается видовъ желчи, о которыхъ говорится далѣе, то древніе врачи, какъ извѣстно, различали желчь желтую, бѣлесоватую, красную, черную и др.

² Связь, о которой говорилось выше—р. 82 D. Далѣе, вмѣсто *τὸ ἐξ ἰνῶν αἵμα καὶ νεύρων ἀποχωρίζμενον*, мы читаемъ, по совѣту Штальбаума, *τὸ ἐξ σαρκῶν αἵμα καὶ νεύρων ἀποχωρίζμενον*.

когда это выдѣленіе плоти и сухожилій не служитъ болѣе пищею для костей, а для плоти связію между нею и костями, но, черствѣя отъ скуднаго питанія, изъ тучнаго, гладкаго и клейкаго вещества становится грубымъ и соленымъ; тогда все такое (вещество), страдающее этой болѣзнію, стираясь и отдѣляясь отъ костей, само идетъ обратно подъ плоть и сухожилія, плоть же, отторженная отъ своихъ

В. корней, оставляя сухожилія обнаженными и полными соли, въ свою очередь, вливается обратно въ потокъ крови и такимъ образомъ еще усиливаетъ упомянутыя болѣзни. Какъ ни тяжки бываютъ страданія отъ этихъ болѣзней, но еще тяжелѣе тѣ, что идутъ передъ ними,—когда кость, отъ плотности плоти, не получая достаточнаго количества воздуха, подъ дѣйствіемъ воспаляющаго ее гніенія, перегараетъ и уже не принимаетъ пищи,—напротивъ, сама, стираясь, переходитъ обратно въ пищу ¹, пища же, въ

С. свою очередь, переходитъ въ плоть, а плоть впадаетъ въ кровь, что и дѣлаетъ всѣ упомянутыя болѣзни болѣе тяжкими. Но самое крайнее положеніе—когда, вслѣдствіе недостатка или избытка чего либо, заболѣваетъ естество мозга: это производитъ наиболѣе сильныя, грозящія смертельнымъ исходомъ, болѣзни, такъ какъ тутъ теченія всего тѣла совершаются по необходимости обратнымъ порядкомъ.

Третій видъ болѣзней происходитъ, надобно думать, трод.

Д. якимъ образомъ: отъ духа, отъ мокроты и отъ желчи. Вѣдь когда распорядитель духа въ тѣлѣ—легкое, спертые теченіями, не представитъ для него свободныхъ проходовъ, тогда духъ, не проникая въ одни мѣста, проходитъ въ другія, въ большемъ, чѣмъ слѣдуетъ, количествѣ: и что не получаетъ (черезъ него) охлажденія, онъ предаетъ гніенію; за то, съ другой стороны, насильственно вторгается въ жилы, сводитъ ихъ и, расплавляя тѣло, захватываетъ мѣсто въ

Е. срединѣ его, до грудобрюшной перепонки,—чѣмъ причи-

¹ Т. е. въ вещество, доставляющее питаніе костямъ.

няетъ обыкновенно множество трудныхъ болѣзней, соединенныхъ съ обильнымъ потомъ. Часто и духъ, образующійся внутри тѣла, вслѣдствіе разложенія плоти, не будучи въ состояніи выйти наружу, производитъ тѣ же боли, какія происходятъ отъ входящаго,—и особенно сильныя, когда онъ, занявъ тамъ мѣсто около сухожилій и жилокъ и раздупшись, натягиваетъ такимъ образомъ мускулы и прилежащія сухожилія по противному ихъ природѣ направленію. Отъ такого-то состоянія напряженности и самыя болѣзни эти получили имя судороги и корчи ¹. И врачество для 85. нихъ тяжелое: потому что за такими болѣзнями слѣдуютъ и ихъ обыкновенно устраняютъ горячки ². Затѣмъ, бѣлая мокрота бываетъ или тягостнѣе,—когда духъ, развивающійся въ пузыряхъ, задерживается, или легче,—когда онъ изъ тѣла находитъ себѣ выходъ наружу; но она испещряетъ тѣло бѣлыми наростами и лишаями и производитъ сродныя съ этими явленіями болѣзни ³. Если мокрота эта, въ смѣшеніи съ черною желчью, распространяется на тѣ круговороты божественныя, что совершаются въ головѣ ⁴, и возмущаетъ ихъ, то дѣйствіе ея бываетъ легче въ сонномъ состояніи, нападеніе же на бодрствующихъ отражается съ большимъ трудомъ. И такъ какъ это болѣзнь священной природы ⁵, то и называется вполне основательно священ-

¹ Имена этихъ болѣзней на греческомъ (τέτανος, ἐπισθότονος) происходятъ отъ общаго корня съ глаголомъ τείνειν (напрягать).

² То же самое, почти тѣми же словами, говорится у Иппократа (Aphorism. IV, 57).

³ Бѣлыми лишаями и наростами,—λευχας, ἀλφός τε. Cels. V, 28, 19: «ἄλφος vocatur, ubi color albus est, fere subasper et non continuus, ut quae, dum quasi guttae dispersae esse videantur; λευκη habet quiddam simile ἀλφῶ, sed magis albida est, altius descendit, in eaque albi pili sunt et lanugini similes». На «сродныя этимъ болѣзнямъ» мы находимъ указаніе у Иппократа (De affect. 525): «Проказа (λέπρη), зудъ (κνησμός), чесотка (ψώρα), короста (λειψίνες), лишай (ἀλφός),—все это, говоритъ онъ, скорѣе срамъ, нежели болѣзни».

⁴ См. выше р. р. 37 В, С. 42 D. 43 А, В. Ср. р. 90 D. 91 Е.

⁵ Болѣзнь священной природы (ἱερᾶς φύσεως),—священной потому, что она возникаетъ въ головѣ, въ обители благороднѣйшей и наиболѣ божественной части нашей души (см. р. 44 D). Болѣзнь этого органа, по мнѣ-

ною. Мокроты острая и соленая служатъ источникомъ всѣхъ болѣзней, сопряженныхъ съ истеченіями; по различію же мѣстъ, куда истеченія направляются, болѣзни эти получили и различныя наименованія. Но все, что называется въ тѣлѣ С. воспаленіями, происходитъ отъ жженія и паленія, чрезъ посредство желчи. Когда желчь находитъ себѣ отдушину наружу, она нагоняетъ своимъ кипѣніемъ различныя нарывы; спертая же внутри, производитъ много болѣзней воспалительныхъ. Самая сильная изъ этихъ болѣзней та, когда желчь, смѣшавшись съ чистою кровью, вытѣсняетъ изъ отведеннаго ей мѣста породу кровяныхъ волоконъ, которыя разсѣяны въ крови собственно для того, чтобы она оставалась въ должной мѣрѣ и жидка и плотна, и такимъ образомъ, въ качествѣ жидкой влаги, подъ вліяніемъ теплоты, не вытекала чрезъ поры тѣла, а въ качествѣ болѣе плотной матеріи, не теряла свою подвижность и не слишкомъ медлен- D. тельно обращалась въ жилахъ. Надлежащую мѣру въ томъ и другомъ отношеніи, по существу своей природы, охраняютъ именно волокна. Если поэтому, даже въ омертвѣвшей и застывшей крови соединить ихъ вмѣстѣ,—вся остальная кровь разливается; будучи же предоставлены самимъ себѣ, они скоро скрѣпляютъ кровь, при помощи окружающаго ее холода. При такомъ значеніи волоконъ въ составѣ крови, желчь, преобразовавшаяся по своему существу въ старую кровь, и переплавившаяся въ кровь обратно изъ плоти ¹, теплая и жидкая сначала, сгущается потомъ E. силою волоконъ, если только вливается понемногу; сгущенная же и насильственно погашенная, она производитъ внут-

нію древнихъ, могла являться только попущеніемъ божества, какъ выраженіе особаго гнѣва Божія, и потому не изгонялась ни жертвами, ни заклинаніями и никакими другими религіозными дѣйствіями. Отсюда Платонъ выводитъ самое имя священной болѣзни, подъ которымъ слыла у грековъ и римлянъ эпилепсія или падачая болѣзнь. О священной болѣзни написалъ особое сочиненіе Иппократъ, который, подобно Платону, объясняетъ ее дѣйствіемъ на мозгъ мокроты и желчи.

¹ Ср. р. 83 А.

ри холодъ и дрожь; но если желчь приливаетъ въ большемъ количествѣ, такъ что присущая ей теплота одерживаетъ верхъ, она потрясаетъ своимъ кипѣніемъ и повергаетъ въ безпорядокъ волокна. Когда при этомъ ей удается удержать до конца свое господство, она, простираясь на самый мозгъ, отрѣшаетъ отъ него своимъ жженіемъ узы души, будто причалы корабля, и отпускаетъ ее на свободу. Но въ случаѣ относительной своей слабости, когда плавимое тѣло противостоитъ ей, побѣжденная, она или распространяется по всему тѣлу, или, чрезъ жилы, тѣсняемая въ нижнюю либо въ верхнюю часть живота, бѣжитъ изъ тѣла, будто бѣглець изъ возмущеннаго города, и поражаетъ по- 86. носы, желудочныя разстройства и всѣ болѣзни этого рода.

Тѣло, страдающее преимущественно отъ избытка огня, подвергается горячкамъ и лихорадкамъ непрерывнымъ, страдающее отъ избытка воздуха—перемежающимся двудневымъ, страдающее отъ избытка воды—тридневнымъ, потому что вода медленнѣе воздуха и огня, а страдающее отъ избытка земли,—стихіи, которой принадлежитъ по подвижности четвертое мѣсто,—выдерживаетъ четырехдневный періодъ болѣзни, называемой четырехдневною лихорадкою, которая съ трудомъ излѣчивается.

Такъ-то обыкновенно происходятъ болѣзни тѣлесныя; а в. душевныя, въ связи съ состояніемъ тѣла, возникаютъ слѣдующимъ образомъ. Надобно согласиться, что болѣзнѣ души есть безуміе; безуміе же бываетъ двухъ родовъ: одинъ—бѣшенство, другой—глупость. И такъ, все, что человѣкъ испытываетъ подъ вліяніемъ того или другаго страданія, слѣдуетъ называть болѣзнію. Но чрезмѣрныя чувства удовольствія и скорби надо признать величайшими изъ болѣзней души; потому что человѣкъ, предающійся чрезмѣрной радости или испытывающій противоположное чувство, въ состояніи скорби, стремясь не въ пору достигнуть того или избѣгать другаго, не можетъ ни видѣть, ни слышать ничего правильно,—онъ неистовствуетъ и всего менѣе спосо-

бень въ то время къ здоровому сужденію. У кого сѣмя въ области мозга родится въ огромномъ изобиліи, такъ что онъ отъ природы похожъ на дерево, свыше мѣры отягощаемое плодами, тотъ въ своихъ пожеланіяхъ и въ ихъ естественныхъ выраженіяхъ находитъ для себя много всякихъ и скор-

D. бей и удовольствій, и подъ сильнѣйшимъ дѣйствиємъ тѣхъ и другихъ неистовствуетъ болѣшую часть своей жизни: онъ болѣетъ и безумствуетъ душою благодаря тѣлу, и ошибаются тѣ, кто считаетъ такого человѣка произвольно дурнымъ, а не больнымъ. На самомъ дѣлѣ, невоздержность въ любовныхъ удовольствіяхъ становится душевною болѣзнию по большей части собственно оттого, что одинъ изъ соковъ въ тѣлѣ, благодаря неплотности костей, переходитъ въ состояніе жидкой влаги. Да и почти все, что подвергается осужденію подъ именемъ невоздержности въ удовольствіяхъ

E. и произвольнаго зла, осуждаютъ въ людяхъ несправедливо. Въдъ злымъ не бываетъ никто добровольно: злой дѣлается злымъ въ силу какого-то неблагопріятнаго состоянія тѣла и худо направленнаго воспитанія,—что противно всякому и для всякаго составляетъ зло. Также опять и въ отношеніи скорбей, душа терпитъ много зла черезъ тѣло. Въдъ если блуждающіе въ тѣлѣ соки, изъ породы острыхъ и соленыхъ мокротъ, или горькіе и желчные, не найдутъ себѣ

87. отдушины наружу, но задержатся внутри и примѣшаютъ, приразятъ свои испаренія къ движенію души, то они зараждаютъ въ душѣ разнообразныя, болѣе или менѣе сильныя и обильныя числомъ болѣзни. При этомъ, проникая во всѣ три обители души, они, по прираженію каждаго къ той или другой, чрезвычайно разнообразятъ и виды душевнаго нерасположенія и разстройства, и виды дерзости и робости, и, наконецъ, виды забывчивости и тупоумія. Если же, при такой слабости тѣлеснаго состава, плохо также гражданское устройство и въ городѣ частно и публично произносятся

V. худыя рѣчи, если, затѣмъ, съ юности люди вовсе не приобрѣтаютъ познаній, способныхъ врачевать это зло,—то,

значить, всё мы, если худы, бываемъ худы совершенно невольно, и отъ двухъ причинъ. Винить въ этомъ слѣдуетъ всегда больше родителей, чѣмъ рожденныхъ, больше воспитателей, чѣмъ воспитываемыхъ ¹; и, разумѣется, надо стараться, сколько кто можетъ, и путемъ воспитанія, и путемъ занятій и наукъ, убѣгать отъ зла и достигать противнаго ему. Но этотъ предметъ потребовалъ бы уже другой рѣчи.

Теперь будетъ естественно и умѣстно поставить на видъ С. и обратную сторону дѣла,—именно, сказать о врачеваніи тѣлъ и мыслительныхъ силъ, какими, т. е., средствами они поддерживаются; потому что приличнѣе вообще направлять вниманіе на доброе, нежели на злое. Доброе вѣдь все прекрасно, прекрасное же не можетъ не быть соразмѣрно. Значить, и въ животномъ, чтобы оно было прекрасно, надо допустить соразмѣрность. Между тѣмъ соразмѣрность въ малыхъ вещахъ мы различаемъ и рассчитываемъ, а въ важнѣйшихъ и величайшихъ упускаемъ совсѣмъ изъ виду. Такъ, что касается здоровья и болѣзней, добродѣтелей и D. пороковъ, нигдѣ соразмѣрность и несоразмѣрность не важны въ такой степени, какъ въ отношеніяхъ самой души къ самому тѣлу. Но мы на это не смотримъ, и не хотимъ понять, что, когда относительно слабый и ничтожный (тѣлесный) видъ носить въ себѣ сильную и во всѣхъ отношеніяхъ великую душу, или когда оба эти вида соединяются при обратныхъ свойствахъ, животное въ своемъ цѣломъ уже не прекрасно,—потому что не отвѣчаетъ условіямъ соразмѣрности въ самомъ главномъ;—при противномъ тому строеніи животнаго, для человѣка, способнаго это различать, не можетъ быть предмета прекраснѣе его и привлекательнѣе. Представимъ себѣ, на примѣръ, тѣло съ слишкомъ длинными E.

¹ Понятія «воспитатель» и «воспитываемый» надо здѣсь принимать въ самомъ широкомъ объемѣ. И тѣло тѣми или другими качествами или недостатками воспитываетъ тѣ или другія свойства въ душѣ; общество своими учрежденіями также воспитываетъ своихъ членовъ.

ногами или несоразмѣрное вслѣдствіе какого нибудь другаго излишества: оно было бы и безобразно, и кромѣ того, подвергая себя, при общей работѣ (всѣхъ членовъ), усиленному труду, частымъ напряженіямъ и, вслѣдствіе своей неуклюжести, даже паденіямъ, создавало бы само для себя бездну неудобствъ. То же надобно думать и объ этомъ двух-

88. стороннемъ существѣ, которое мы называемъ животнымъ: душа, преобладающая надъ тѣломъ, когда волнуется страстью, потрясаетъ изнутри весь тѣлесный составъ животного и наполняетъ его болѣзнями; если углубляется съ напряженіемъ въ какія нибудь науки и изслѣдованія, расплавляетъ тѣло; наконецъ, когда учитъ и препирается при помощи рѣчей публичныхъ или частныхъ, раждающимъ при этомъ задоромъ и соревнованіемъ воспламеняетъ его и разрѣшаетъ,—такъ что производитъ истеченія, которыми обманывается очень многихъ такъ называемыхъ врачей, заставляя ихъ приписывать все причинамъ противоположнымъ. Если же, напротивъ, большое, преизбыточествующее надъ душою тѣло соединяется отъ природы съ малымъ и

В. слабымъ умомъ; то, при двухъ прирожденныхъ человѣку видахъ пожеланій,—пожеланіи пищи, исходящемъ отъ тѣла, и пожеланіи разумности, исходящемъ отъ божественнаго въ насъ начала,—движенія природы болѣе сильной, стремясь одержать верхъ и расширяя свое вліяніе, тѣмъ самымъ природу душевную дѣлаютъ тупой, несмыслящей, безпамятной и пораждаютъ величайшую изъ всѣхъ болѣзней—невѣжество. И одно средство служить противъ того и другаго зла: не приводитъ въ движеніе ни души безъ тѣла, ни тѣла безъ души, чтобы, взаимно ограничиваясь, они приходили къ равновѣсію и здоровью. Поэтому человѣкъ, изучающій науки, или напрягающій свой умъ надъ какими нибудь другими занятіями, обязанъ отдавать природѣ должное и движеніемъ тѣлеснымъ, упражняясь въ гимнастикѣ; а кто, наоборотъ, ревностно развиваетъ свое тѣло, тотъ пусть оплачивается движеніями души, занимаясь сверхъ того музыкою и всѣмъ,

С.

что относится къ философіи,—если хочеть справедливо прослыть человекомъ не только красивымъ, но и нравственно добрымъ. Такія же мѣры попеченія нужно принимать и въ отношеніи частей, подражая при этомъ образу вселенной. Вѣдь тѣло то разгорячается, то остываетъ внутренно подъ L. влияніемъ того, что въ него входитъ, отъ внѣшнихъ же причинъ то сохнетъ, то увлажняется, также испытываетъ всѣ послѣдствія этихъ перемѣнъ, подъ дѣйствіемъ обоихъ указанныхъ движеній; и если кто предаеть тѣло въ состояніи полнаго покоя этимъ движеніямъ, оно уступаетъ силѣ и разрушается. Но если кто, напротивъ, подражая тому, что назвали мы кормилицею и воспитательницею міра, пуще всего, никогда не оставляетъ своего тѣла въ покоѣ, но приводитъ его въ движеніе, сообщая ему постоянно, по всему протяженію, нѣкотораго рода сотрясенія, чѣмъ поддерживаетъ естественныя въ тѣлѣ движенія, направляющіяся E. снаружи и изнутри, и ровнымъ сотрясеніемъ приводитъ въ гармоническій порядокъ, по взаимному сродству, блуждающія въ области тѣла влияния и разрозненныя частицы: тотъ, по общему закону, указанному нами выше для вселенной ¹, не допуститъ, чтобы начала взаимно враждебныя, соединясь, пораждали въ тѣлѣ распри и болѣзни; но сдѣлаетъ то, что соединятся начала именно дружественныя и ^{89.} принесутъ тѣлу здоровье. Наилучшее изъ движеній есть движеніе въ себѣ самомъ и отъ себя, потому что оно ближе всѣхъ подходитъ къ движенію и мысли и вселенной; ниже его—то, которое производится силою чего либо другаго; самое же нисшее—это движеніе, возбуждающее тѣло силою другаго, въ той или другой его части, когда само оно лежитъ и находится въ покоѣ. Поэтому изъ способовъ очищенія и укрѣпленія тѣла наилучшій есть движеніе, сопряженное съ гимнастическими занятіями; второй за нимъ—качаніе, какъ при морскомъ плаваніи, такъ и при всякой во-

¹ См. р. р. 52 E—53 B.

В. обще не требующей усилий ѳздѣ; третій видъ движенія хо-
 нуждается, но мимо этого условія человекъ здравомысля-
 щій отнюдь не долженъ имъ пользоваться,—это видъ вра-
 чебный, видъ очищенія тѣла при помощи лѣкарственныхъ
 средствъ. Вѣдь болѣзни, если онѣ не представляютъ боль-
 шихъ опасностей, не должно раздражать лѣкарствами: ибо
 все строеніе болѣзней въ нѣкоторомъ родѣ сходно съ при-
 родою животныхъ. И составъ этихъ послѣднихъ слагается
 точно также на извѣстный, предуставленный для его жизни
 срокъ, какъ у цѣлой породы, такъ и у каждаго животнаго
 въ отдѣльности, которое получаетъ, при самомъ рожденіи,
 уже предограниченную жизнь,—если не принимать въ рас-
 С. четъ несчастій, истекающихъ отъ внѣшняго рока: ибо трех-
 угольники, образующіе жизненную силу каждаго животна-
 го, въ самомъ началѣ, сряду же слагаются такъ, чтобы
 держаться только до извѣстнаго времени, далѣе котораго никто
 не могъ бы продлить свою жизнь. Тѣ же черты представля-
 етъ и строеніе болѣзней. Если кто, вопреки предопредѣлен-
 нымъ для болѣзней срокамъ, будетъ портить его лѣкарства-
 ми, болѣзни легко обращаются изъ малыхъ въ большія и
 изъ рѣдкихъ въ частыя. Потому на всѣ подобныя явленія
 надо дѣйствовать мѣрами діететическими, насколько позво-
 D. ляетъ это намъ время, а не раздражать лѣкарствами и безъ
 того упорное зло.

И такъ, что касается животнаго въ его совокупности и
 собственно тѣлесной его части,—какимъ образомъ управ-
 лять и ею и самимъ собою, чтобы жить сколько возможно
 разумнѣе,—на счетъ всего этого удовольствуемся сказаннымъ.
 Но самое начало, на которомъ лежать будетъ руководи-
 тельство, надо вѣдь прежде приготовить, чтобы сообщить
 E. ему способность возможно лучшаго и совершеннаго управ-
 ленія. Раскрыть настоящій вопросъ обстоятельно—это одно
 уже само по себѣ составило бы порядочную задачу. Но какъ
 вопросъ побочный,—если такъ именно, по прежнимъ при-

мѣрамъ, поставимъ и это дѣло,—можно бы, пожалуй, не безъ основанія порѣшить его слѣдующимъ разсужденіемъ. Мы говорили уже не одинъ разъ, что три вида души поселены у насъ въ трехъ обителяхъ и что каждому виду свойственны движенія; такъ и теперь такимъ же образомъ скажемъ коротко, что каждый изъ видовъ, пребывающій въ бездѣйствіи и покоющійся отъ своихъ движеній, по необходимости долженъ быть очень слабымъ, а видъ упражняющійся—наиболѣе сильнымъ;—потому-то слѣдуетъ наблюдать, 90. чтобы всѣ виды поддерживали въ себѣ движенія взаимно соразмѣрныя. О господствующемъ же у насъ видѣ души должно мыслить такъ, что въ немъ каждому Богъ даровалъ генія,—въ немъ, въ томъ началѣ, которому и обитель-то мы отвели въ верхней части тѣла, совершенно правильно полагая, что оно поднимаетъ насъ отъ земли, какъ насажденіе не земное, а небесное, къ родственной намъ въ небесахъ природѣ;—ибо, придавая намъ оттуда, гдѣ восприня- в. ла свое начало душа, также и голову—корень нашей жизни, Богъ выпрямляетъ все тѣло. Такъ вотъ, кто постоянно занятъ своими пожеланіями и страстями и усиленно упражняетъ эти наклонности, у того по необходимости рождаются одни смертныя мнѣнія; и дѣйствительно, насколько лишь возможно сдѣлаться смертнымъ человѣку, тутъ онъ находитъ для этого всѣ до послѣдняго условія, развивая себя въ такомъ направленіи. Но кто, напротивъ, ревностно преданъ стремленіямъ любознанія и испытанію истины, и эти именно изъ своихъ наклонностей упражняетъ всего болѣе, тотъ, ища истины, совершенно неизбѣжно, направляетъ свои c. мысли на безсмертное и божественное, и, насколько опять способна человѣческая природа причащаться безсмертія, онъ достигаетъ этого безъ ограниченій, такъ какъ, служа постоянно божественному и держа въ должномъ почетѣ этого сожительствающаго ему генія, бываетъ чрезвычайно счастливъ. Врачевство же для всѣхъ случаевъ, конечно, одно: давать каждому виду пищу и движенія, какія ему свой- d.

ственны. Движенія, сродныя божественному въ насъ началу, это помыслы и кругообороты вселенной. Имъ-то и долженъ слѣдовать всякій,—долженъ, именно, познавая гармоніи и кругообороты вселенной, исправлять собственные обороты, поврежденные въ нашей головѣ рожденіемъ, мыслящее стараться сдѣлать, согласно съ первоначальною его природою, точнымъ подобіемъ мыслимаго ¹ и этимъ уподобленіемъ достигать наилучшей жизни, какая предуставлена для людей **Е.** богами на настоящее время и на послѣдующее.

И такъ, задача, поставленная намъ вначалѣ,—разсмотрѣть образованіе вселенной вплоть до рожденія челоуѣка,—теперь пожалуй что и исполнена. Ибо о томъ, какъ произошли прочія животныя, надо упомянуть лишь вкратцѣ,—это не требуетъ вовсе пространнаго изложенія. Этакъ, можно думать, въ отношеніи къ разсматриваемому предмету, будетъ лучше соблюдена мѣра. Будемъ же о подобныхъ вещахъ рассуждать такъ: Изъ происшедшихъ на свѣтъ мужчинъ, всѣ, кто оказался малодушнымъ и провелъ жизнь несправедливо, по всему вѣроятію, переродились, при второмъ рожденіи, въ женщинъ.

91. И поэтому боги въ то же время родили страсть совокупленія и поселили это одушевленное животное и въ насъ (мужчинахъ) и въ женщинахъ, устройвъ его въ тѣхъ и другихъ вотъ какимъ образомъ. Каналь, принимающій питье на его пути черезъ легкія подъ почки и въ мочевой пузырь и выбрасывающій оттуда подъ давленіемъ вдыхаемаго воздуха,

В. боги соединили полостью съ мозгомъ, тянущимся изъ головы чрезъ шею и становую кость, который въ прежнихъ нашихъ рассужденіяхъ мы называли сѣменемъ; мозгъ же, какъ тѣло одушевленное, напедши себѣ отдушину въ той части, которою сообщается съ воздухомъ, возбудилъ въ ней животворное стремленіе къ изліянію, чѣмъ и создалъ

¹ Мыслящее—это мыслящій духъ челоуѣка, дѣятельность котораго разстроена, при рожденіи, соединеніемъ съ тѣлесною природою; мыслимое же—это божественное все, или космосъ.

страсть дѣторожденія. Оттого-то природа мужскихъ дѣтородныхъ частей, неукротимая и самовластная, будто животное, не покоряющееся разуму, подѣ возбуждающимъ дѣйствіемъ вождельній, готова одолѣвать все. По тому же самому С. и у женщинъ такъ называемые матка и дѣтородный каналъ, это жаждущее дѣторожденія животное,—если оно долго, свыше естественнаго срока, остается безплоднымъ,—выносить свое положеніе съ тяжкимъ неудовольствіемъ, бродя всюду по тѣлу, запираетъ пути для дыханія, а стѣсненіемъ дыханія повергаетъ тѣло въ крайне трудныя положенія и поражаетъ въ немъ другія разнообразныя болѣзни. Это происходитъ, пока вождельніе и страсть того и другаго пола, произведши все равно будто плодъ изъ дерева и потомъ сорвавъ его, не посѣютъ въ матку, точно въ пашню, невидимыхъ по малости и еще безформенныхъ животныхъ, которыхъ, разъединивъ снова, выращаютъ внутри, а затѣмъ изводятъ на свѣтъ, и заканчиваютъ этимъ дѣло рожденія. Такъ, конечно, явились женщины и весь женскій полъ. А племя птицъ образовалось, поросши перьями вмѣсто волосъ, изъ мужчинъ—правда не дурныхъ, но легкомысленныхъ, которые хотя и занимаются небесными явленіями, но свидѣтельства, о нихъ представляемыя зрѣніемъ, считаютъ, по простодушію, вполне надежными. Далѣе, порода ходящихъ по землѣ животныхъ и звѣрей произошла отъ людей, которые совсѣмъ не обращаются къ философіи и не останавливаютъ вниманія ни на какихъ явленіяхъ небесной природы, потому что еще не пользовались пока оборотами, совершающимися въ головѣ, а слѣдовали внушеніямъ только частей души, расположенныхъ въ области груди ¹. Въ соотвѣтствіе такому образу жизни, передними своими членами и головою, по влеченію сродства, уперлись они въ землю, а темя ихъ приняло разнообразныя продолговатыя формы, въ зависимости отъ того, насколько у каждаго отъ 92.

¹ Т. е. нѣшихъ частей души, той верхней и той средней.

- бездѣйствія стѣснены были его кругообороты. Изъ этихъ условій возникла вся ихъ порода—какъ четвероногихъ, такъ и многоногихъ, причеиъ болѣе неразумнымъ Богъ придавалъ и болѣе подпоръ, чтобы они сильнѣе привлечены были къ землѣ. Самые же неразумные между ними, совершенно, всѣмъ своимъ тѣломъ, привлекаемые къ землѣ, не имѣютъ даже надобности и въ ногахъ, и потому Богъ создалъ ихъ совсѣмъ безногими и пресмыкающимися по землѣ. Наконецъ, четвертая порода, именно водяныхъ животныхъ, про-
 В. изошла изъ людей особенно безсмысленныхъ и невѣжественныхъ, которыхъ виновники перерожденія не признали достойными даже и чистаго дыханія, такъ какъ душа ихъ осквернена была всякими пороками, но, вмѣсто тонкаго и чистаго дыханія воздуха, предали ихъ мутному и густому дыханію воды. Отсюда возникло племя рыбъ, устриць и всѣхъ существъ, живущихъ въ водѣ, за крайнюю несмысленность получившихъ въ удѣлъ и самое крайнее жилище. Такимъ-то порядкомъ животныя, какъ тогда, такъ и теперь, переходятъ одно въ другое, мѣняя свой образъ силою того, что они отвергали и приобрѣтали,—умъ ли, или безуміе.
- С. И вотъ мы можемъ объявить, что рассужденіе о *всемъ* у насъ приведено теперь уже къ концу: ибо, принявъ въ себя существъ смертныхъ и бессмертныхъ и исполнившись ими, этотъ космосъ, какъ существо видимое, объемлющее собою видимыхъ, какъ чувственный богъ,—образъ бога мыслимаго,—сталъ существо величайшее и превосходнѣйшее, прекраснѣйшее и совершеннѣйшее,—вотъ это единое, единое небо.

